

РАБОТНИЦА '84 2

- Чем семья крепка?
- Нищета в центре Лондона.
- Беседа у экрана.
- Засучите рукава, мужчины.

3000
ДЕТЕЙ
АНТОНИНЫ
ХЛЕБУШКИНОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года
Февраль 1984

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ	2
ПИСЬМО В НОМЕР «Когда хочешь — снег горит...»	4
3000 ЕЕ ДЕТЕЙ	5
В ОБЪЕКТИВЕ — ОБУВЬ Диплом «Работницы» лучшим товарам	8
«МАЛЮТКА», СЕСТРА ШАГАЮЩЕГО	10
НЕ НУЖЕН И КЛАД, КОГДА В СЕМЬЕ ЛАД ... Конкурс журнала	11
КИШЛАК ОКНАМИ В ЗАВТРА	12
ПОЧТМЕЙСТЕР Сказка для взрослых	14
«РАБОТНИЦЕ» — 70	18
ДОМАШНИЙ КАЛЕЙДОСКОП	
ЖИТЬ С ЛЮДЬМИ	21
В БЛОКНОТ ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ	23
КРЕЩЕННЫЕ БЛОКАДОЙ	24
ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ	25
«СЧЕТ ЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — ДЛЯ МЕНЯ ВСЕГДА УДАР»	26
ПОДРУЖКА	28
НЕ ТОТ СЛУЧАЙ? Командировка по вашему письму	30
КИСТИ СТАРЫХ МАСТЕРОВ Заметки с выставки	32
ПОЧТА «РАБОТНИЦЫ»	34
В МОДЕ — КЛАССИКА	35
ЗАЧЕМ МЫ ХОДИМ В КИНО?	36
У БЕРЕНДЕЯ В ГОСТЯХ	38
ЮМОР	39

СЛОВО ПУБЛИЦИСТА

СОБСТВЕННАЯ ГОРДОСТЬ

Виталий КОРОТИЧ

НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ. ДЕКАБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС ОТМЕТИЛ, ЧТО НАША СТРАНА ЗАМЕТНО ПРОДВИНУЛАСЬ ВПЕРЕД НА МНОГИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. НО, КАК ПОДЧЕРКНУЛ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ, ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО. НАЧАЛО ДЛИННОГО И ТРУДНОГО ПУТИ, ВЕХИ КОТОРОГО ЧЕТКО ОБОЗНАЧЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЛАНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР НА 1984 ГОД, УТВЕРЖДЕННОМ ДЕВЯТОЙ СЕССИЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. ВПЕРЕДИ БОЛЬШАЯ РАБОТА. ЗАКРЕПЛЯЯ ДОСТИГНУТОЕ, НАМ ПРЕДСТОИТ ДАЛЬШЕ РАЗВИВАТЬ И ПОВЫШАТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПОДНИМАТЬ БЛАГОСОСТОЯНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ. НАШИ ПЛАНЫ ПРЕДУСМАТРИВАЮТ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ И ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ НА ДОЛЖНОМ УРОВНЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ. ПАРТИЯ НАСТРАИВАЕТ НАС НА БОЛЬШИЕ ДЕЛА, НА ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ ТРУД.

Часто я думаю о том, насколько относительно время. Одна минута его, скажем, которая прошла с момента, когда на японский город Хиросиму была сброшена атомная бомба, до того мига, когда эта проклятая бомба взорвалась, осветила наши дни таким жестоким сиянием, таким немилосердным огнем, что история человечества навсегда обожжена им.

Свидетели атомной бомбардировки рассказывают, что первыми в том огне погибли книги. Вернее, не только книги. Все, что было сделано из бумаги, из тканей и дерева, все картины, ширмы и резные скульптуры испепелились мгновенно, комками оплавленных струн стали музыкальные инструменты. Погибли творения ума и сердца; новое оружие сразу же показало, насколько оно губительно для физического и для духовного здоровья планеты.

Сегодня сделаны ядерные боеголовки, каждая из которых превышает в десятки раз хиросимскую бомбу по своей способности к

убийству и разрушению. Новые американские ракеты, располагаемые сегодня вокруг наших границ, направлены империалистами на нас с вами потому, что они хотели бы разрушить наш мир, но едва ли не в первую очередь именно духовно разрушить; согнуть нас, сломить в той самой «собственной гордости», которая особенно претит им.

Почему я вам обо всем этом напоминаю? Дабы мы еще лучше ощутили высокую цену своего миролюбия, тот четкий смысл, который вложен в недавние заявления, сделанные нашей страной. То достоинство, та государственная твердость, с которой мы разговариваем с противниками, ощущение для них новое — по крайней мере, никто до нас не позволял себе одергивать зарвавшихся руководителей крупнейших капиталистических государств. Знаете, в разных странах мне много раз довелось слышать очень верную и доказательную мысль о том, что на свете было бы куда больше несправедливости и страха, если бы наша страна и могучее содружество стран социализ-

Чтобы советские люди жили все лучше, полнее удовлетворяли свои материальные и духовные потребности, путь один: добросовестный труд на любом участке социалистического созидания.

ИДЕТ ПЛАВКА. Фото Н. МАТОРИНА.

Фото А. ХРУГОВА

ма самим своим присутствием не сдерживали любителей авантюры.

Мы выстрадали свое миролюбие, завоевали свой сегодняшний день. Это мир — для всех, и этим мы тоже можем гордиться. Социализм — это умная жизнь. Сегодня восемь или девять из десяти наших рабочих и работниц имеют среднее образование; в канун прошлой войны среднее образование у нас имели только двенадцать из ста работающих. Мы умеем ценить всё, что создают вдохновенный человеческий ум и труд на благо народа...

В этом месте я делаю паузу, потому что уметь-то умеем, но далеко не всем умение это далось сразу. Многие в своей жизни мы усваивали, воспринимали, запоминали, так сказать, облегченно — как должное. Привычными с удивительной легкостью стали для многих право на жилье и на труд; то, что медицинская помощь бесплатна, многим тоже кажется само собой разумеющимся. И, научившись требовать, иные хуже умеют отдавать и вовсе не умеют хранить. Иногда мне очень тревожно

думается, что кое-кто у нас призабывает о высокой и достойной цене советских наших богатств. Почему я так думаю? Потому что не раз уже, на разных житейских уровнях, выдывал я и сытого парнишку, играющего в футбол сухарем, и рабочего, не поспевающего к станку, и продавщицу, оставившую прилавок в разгар рабочего дня.

Это хорошо, что мы уверены: голод не грозит никому, а рабочее место гарантировано каждому. Но при этом надо бы помнить, сквозь какие бесплодие и безработицу шли мы к сегодняшнему дню, сколько сегодня на свете бездомных и безработных; так мы сознательнее будем ценить свою силу и свой достаток. Мы это завоевали, мы это храним — и все достойное надо сберечь до слова, до камешка, до ноты. Почему я здесь о словах и о нотах? Да потому хотя бы, что я никогда не привыкну к тому, что знаменитая песня о Катюше, слова которой Михаил Исаковский написал сорок пять лет назад, становятся на иных наших эстрадах танцем, почему-то зовущимся «казачок», а

«Темную ночь» пиликают, как тангошку, для развлечения ресторанный публики.

Очень важно знать, что откуда и что как нам досталось; и еще важно знать поточнее, скольким людям обязан ты своим добрым днем. Причем, очень важна здесь поименность, предметность. Когда-то у меня возникло даже предложение: а почему бы нам не издать книгу с именами и фамилиями всех советских участников Сталинградской битвы или всех тех, кто отстоял Москву в прошлой войне или освободил Киев. Пусть эти перечни в сотни тысяч имен хранятся вечно, как вечна благодарность наша героям, добывавшим победу. Если каждого из двадцати миллионов советских людей, чьи сердца остановились в годы Великой Отечественной, почтить одной минутой молчания, эти минуты сростутся в тридцать восемь с половиной лет тишины. А если мы поклонимся всем, кто не пожалел жизни своей за сегодняшний мирный день, и вспомним все годы Советской власти, то благодарное молчание будет немислимо долгим.

Это надо понять. Очень важно уважать ветеранов вообще, но еще лучше знать их поименно; и важно любить не просто рабочий класс, а конкретных его представителей, которые умеют работать самоотверженно и ответственно.

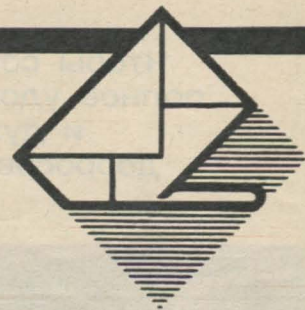
Мы еще не все сказали о социальной иерархии своей Родины, о том, кто у нас есть кто. Это упрек нам, писателям, которые непременно напишут главные книги о тружениках и героях сегодняшнего дня, помня каждого поименно и рассказывая о каждом уважительно и вдумчиво. А то ведь я иногда думаю, что мы увлекаемся иными темами, потому что они позффектнее и полегче, отступая от смысла собственного призвания, от нашего советского «кто есть кто». Иначе ведь не объездишь, почему о сборной страны по художественной гимнастике или по фигурному катанию пишется и печатается у нас, бывает, больше, чем обо всех ивановских ткачихах и свердловских машиностроителях, вместе взятых. И, главное, интересней написано. А ведь недавно еще, несколько десятилетий назад, каждый школьник подробно знал о Валерии Чкалове, Паше Ангелиной и ткачихах Виноградовых — знал и стремился подражать им как главным людям страны.

Я говорю здесь о том, сколь важно нам узнавать друг друга вовремя и по делу, сколь важно жить, будучи интересными и заметными друг для друга. В разговоре о духовном уровне, о социальных критериях мелочей нет: мы не просто завоевывали эту жизнь и трудно отстаивали ее. «Крестовый поход» империалистов обращен ведь не против каких-то частных нашего бытия, а против всей нашей политической системы, против главных примет нашего образа жизни. Конфликт этот — классовый и, если бывали у мощных капиталистических стран более или менее по-человечески порядочные президенты и премьеры, то порядочного капитализма в природе не существует. Вытянутые шеи хищных американских «першингов», повернутые в нашу сторону, со всей возможной красноречивостью напоминают сегодня об этом.

Ну что же, за пределами мира социализма не может быть и такой жизни, как наша, и такого массового журнала, как ваш, с таким великим именем — «Работница» — на обложке. Помните, как пелось в одной из первых революционных песен? «Владыкой мира будет труд!». Во имя этого самого мира, который надо отстоять и сохранить, мы с вами и живы; его-то мы никому не уступим, потому что нет у нас ничего дороже и важнее.

Я говорю об этом потому, что беречь не только материальные, но и моральные ценности, завоеванные в очень трудной борьбе, означает обеспечивать будущее. Достичь хороших результатов можно исключительно лишь неустойчивыми усилиями. Ведь именно благодаря общим усилиям удалось за сравнительно короткое время поправить положение дел на многих участках нашего большого хозяйства, почувствовать уверенность в своих силах, повысить качество труда. Это подняло настроение, добавило уверенности. С первых же дней нового года взят хороший старт.

Решения недавнего Пленума ЦК КПСС и девятой сессии Верховного Совета СССР свидетельствуют о нашем ощущении общности и о нашем гуманизме. Эти качества предметны, конкретны и реализуются в том, что делаем мы с вами. Начавшийся год таит в себе новые богатства. Пусть они будут велики. И пусть возрастает круг ответственных и беспокойных людей. Жизнь станет лучше только в том случае, если мы будем верны в своем добросовестном отношении к ней и не пожалеем совместных наших усилий для этого. Каждый из нас обязан жить так, чтобы рабочая, честная наша страна входила в каждый новый год так же убедительно и красиво, как она вошла в 1917 году в историю человечества.

«КОГДА ХОЧЕШЬ — СНЕГ ГОРИТ...»

Взялась за перо под впечатлением разговора, услышанного в электричке бакинского метро. Две девушки оживленно обсуждали прошедшее собрание. «Дала самоотвод. Охота была вешать на себя еще нагрузку». «Правильно сделала! Зачем тебе это нужно? Время тратить, пусть наивные убиваются на общественной работе». В жар меня бросило от такого диалога. Захотела вмешаться, но двери раскрылись, и девушки выпорхнули на перрон.

А я могла бы поспорить с ними, рассказать им о женщинах-общественницах, с которыми меня свела судьба. О Саиде Иманзаде, например. Не одно десятилетие она председатель Бакинского городского женсовета. Недавно мы вместе возвратились с очередного занятия в клубе девушек «Исмет». Саида-ханум все переживала, дошли ли ее слова до женщин, поняли ли они коварство ислама, «священные» каноны которого ставили женщину в положение бессловесной рабыни, интересно ли им было — вечер назывался «Ислам и женщина».

В людях, подобных Саиде-ханум, меня всегда поражало свойство души горячо, неформально относиться к общественной работе. Именно такие женщины, с кипучей энергией, окружают меня в женсоветах республиканском, районных, городских, на предприятиях.

Помните, на встрече с ветеранами партии Ю. В. Андропов с большим уважением говорил о неиссякаемой гражданской активности людей старшего поколения. Они и по сей день служат для нас образцом и примером. К сожалению, мало мы учимся у них, мало перенимаем их опыт. Если посмотреть, кто у нас в женсоветах добровольно несет нелегкую общественную службу, то это в основном люди старшего возраста. Приходится признать, что поубавилась активность молодых женщин. Бывает, просишь научного работника, например, обществоведа, выступить перед рабочей аудиторией. А она в ответ: «Что, мне больше делать нечего? Я и так занята по горло. Диссертация, семья, дом». Больно слышать такое.

Социалистическая воспитанность, о которой говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, подразумевает активное участие человека в общественной жизни. Почему же иные женщины (а в целом это небольшое число) сторонятся общественных дел?

«Трудно, — отвечают они, — ведь на нас и работа и дом, причем «вторая» домашняя смена вряд ли уступит первой».

Но почему же такие женщины, как Саида Иманзаде, умеют так распределить свое время, так организовать свою жизнь, что от их общественных интересов не страдают и дела семейные, домашние? Саида — мать двоих детей, доцент. А Тамара Мкртычева, член нашего республиканского женсовета? У нее тоже дети и внуки. Я могла бы назвать еще многих женщин, которые не мыслят себя вне общественных дел, вне кипучей нашей действительности. Им это дает полноту жизни, оптимизм, душевную бодрость.

Есть у нас пословица: «Когда хочешь — снег горит, когда не хочешь — масло не загорается».

Знаю, стоит человеку почувствовать вкус к общественной работе, и потом она не отпускает тебя всю жизнь. Это не только мое мнение. То же говорила мне, например, член женсовета нашего института Г. Байрамова. Как вначале она отказывалась от любого поручения, какие причины только не выдвигала! Но вот попросили мы ее организовать выставку рисунков наших детей, знали, что двое ее ребятишек увлекаются рисованием, — взялась и хорошо организовала. Потом за другое взялась — понаравила. И «нагрузка» стала жизненной потребностью.

Как-то пришлось мне ознакомиться с письмом тридцатилетней бакинки, не поставившей, к сожалению, своей подписи. С болью пишет она об отчужденности между соседями, которая царит в их новом многоквартирном доме. Ее маленький сын, делится она, одинок, замкнут, нет товарищей во дворе. А мне хотелось бы спросить у нее: что она сама сделала, чтобы сломать лед отчуждения, вышла ли навстречу соседям, попробовала ли соединить жильцов в каком-то общем празднике знакомств?

Мне вспоминается мое детство. Выросла я в семье революционеров (дядя был среди тех, кто устанавливал Советскую власть в Азербайджане), у нас, детей, был жгучий интерес к происходящему в стране. И старшие помогли нам найти ответы на многочисленные вопросы. Когда в школе открылась пионерская комната, нам с сестрами и двоюродными братьями захотелось сделать такую же у себя дома. И бабушка разрешила использовать кладовку. Мы побелили стены, повесили флажки, лозунги, столики накрыли красной скатертью, выпустили стенгазету и пригласили детей со двора. Как интересно было в этой комнате, как заслушивались ребята рассказами моего дяди Теймура о первых шагах Советской власти, об истории Азербайджана, о революционерах.

А теперь? Давайте прикинем: часто ли мы в семье разговариваем с детьми об идеалах, о благородстве, о жизненной позиции? Всегда ли мы охотно отвечаем на их многочисленные «почему»? А все ли готовы, оставив домашние хлопоты, отправиться с детьми в поход, на экскурсию?

У женщин, в ком бьется общественная жилка, и дети, как правило, вырастают менее инфантильными, пример матери закладывает в них элементы того, что мы называем социалистической воспитанностью. Вот и подумалось мне: отказываюсь от общественных дел, замыкая свои интересы только домом и работой, не обкрадывает ли женщина себя и близких, не обедняет ли свою жизнь? Для меня один ответ — обедняет. А для других?

Ф. МАГЕРРАМОВА, заместитель председателя республиканского женсовета, зав. лабораторией Института геологии АН Азербайджанской ССР

г. Баку.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ В ТАШКЕНТЕ ФАМИЛИЯ ХЛЕБУШКИНА СУЩЕСТВОВАЛА В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ. ТЕПЕРЬ ХЛЕБУШКИНЫХ БОЛЕЕ СОРОКА. ПЕРЕДАВАЛАСЬ ЭТА ФАМИЛИЯ НЕ КРОВНЫМ МЕЖ СОБОЙ ЛЮДЯМ, ВЗЯЛИ ЕЕ ДОБРОВОЛЬНО ИЗ-ЗА УВАЖЕНИЯ К ЧЕЛОВЕКУ, ИХ ВОСПИТАВШЕМУ.

Клара ХРОМОВА

Фото Л. КУЗЬМИНА,
В. ЧЕРНОВА,
Н. УТАРБЕКОВА.

3000 ЕЕ ДЕТЕЙ

В Ташкент я попала поздно вечером. Ни автобусов, ни такси, ни попутчиков на окраинную улицу Байнал-Минал не оказалось. Лишь в полночь постучала я в ворота, над которыми фонарь высвечивал вывеску: «Комсомольский детский дом № 1». Позвякивая ключами, подошел сторож, пояснил: «Антонина Павловна сегодня трижды ездила в аэропорт».

Ребята в доме спали богатырским сном. Бодрствовали дежурные воспитатели, повара, ночная няня — тетя Соня, Саодат Набиева. В полутемной столовой мы пили зеленый чай, вели беседу. Мне показалось, что давно я знаю этих душевных людей, о чужих детях они говорили, словно о родных: жалели тех, кто при живых родителях остался сиротой, радовались, когда ребенок здесь обретал новую семью.

Через несколько часов звонкий сигнал горна поднял с постели обитателей особняка. По сигналу «На зарядку становись!» высыпали во двор мальчишки и девчонки. Потом детские фигурки замелькали в коридорах с полотенцами через плечо, с зубными щетками. Вверх-вниз по лестницам — с ведрами, швабрами.

С директором дома Антониной Павловной Хлебушкиной мы встретились утром. Бодро вошла она в вестибюль, румяная после ходьбы: успела обойти сад, площадки, побывала в столовой, все посмотрела, проверила, вникла в каждую мелочь.

Выше среднего роста, полнеющая, но по-

движная, энергичная. Походка уверенная. Голос крепкий. Круглолицая. Темно-русые волосы, гладко зачесанные назад, открывают большую красивый лоб. Удивительно выразительные глаза передают все оттенки ее настроения.

Они были беспощадно суровыми, когда она при мне разговаривала с мужчиной лет сорока. Он пришел прямо со стройки с непросохшими брызгами белил. И сам «непросохший» после вчерашней пьянки, заросший, неухоженный. Живет один. О жене, лишенной прав материнства, вспоминать не хочет — давно в разводе. Пришел навестить двух дочек.

Встретиться с девочками Хлебушкина ему не разрешила да еще припугнула: «Будете пить — девочек не стану отпускать домой». Так и ушел отец несолоно хлебавши, зато дочки не испытали перед другими детьми позора за пьяного отца.

Хлебушкина в сердцах говорила после:

— И как только земля таких носит! Забывших свой родительский долг, утопивших его в рюмке. Воспитанники военных лет знали, что их отцы и матери погибли, защищая Родину, и гордились ими. Большинство же нынешних приходят к нам ожесточенные, познав теневые стороны «семейной» жизни, принеся в душе стыд за своих родителей. Как вселить в детские души доброту и оптимизм? Ох, много любви и терпения нужно!

Ее глаза блестели озорно, когда она не приняла поздравления «делегации». Три девчушки-первоклассницы играли в саду и вдруг услышали, что у «мамы Хлебушкиной» день

рождения. Поторопились первыми ее поздравить. Вошли в кабинет с перемазанными лицами, с немыватыми руками, в мятых платьишках.

— Дорогая мама Антонина... Антонина Павловна! — зататорили с порога.

— Это что еще за явление?! — приподняла на лоб очки Антонина Павловна, стараясь казаться строже. — В таком виде...

Не успела она закончить фразу; а «делегации» и след простыл. Мы увлеклись беседой, когда в дверь постучали. На пороге стояли три старые знакомые с букетом цветов. На причесанных головках яркие банты. Платьица отутюжены, на ногах туфельки и свежие носки.

— Ну, вот, — широко улыбнулась Хлебушкина. — Совсем другое дело...

Потом в разговоре одна из девочек сказала: «Наша Антонина Павловна гордая и нас учит не горбиться, не опускать головы!».

Строга? Да. Ее побаиваются, но только чуть-чуть. Зато справедливая — за это и любят.

В о дворе детдома, превращенном в сад, каждый чувствует себя как у бабушки на даче: не перестают грызть яблоки, груши, орехи. Страдая от сорокадвухградусной жары, я забилась в дальний угол двора, присела в тени на скамейку. Зашуршали листья. Крепкий, бронзовый от загара мальчуган лет двенадцати волоком подтащил к моей скамье целлофановый мешок с алычой, с улыбкой кивнул: «Угощайтесь!»

Они очень внимательны — дети Хлебушки-

ной, дружные, заботливые. И как по-доброму умеют радоваться удаче товарища! Это идет от Антонины Павловны.

Народная артистка Узбекской ССР танцовщица Тамара Юнусова воспитывалась в этом детдоме. Именно Хлебушкина заметила увлечение девочки танцем, посоветовалась со специалистами: «Надо ее учить». И приложила все силы, чтобы Тамара поступила в хореографическое училище.

На вечерние занятия-репетиции Тамару провожали верные рыцари-мальчишки, сидели в зале и ждали ее сколько надо и не считали это повинностью. Напротив, гордились, что далеко не в каждом детдоме есть своя артистка. Уже будучи солисткой «Бахора», Тамара могла быть спокойна во время долгих гастролей: все заботы о ее сынишке брала на себя Антонина Павловна.

Хлебушкина очень упорна, когда дело касается интересов детей. Пожалуй, отец не сделал бы столько для единственного родного сына, сколько она дала своим воспитанникам.

Двухэтажный особняк детдома внутри напоминает дворец. Непривычной кажется высота потолков — 3,6 метра, — давно уже так не строят. Антонина Павловна вспоминает, как справились новоселье в 1950 году.

Еще пахло краской, расставлялась прибывшая из Латвии мебель, распаковывались ящики с картинами, а уже съезжались сотни гостей, в том числе и свои, детдомовцы разных поколений. Потерян был счет телеграммам и поздравительным открыткам — только радуйся, а нервы Хлебушкиной сдали. Оставшись одна в кабинете, она разрыдалась. Вспомнила, чего ей стоило это новоселье.

Строительство длилось бесконечно. Антонина Павловна была уже в отчаянии. Но однажды в ее кабинете появился respectable мужчине с большим портфелем:

— Я новый начальник стройки, прибыл из Москвы.

Когда он раскрыл портфель, из него посыпались фотографии, Хлебушкина узнала, как на помощь ей пришли сами ребята. Они сделали

Механик Илья Левиев шесть раз поступал в текстильный институт. Все чаще в этом вузе стала появляться Хлебушкина. Над нею посмеивались: «Опять за Левиева хлопотать?»

Прошли годы. Как-то в детдоме появился Илья: «Мать, очень на меня сердитесь?» — и положил на стол диплом с красной корочкой.

Не раз я была в этом детдоме, но не припомню, чтобы кто-то из взрослых «стоял над душой» у ребят, указывая, что и как делать. Младшие видят: старшие не сидят без дела, — учатся у них. Утром старшеклассники проверяют у младших содержимое портфелей, помогают красиво завязать бант, сменить воротничок, осматривают, в порядке ли костюм, носки, шнурки, начищены ли ботинки. В школах, русской и узбекской, детдомовские отличаются чистотой, аккуратностью.

Гостей обычно удивляет: как это у вас нет технических служащих?

Да очень просто, здесь, как в любой семье, где полнейшая самостоятельность. Комиссия по чистоте, которую выбирают сами ребята, беспощадна — скидок никому. Чуть что, твердой рукой выведут в «зеркале чистоты» двойку. Малыши, конечно, в слезы. Но порядок обязательно наведут.

Повара жаловались мне, что за завтраком дети недоедают густую сметану. Блюда разнообразные, и каждое (уж поверьте мне на слово) объедение. Редко стол обходится без пирогов. Меню здесь каждый день, как в праздники.

Одна из воспитательниц делилась своими наблюдениями:

— Этот детдом в моей педагогической практике — четвертый. Я нигде раньше не видела, чтобы продукты получал детсовет.

Приехали как-то сюда руководители других детдомов Ташкента, интересуются: «На каком же рынке продаете излишки фруктов?»

— Продавать на рынке? — возмутилась Хлебушкина. — Все, что у нас лишнее, мы отдаем в другие детдома. Детям!

«Лишнее» — с дачи «Радость». Такое название ребята дали своему подсобному хозяйству. Это именно дача с прекрасными корпусами — спальными, спортивными, с бассейном. Трудно представить, что когда-то здесь были бугры да овраги, бросовые земли, арык — и тот заброшенный. Одно утешение: рядом две реки. Страшно было приступать к делу, но решились. Антонине Павловне приходилось быть и прорабом, и снабженцем, и заправским механизатором, и агрономом. Все делали по науке. Водопровод и канализацию провели.

Когда пришло время собирать первые овощи и фрукты, местные жители удивились: «Какой у детдомовцев урожай!» Отныне их овощехранилище не пустовало: картошка, помидоры, виноград, арбузы, дыни — все свое.

Заложили фруктовый сад, посадили две тысячи розовых кустов. И знают теперь детдомовцы садово-огородное дело не хуже деревенских ребятшек.

фотообвинение и направили министру строительства СССР Н.А. Дыгаю. После этого и был прислан работник министерства с приказом: не возвращаться, пока дом не будет готов.

В ее кабинете под стеклом фотографии воспитанников. На досуге Антонина Павловна смотрит на них, читает надписи, вспоминает, с чего начинала.

В

Ташкент Антонина приехала перед войной. Работала инструктором ЦК комсомола Узбекистана. Затем ее назначили директором детской экскурсионной станции. Зимой сорок первого в ЦК комсомола Узбекистана открылась комната помощи эвакуированным детям. Одной из первых там появилась Антонина Павловна и стала приходить ежедневно, как на службу. Устраивала концерты, воскресники, средства от которых перечислялись в фонд детей. А когда в сорок втором на средства, собранные комсомольцами, открылся детский дом, директором его стала Хлебушкина.

За годы войны детдом принял пятьсот сирот. Помещение было тесным — по двое на кровати спали. Сама Антонина Павловна ходила на работу через весь город с трехлетним сынишкой на руках. Воспитанники постарше встречали ее на полпути и как эстафету передавали друг другу мальчишку. Так и вырос Виталька в

детдоме, до сих пор почитает его воспитанников как своих старших братьев.

В архиве Хлебушкиной я нашла такое письмо:

«Здравствуйте, мама! Я теперь работаю хорошо. Прогулов у меня нет — одни благодарности. Я вспоминаю, как вы старались привить нам трудолюбие, а меня часто ругали за неряшливость. Большое вам спасибо. Как все пригодилось сейчас. Передайте привет всем детям, скажите, чтобы слушались вас. Это им пригодится на всю жизнь». Так написала из Москвы Шура Мостовая, строитель.

А бывший воспитанник Александр Вторин признался: «Антонина Павловна, я помню, как однажды вытравил из дневника двойки. Вы возмутились: «Для чего только тебя природа создала? Будет тебе 18—19 лет — поймешь». Теперь я понял...»

Для Хлебушкиной нет разделения между бывшими и нынешними воспитанниками: все любими. Появились и продолжатели ее профессии. В Туле я познакомилась с Антониной

чили высшее образование. И для каждого Антонина Павловна — родная мать, к которой стремятся в отпуск, на день рождения ее и свой тоже, на годовщину детского дома.

однажды я попала на переключку бывших воспитанников. «Хлебушкин здесь!». «И я Хлебушкин!». «И я...» — гудел зал. Более сорока детдомовцев, достигнув совершеннолетия, приняли ее фамилию, которая теперь переходит их детям. Владимир Хлебушкин — начальник автобазы в Ташкенте. Виктор Хлебушкин трудится на стройках Сибири. Михаил Хлебушкин — агроном в Калининградской области. Юрий Данилов-Хлебушкин — строитель. Еще один Владимир Хлебушкин — начальник монтажного участка в Чимкенте...

По лестнице бежал запыхавшийся Вячеслав Мясников, за ним едва успевали жена и дочь:

— Мама, я не опоздал? Мясников здесь!

Потом объявился Виктор Мохамедов с БАМа:

«Носи, — говорим, — мама! Ведь всю молодость ты в фуфайке проходила...»

Нет, ее не забывают, не обходят вниманием.

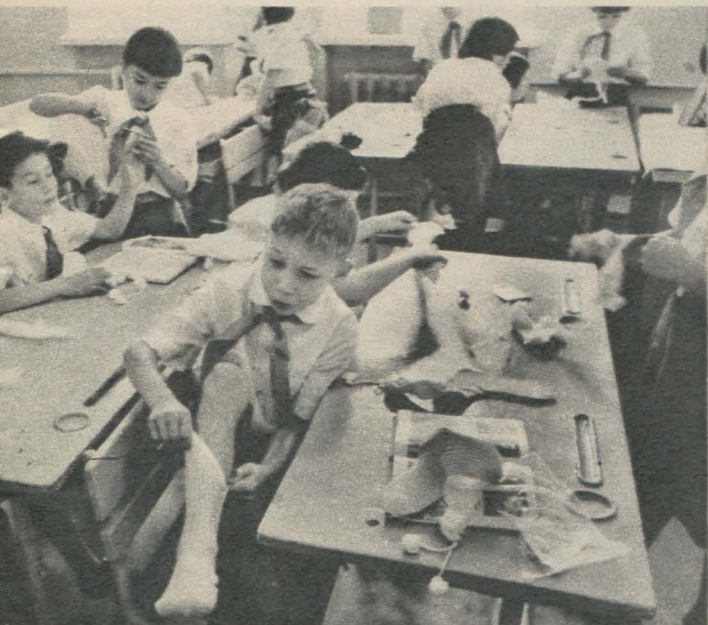
Как-то инженер-строитель Михаил Ким спросил свою жену: «Нин, ты кому мохеровую кофту вяжешь?» «Маме». «Эту свяжешь, потом кому?» «Потом себе». Отшел от жены обиженный. А она: «Так я же маме, Антоне Павловне». И Михаил просиял.

Заслуженная учительница школы Узбекской ССР А. П. Хлебушкина свой человек в ЦК комсомола республики, ее узнают на улице — фотография на районной Доске почета. Она часто ездит по проверке школ и детских домов, делится опытом, принимает у себя делегации.

Приезжает довольная, когда видит спокойные и веселые лица, заботливых педагогов — детям хорошо в этом доме. И полна гнева, если сталкивается с бездушием.

— Вы подумайте, — говорит она с

Ивановной Селиверстовой, которая всю жизнь до ухода на пенсию отдала педагогической работе. Людмила Овчинникова до сих пор учителем в одной из школ-интернатов Ташкента. К слову сказать, вместе с Людмилой в детдоме воспитывались две ее сестры, все трое получили высшее образование.

Стали хорошими специалистами Елена, Татьяна и Иосиф — дети погибшего на фронте полковника Кононова. В детдоме воспитывались пять братьев-узбеков Нугмановых: двое стали художниками, третий — архитектором, четвертый — инженером. А самый старший — Пулат — министр монтажных и специальных строительных работ Узбекской ССР.

Вместе с корейцем Мишей Кимом Пулат учился в Москве, в строительном институте. Жили студенты в общежитии, не всегда сытно ели. Скуднели по детдому, по матери, по домашней пище.

Сколько раз Антонина Павловна посылала мальчишкам с пилотами самые отборные дыни. А однажды в московском аэропорту студентам передали привет от матери в виде огромной кастрюли с пловом!

Это он, Пулат Кадырович Нугманов, признался Хлебушкиной:

«Я и мои дети вечно благодарны Вам, дорогая мама, за Вашу самоотверженную, беззаветную любовь к нам».

Детский дом дал путевку в жизнь трем тысячам воспитанников. Половина из них полу-

— Мать, прибыл к тебе на весь отпуск.

Через три дня он неожиданно исчез. Оставил охапку гладиолусов и записку: «Уезжаю на БАМ. Работа зовет».

— Вот такие они у меня, — разводит руками Хлебушкина. — Что Леняка Лукьянов из Тольятти, что Мухабат из Ферганы — крепкие, кряжистые, не вышибешь из седла.

Гости удивляются, как она всех помнит. Скажу больше, с каждым воспитанником Антонина Павловна может объясниться на его родном языке. Хотя в детдоме дети восемнадцати национальностей! Кроме русских, украинцев, белорусов, узбеков и таджиков, татар, корейцев и греков, есть болгары, цыгане, чуваш, коми, поляки...

Недавно Антонину Павловну поздравили с 1500-м внуком!

— Моя младшая дочь Катюша всю неделю ждет выходного дня, чтобы утащить меня в детдом, — рассказывает мне инженер Михаил Фещенко. — Нравится ей детдомовский чай на кухне, возня с ребятишками, беседы, ласка бабули Антонины Павловны.

Еще одно признание детдомовцев старшего поколения:

— С мужем у Антонины Павловны вышел раздор сразу после войны. Из-за нас она больше не вышла замуж. Всю молодость нам отдала. Она не может без нас, а мы — без нее. С первой полочки «сбросились» мы, преподнесли ей обручальное кольцо и оренбургский

болью, — спальни закрыты на замок. Какой же это родной дом, если ребенок чувствует себя как в казарме. Туда не ходи, там не сиди...

И продолжает:

— Я бы равнодушных людей на пушечный выстрел не подпускала к детским домам. Почему в некоторых домах что ни год — новый директор? Потому, что по анкете подбирают, а к сердцу не прислушиваются. А если его нет, сердца, полного любви к детям, толку не будет. Или сам убежит или его придется просить уйти. А вреда-то сколько. Видела я дома новые, в коврах, с полированной мебелью. А взгляды у детей сиротские, без озорства и радости, и чувствуют они себя здесь не хозяевами, а временными жильцами. Уют нужен душевный...

В Москву я летела вместе с Антониной Павловной. Уже подали трап, пассажиры спешили на посадку, а мы в сторонке продолжали беседу. И вдруг Хлебушкину окликнул молодой человек в форме пилота гражданской авиации:

— Мама! Дорогая! Узнаете?

— Сережка, милый! — обрадовалась Хлебушкина. — Как ты возмужал!

Сергей Руденко оказался вторым пилотом лайнера, на котором нам предстояло лететь. Вместе с младшим братом восемь лет он воспитывался в детском доме, где директор Антонина Павловна Хлебушкина. Мама.

Ташкент — Москва.

Читатели журнала уже знают, что «Работница» учредила специальные дипломы лучшим товарам народного потребления, выпускаемым нашей промышленностью. Диплом дается за высокое качество, соответствие моде и еще за практичность, доступность и удобство той или иной необходимой людям вещи. Сегодня в нашем объективе обувь.

Из тысяч моделей изящных туфель, теплых сапожек, детских пинеток и башмачков, кроссовок, босоножек, сандалий, мокасин, представленных на межреспубликанской обувной ярмарке, предстояло выбрать пять лучших. Самых красивых и нужных покупателям.

В ОБЪЕКТИВЕ- ОБУВЬ

Представляем читателям наше общественное жюри:

М. И. Рожнева, член редколлегии «Работницы», лауреат Государственной премии СССР; **Ю. Т. Барулина**, Герой Социалистического Труда, наладчица Московского автомобильного завода имени Лихачева; **И. П. Миросниченко**, заслуженная артистка РСФСР; **М. В. Саблина**, художник-модельер; **Н. В. Андреева**, коммерческий директор «Мособувьторга»; **Е. А. Лучанская**, студентка МГУ; **Т. М. Костыгова**, корреспондент «Работницы».

Хорошая, удобная обувь нужна всем — это ясно. Но если судить по читательской почте, пожалуй, ни один из товаров массового спроса не вызывает такой острой критики, такой неудовлетворенности, как обувь. «Когда мы научимся, наконец, делать сапоги на уровне импортных?», «Куда исчезли туфельки для самых маленьких?», «Почему промышленность забыла о пожилых, все только для молодежи?», «Почему нет модной обуви для молодежи?». И так далее. Претензии, как видите, разные, но проблема вырисовывается общая: не успевает наша промышленность за

меняющимся, становящимся все строже, все избирательнее спросом. А в результате — уже неоднократно отмеченный прессой феномен нашей торговли, когда полки ломаются от товара, а купить нечего...

Мы еще больше укрепились в этих мыслях, когда ходили по огромному, разгороженному на отсеки залу, где каждая обувная фабрика страны оборудовала отдельный стенд с образцами своей продукции. Ярмарка не выставка. Здесь нет зрителей, только специалисты, которые напряженно работают, заключают договоры на весь год, определяют отноше-

Диплом «Работницы» —
лучшим товарам

ния с поставщиками. Демонстрируют только те модели, которые полностью готовы к запуску на конвейер. Кое-что и рады не показывать, да приходится, иначе не продашь. А кое-чем охотно бы блеснули — красивые, модные, хоть на всемирной выставке выставляй. — но существуют в считанных экземплярах, не обеспечены сырьем, и потому предлагать их торговле бессмысленно.

Мы видели много хорошей, добротной обуви, которая, конечно же, не залежится на прилавке. Несомненно, вырос общий уровень качества продукции, разнообразнее стал ассортимент. Но, как уже отмечалось, выросли и требования покупателей. А вещей первоклассных, идущих вровень с мировой модой, к сожалению, явно недостаточно. Удивляло, что на стендах обувных фабрик по-прежнему господствует высокий каблук. К нему женщины и раньше-то относились по-разному, а теперь и вовсе охладели. Вот уже несколько лет, объясняет член нашего жюри художник М. Саблина, мода счастливо соединила интересы юных и пожилых, резко снизив, а то и совсем упразднив каблук у женской обуви. Самые модные туфли и сапожки сегодня — устойчивые, удобные для ходьбы. Зимняя обувь — на толстой мягкой, непромокаемой «манке» (так окрестили в народе литую полиуретановую подошву белого цвета), повседневная — на крошечном клиновидном каблучке, маленькой танкетке или совсем плоская, «балетная», напоминающая изящные тапочки.

Члены жюри упорно пытались отыскать среди всего обилия новой обуви красивые повседневные туфли на маленьком каблучке или без него, чтобы отметить своим дипломом и предложить как образец для подражания другим. Увы! Нам это не удалось. Большинство крупных производственных объединений, определяющих массовую продукцию на всесоюзном рынке, «бескаблучных» образцов не показало, а значит, выпускать их не собирается. Мы видели подходящие модели на стендах знаменитого (кто о нем не слышал!) армянского объединения «Масис». Но то, что нам понравилось, оказывается, будут выпускать мизерными тиражами, да и цены, назначенные новинкам, высоки. А ведь это обстоятельство, — напомнила председатель жюри М. И. Рожнева, — тоже учитывается при присуждении нашего диплома.

Полюбовавшись изящной продукцией «Масиса», мы отправились дальше, к стендам другого признанного лидера обувной промышленности — московского объединения «Заря».

«Заря» славится своими сапожками. Продукция предприятия не только не уступает импортным образцам, но и превосходит их качеством, отделкой, уровнем моделирования. Каждый год «Заря» резко обновляет ас-

сортимент. И если среди членов жюри и возник спор, то не о том, стоит ли награждать дипломом сапожки «Зари», а о том, какие именно. Полюбившиеся уже покупателям серо-зеленые, высокие. Или новые, коротенькие, составленные, как мозаика, из кусочков черной кожи. И те и другие — на модно скошенном каблучке, с отворотом. Но мы помнили о нашей снежной зиме и потому выбрали теплые сапоги на толстой подошве — «манке», отделанные полосками белого меха.

— Отличные сапожки, — говорит И. П. Мирошниченко. — Уютные, комфортные, легкие. Что может быть лучше для переменчивой погоды и скользких, занесенных снегом улиц?

Жюри согласилось с мнением Ирины Петровны. **Первый диплом «Работницы» присужден женским сапожкам фабрики «Парижская коммуна» московского объединения «Заря».**

Наше жюри, конечно же, интересовало и детские сапожки. Но определить среди них призеров оказалось нелегкой задачей. Если в зимней женской обуви заметны изменения к лучшему, то детская по-прежнему огорчает. Тяжелая, неуклюжая, некрасивых, мрачных расцветок.

Тем приятнее было нам, оказавшись перед стендом Саратовского обувного объединения, обнаружить там сапожки, о которых мечтает каждая мама. Как и на «Заре», их делают по одной основе, но с разным оформлением — с «молнией» и без нее, с меховыми отворотами или без отворотов, повыше или пониже, велюровые или кожаные. Легкость, современность, даже некоторый шик придает сапожкам непромокаемая формованная подошва «малыш» — ее поставляет Кишиневский комбинат искусственных кож.

Диплома нашего журнала удостоены детские сапожки Саратовского обувного объединения.

Помня наказы наших читателей, один из дипломов мы специально предназначили обуви для пожилых. Здесь выбор был довольно широк. Но больше всего понравилась нам серия повседневных туфель (5 моделей по одной основе), предложенная Че-

лябинским ордена Трудового Красного Знамени производственным объединением. В них привлекали удобство, современность и элегантность. Верх из мягкой кожи, кроенный наподобие мокасин, даже больным, уставшим ногам будет в этих туфлях спокойно. А подошва — уже знакомая нам «манка» с небольшим устойчивым каблучком. В этом году запланировано выпустить 107 тысяч пар такой обуви. И цена подходящая — 37 рублей.

Этим туфлям Челябинского производственного объединения жюри присудило диплом «Работницы».

— Не слишком ли мы увлеклись повседневной обувью? — спрашивает Н. В. Андреева, по должности своей досконально изучившая вкусы покупателей. — Есть ведь женщины, которые ни за что на свете не сойдут с высоких каблуков. Да и другим, если они уже не подростки, но еще не бабушки, нужны нарядные, выходящие модельные туфли на тонком каблучке типа «шпильки» или «рюмочки».

Поверьте: мы их искали. Но, наверное, у Натальи Васильевны и у всех остальных членов жюри слишком высокие требования: хотелось, чтобы туфли «для выхода» были особенно изящны, женственны, нарядны. И отличались от тех, что носили в прошлые годы. К сожалению, ничего подходящего мы так и не обнаружили. Диплом за нарядные туфли мы решили не присуждать.

— О молодежи забыли, — напоминает самый юный член нашего жюри, студентка Катя Лучанская. Ей, как и большинству девушек такого возраста, подавай сандалии или кроссовки. Что ж. Катя выражает мнение значительной группы покупателей, и жюри прислушалось к ее совету, внимательно рассмотрев серию летних девичьих сандалий — босоножек кишиневской фабрики «Зориле». Плоская невесомая подошва из пористой резины, а верх — переплетение тоненьких кожаных ремешков. Изящно, современно и дешево: стоят такие сандалии 10—12 рублей.

Жюри единодушно присуждает сандалиям кишиневской фабрики «Зориле» диплом.

Еще один диплом мы приберегли, конечно же, для кроссовок.

Можно возмущаться ребятами и девочками, которые носят эту предназначенную для спорта обувь чуть ли не круглый год, ходят в кроссовках и на учебу, и на работу, и на танцы, но с модой, как известно, спорить бессмысленно. А кроссовки, кроме модности, имеют массу серьезных достоинств: они удобны, гигиеничны и превосходно сочетаются с одеждой молодежного спортивного стиля.

Наша промышленность освоила выпуск неплохих отечественных кроссовок — было бы их только побольше, чтобы хватило всем желающим! Но выбрали мы не украинские, не эстонские, не кимрские кроссовки, хоть все они радуют хорошим качеством.

Диплом «Работницы» присужден туфлям обувной фабрики г. Кузнецка Пензенской области.

Строгий знаток возмутится: какие же это кроссовки? Нужна литевая полиуретановая подошва, а тут клеевая, из обычной резины. Верно, на Кузнецкой фабрике нет импортных агрегатов «Десма» — для изготовления литевых подошв. Здесь самое обычное оборудование. Давайте не называть их изделие кроссовками. Пусть просто: спортивные туфли или туфли для отдыха. Но модели настолько разнообразны, с таким вкусом, выдумкой используются сочетания цветного текстиля и велюра, так тщательно обработаны все детали и швы, что кузнецкие спортивные туфли выглядят не хуже кроссовок, а стоят вдвое дешевле. Выпустит фабрика таких туфель за год сотни тысяч пар. Хороший пример предприятиям, которые оправдывают устаревший ассортимент отсутствием дефицитного сырья и оборудования.

Дипломы «Работницы» вручены. Мы надеемся, они помогут хорошим товарам поскорее попасть на прилавок. Как сложится дальнейшая судьба наших призеров, выполнят ли предприятия свои обязательства перед торговлей, мы расскажем в журнале.

А читателей просим: примите участие в работе жюри. Расскажите о товарах-новинках, которые вам особенно пришлись по вкусу. Подумаем вместе, кто еще достоин диплома.

Но давайте договоримся: в своих письмах не требуйте назвать точный адрес магазина, где эти новинки продаются, не просите «достать» ту или иную вещь. Здесь редакция помочь бессильна. Лучше все вместе дадим бой «дефициту», чтобы понятие это вообще исчезло из нашей жизни.

Репортаж с ярмарки вела Т. КОСТЫГОВА.

С читателями «Работницы»
беседует секретарь
Свердловского обкома КПСС,
председатель областного
координационного совета
по товарам
народного потребления
ВИКТОР МИТРОФАНОВИЧ
МАНЮХИН.

На земле немного таких удивительно щедрых природных кладовых, как Урал. Традиционно знаменит наш край производством мощных буровых установок, турбин, прокатных станов. Но не только. Сегодня всем хорошо известны и изделия массового спроса, выпускаемые предприятиями Среднего Урала, — технически сложные товары и более простые: посуда, игрушки, садово-огородный инвентарь... Делают эти товары наши машиностроительные, металлургические и другие заводы. Но, к сожалению, пока таких товаров еще недостаточно. Вот у меня в руках особая книжница: «Каталог на 1983—85 гг. товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, потребность в которых в Свердловской области не удовлетворяется». Пока недостающих в полном объеме товаров — 1300. И самое обидное, что есть в «Каталоге» вещи простейшие: ножеточки и судки для специй, спицы для вязания и половники. Встречаются изделия и посложнее — электромиксер и электрокипятник, электромясорубка и электросковорода с тефлоновым покрытием. Неужели их изготовление не под силу индустриальному Уралу? Должен сказать, что сейчас делается все, чтобы эти товары были в достатке. Пожалуй, само появление «Каталога» — лучшее тому доказательство. Составили его в результате очень кропотливой работы. Несколько лет назад мы разработали целевую программу по товарам народного потребления. Предварительно изучили и проанализировали возможности предприятий всех отраслей промышленности: кто какие товары может у себя делать. В этих исследованиях участвовали Уральский научный Центр АН СССР, 50 отраслевых и проектных институтов, более 600 предприятий. По сути дела, шел поиск резервов: как предприятия с прогрессивной технологией, высокой организацией труда смогут наладить у себя, помимо выпуска основной продукции, и производство товаров массового спроса. Да таких, чтобы они были на уровне лучших мировых образцов. Потребовалось не только оснастить участки всем необходимым, но и создать специализированные цеха, конструкторские отделы, бюро, технологические службы. За это мы и взялись в первую очередь. Сегодня на предприятиях работает уже более ста таких цехов и участков.

С гордостью можем сказать: к выпуску товаров привлечены почти все предприятия области независимо от их профиля и подчиненности. Известную марку «УЗТМ» — Уральский завод тяжелого машиностроения — носят сейчас не только экскаваторы, но и кухонные гарнитуры, оригинальные хлебницы. В этом смысле можно считать, что популярнейшая стиральная машина «Малютка» и знаменитый шагающий — родные брат и сестра, у них один отец — могучий «Уралмаш».

Кстати, о «Малютке». Многие покупатели досадают: не хватает ее в продаже. Есть для этого причины объективные. Недостаёт сырья для корпуса машины — полистирола, проблема и с двигателями — мало их выпускается. И все же, несмотря на трудности, уралмашевцы делают «Малютку», план по ее выпуску перевыполняют.

Сейчас в области уже обеспечены опережающие темпы роста выпуска товаров массового спроса. За первые три года пятилетки их выпуск увеличился более чем на 400 миллионов рублей. Это превышает уровень, предусмотренный нашей целевой программой.

«МАЛЮТКА»,
СЕСТРА
ШАГАЮЩЕГО

В том, что положение изменилось, заслуга координационного совета по товарам народного потребления. Он был создан при обкоме партии сразу же после того, как мы приступили к реализации целевой программы. Входят в совет партийные работники, руководители крупнейших предприятий области, специалисты управления торговли, ВНИИ технической эстетики, директора оптовых баз, представители госторгинспекции и облсовпрофа.

Почему появилась необходимость организовать такой совет? Да потому, что поначалу многие предприятия схватились лихорадочно делать хоть что-нибудь. К примеру, такое мощное объединение, как «Турбомоторный завод», которому под силу паровые и газовые турбины, мощные дизели, выпускал только... лыжные крепления и металлические карнизы. Изделия хоть и нужные, но несложные: завод с такой высокой культурой производства мог бы взять себе ношу и потяжелее.

Совет пристально следит за тем, чтобы предприятия не дублировали друг друга,

контролирует выполнение договорных обязательств по поставке комплектующих деталей, узлов. Скажем, объединение «Уралхиммаш» осваивало кухонную машину «Белка»: она может и мясо рубить, и соки выжимать, и тесто замешивать, кофе молоть, овощи шинковать, набивать колбаски. Предприятие скооперировалось с «Пневмостроймашиной», «Уралкабелем», другими заводами. Было точно определено — заказ шел от торговли, — какое количество «Белок» нужно выпустить, а стало быть, кто, сколько и когда поставляет комплектующих изделий. Понятно, чтобы наладить бесперебойный выпуск такой сложной бытовой техники, нужна четкая координация. Ею и занимался совет.

Во всех этих хлопотах мы не забываем о главном — о покупателе. В фирменном магазине «Уралец» каждый месяц разворачивается какая-нибудь выставка-продажа. На видном месте лежат анкеты для покупателей, книги отзывов и предложений. Мы прекрасно знаем из отзывов, что повышенным спросом пользуются кухонные гарнитуры «Кристалл», пылесосы «Урал», чайные сервизы Сысертского завода художественного фарфора. Значит, наши предприятия должны строить свою работу так, чтобы именно этих товаров было больше. И наоборот, многие изделия снимаем с производства: устарели, не соответствуют сегодняшним меркам, или рынок ими насытился. За последние пять лет в области обновлена практически половина выпускаемых товаров.

Конечно, мы должны признать, что сделано далеко не все. К примеру, на заводах министерств цветной металлургии, энергетики, стройиндустрии изделия массового спроса выпускаются в недостаточном количестве. Кое-где мало заботятся о внешнем виде товаров.

Но есть и такие трудности, решение которых зависит не от нас. Возьмем хотя бы процесс согласования выпуска новых изделий. Он невероятно громоздок, занимает много времени. Помню, когда на «Уралхиммаше» готовились к выпуску кухонного комбайна, «прошли» двадцать четыре инстанции! На это потребовалось три года.

Или отношения со смежниками — нам на них порой очень трудно влиять. Письма, звонки, личные контакты зачастую безрезультатны. Нам кажется, что этой проблемой должен заниматься Госплан СССР. Именно он сможет координировать усилия самых различных отраслей по выпуску товаров для народа. А в целом, думается, что это важнейшее общегосударственное дело вступило в новый этап. Произошла психологическая перестройка руководителей предприятий: в большинстве своем они перестали относиться к выпуску товаров массового спроса как к чему-то второстепенному.

Мы уже приступили к созданию целевой программы на 12-ю пятилетку. Сама жизнь подсказала: необходим комплексный подход к решению этой важнейшей задачи. Недавно Политбюро ЦК КПСС обсудило и одобрило предложения об организации в стране разработки комплексной программы развития производства товаров народного потребления и системы услуг населению на 1986—2000 годы. Таким образом, целевая программа свердловчан станет частью этой общенародной программы. И уральцы приложат все усилия, чтобы выполнить ее достойно, дать стране не только оборудование, но и те товары, что нужны каждому из нас изо дня в день.

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

Фото Н. ПЯТКИНА.

«Уважаемая редакция!

Живут в нашем доме над нами Кузнецовы — Надежда и Володя, совсем еще молодые, но если надо назвать по имени отчеству — Владимир Александрович и Надежда Гавриловна. Оба рабочие Волжского автомобильного завода, жена трудится на конвейере, на окраске кузовных деталей для «Жигулей»; а муж — на обслуживании красочно-сушильной установки. Их многие знают на заводе как добросовестных тружеников и как родителей семерых детей. А уж мы, соседи, наблюдаем их жизнь изо дня в день. Наблюдаем и любимся.

Ребятки идут лесенкой друг за другом: старшему, Вадику, — пятнадцать, он в восьмом классе, а двое младших в детском саду. Живет семья дружно и весело. Бабушек и дедушек нет, надеяться было не на кого, только друг на друга. И не унывают! Кузнецовы занимают две квартиры на одной площадке, двух- и трехкомнатную, так когда бы ни заглянул к ним — чистота и порядок, ребята приучены сами и за полом следить и за своей одеждой и обувью. Выходят играть во двор дружной стайкой — шумные, как и все их сверстники, но в то же время и обходительные со старшими, справедливые в отношениях с друзьями.

Посмотрела я сейчас в окно, как папа повел свою гурьбу на прогулку, невольно позавидовала счастливой семье и решила написать в «Работницу». Может, пришлете в наш молодой город своего корреспондента, чтобы рассказал всем про эту семью?»

Что ж, с удовольствием воспользуемся приглашением волжанки Л. Шестаковой, чтобы познакомиться поближе с дружной семьей, присмотреться внимательно в обыденной жизни, как складываются взаимоотношения мужа и жены, каков сам стиль семьи Кузнецовых, их опыт преодоления трудностей (ведь трудности есть у всех, невозможно представить, что

НЕ НУЖЕН И КЛАД, КОГДА В СЕМЬЕ ЛАД...

НОВЫЙ КОНКУРС
«РАБОТНИЦЫ»:
«ЧЕМ СЕМЬЯ
КРЕПКА?»

МЫ ПРИГЛАШАЕМ
ВАС
ПОРАЗМЫШЛЯТЬ
НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА
О СЛАГАЕМЫХ
СУПРУЖЕСКОГО
СЧАСТЬЯ,
РАССКАЗАТЬ
О ЛЮБВИ
И ВЕРНОСТИ,
НАЗВАТЬ АДРЕСА
ДРУЖНЫХ И
ИНТЕРЕСНЫХ
СЕМЕЙ.

Старинная русская пословица лукаво и мудро соотнесла в системе ценностей материальный достаток дома и моральную атмосферу, царящую в нем. Что перетягивает на чаше весов? Что важнее для каждого из нас — и для взрослого и для маленького? Скажете: хорошо бы и то и другое вместе! Ну кто же будет спорить, достаток — это очень важно в нашей сегодняшней жизни, и не будем лицемерить, утверждая, что от него ни в малой степени не зависят наше спокойствие и здоровье, круг наших интересов. Но что значит достаток любой величины, способен ли он сделать жизнь человека полной, радостной, осмысленной, если нет в семье взаимопонимания и взаимоуважения; нет единства целей и стремлений, нет заботы друг о друге, почтения к старикам, нежности к малышам?

Как много значит он и для мужчины и для женщины, этот желанный семейный лад! Ведь хорошая семья способна дать человеку крылья, в ней ощущает он себя сильным и защищенным от любых неприятностей, духовно богатым и интересным, словом, любимым.

«В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женьтибой», — писал полтора века назад А. И. Герцен.

А вот свидетельства сегодняшние. Рабочее утро любого из сотрудников «Работницы» начинается одинаково — с чтения писем. Ваших писем, читатели. Встречаются среди них и рассказы о личном, сокровенном. Читаешь их — и вновь и вновь задумываешься: как же важна для каждого из нас поддержка домашнего «тыла»! И как ответственно и терпеливо, в многолетних трудах души нужно создавать семейный лад. И как беречь его...

Прочтем письмо Л. Шестаковой из города Тольятти:

какая-то семья, а уж тем более многодетная, сказочно разминувшись с ними). А как соотносятся интересы их дома и «второго дома», как называем мы место работы? Помогает ли семейный лад профессиональному совершенствованию, завоеванию авторитета у коллег? А что в этой семье своего, особенного в воспитании ребят, как у девочек закладываются основы их будущего женского характера, а у мальчишек — мужского?

Вопросов множество. Понятно, что приглашением в Тольятти наш корреспондент сможет воспользоваться лишь в том случае, если сами Кузнецовы не против. Ведь мир семьи — тайна за семью печатями, «сфера неприкосновенной суверенности», по выражению мудрого Сухомлинского.

Еще одно условие: желательно показать семью не вымышленную, а конкретную. Постарайтесь объяснить нам, вашим читателям, почему именно эту семью считаете вы заслуживающей внимания. Чем эта семья отличается от других, какие сложились в ней традиции? Есть ли общие для взрослых и детей увлечения? А жизнь окружающих рядом с этой семьей — содержательнее, теплее, легче?

Итак, ждем ваши рассказы.

Материалы на конкурс принимаются до октября будущего года. В декабрьском номере «Работницы» за 1985 год вы прочтете имена победителей: обладатель первой премии получит 400 рублей. Две вторых премии — по 300 рублей, три третьих — по 150 рублей и пять поощрительных — по 50 рублей.

Творческих успехов вам, товарищи!

Дувалы, которые не из глины

«Да, нелегко таджичку из
кишлака вытянуть...»

Из разговора.

Мы расселись по местам, автобус тронулся, и через минутку кишлак Чаволай скрылся за склоном горы.

— Н-да...— мрачно проговорил Бадриддин Вахобов.— Нелегко таджичку из кишлака вытянуть. Даже из такого близлежащего: всего-то шестнадцать километров до города. И ведь автобус выделяем: пожалуйте, дорогие женщины, на смену! А потом домой тем же порядком. С ветерком.— Вахобов чему-то усмехнулся и покачал головой.— Мы об этом маршруте заранее побеспокоились. Дорога, как видите, отличная. Три километра асфальта уложено! А гоняем по ней с ветерком пока только мы — как сказать, экспедиция по найму работниц на Душанбинский текстильный комбинат. В четвертый раз приезжаем. Но не набрали и тридцати человек. А знаете, сколько здесь женщин-домоседок, которые могут работать? Больше ста!..

Бадриддин Вахобов, начальник отдела кадров Душанбинского хлопчатобумажного объединения, не просто раздосадован. Он озабочен, встревожен. Да и не он один, судя по

убеждению и я, побывав в тот день вместе с Вахобовым в кишлаке Чаволай.

Мы стояли в центре кишлака, укрывшись от солнца под раскидистым тутовником. Невдалеке глиняные дувалы, которые наглухо закрывали дома и дворы от посторонних взглядов. Девчата, которые собрались на встречу с нами, пестрея своими по-восточному яркими платьями, пересмеивались, свежо сверкая улыбками, но вопросов задавали мало. Нет-нет да и косились на седебородых. Те молча держались в сторонке. Ну, а приезжие рассказывали, объясняли, уговаривали.

Две девушки согласились пойти на комбинат. И одна из них— звали ее, кажется, Саноат— вдруг, гневно зарумянившись, отважилась обратиться к старшим: «Почему не отпускаете дочерей?!» Седебородые заговорили. Обращались они к нам. Женщины, сказали они, и здесь хватает дел: по дому, в колхозе. Еще вот что: многие мужчины ездят на работу в город. А кто в колхозе будет? И вообще, уважаемые: когда дочь взрослая, у нее есть жених, потом муж. Вот он и распоряжается, у него спрашивайте.

Тут в разговор вмешался бригадир. Он говорил возбужденно. Недоволен, перевели мне, тем, что большинство женщин в колхозе только числятся.

Когда мы вернулись на комбинат, Вахобов подтвердил: да, чаще приходится убеждать не самих женщин, а мужчин— кишлачную общственность. Сильна еще эта традиция Востока— держать женщину дома, за дувалом. Она, дескать, хранительница очага. А домашний очаг хранит женщину— от беды, от порчи. Потому что, если женщина покидает свое жилище хотя бы на несколько часов, какая она

шту: «Причина— замужество». Чаще увольняются именно по этой причине. Ну, а потом дети пойдут... Словом, прощай, Саноат-хон, навсегда. Она, заметьте, окажется потерянной не только для нашего комбината. Она вообще вряд ли вернется в сферу общественно полезного труда. И это при том, что ее труд— я имею в виду тысячи таких вот Саноат— очень нужен, позарез необходим республике. Да и самой женщине: разве может она нормально развиваться как личность, сидя дома? И воспитывать у себя в семье полноценных граждан? Разве для этого их матери отважились сбросить паранджу!..

О чем молчит Охистамо

«Дорогие подруги! В своих
совхозах организуйте
строительные бригады из чис-
ла домохозяйек и выпускниц
средних школ!..»

Из открытого письма девушек-строителей Кулябской области ко всем девушкам республики.

Странно и больно было мне видеть перед собой эту молодую, крепкую женщину, которая почти уверена, что ее самые яркие годы позади. Годы, заполненные делом, которое так

Владимир ГРУДСКИЙ

КИШЛАК

разговору, который продолжался в нашем автобусе.

Знаменитый в республике текстильный гигант, один из первенцев таджикской индустрии, который давно уже, казалось бы, налил богатый силой, на самом деле из года в год работает, что называется, вполруки. Не хватает рабочих. Сейчас дефицит превышает полторы тысячи человек. Нужны прядильщицы, ткачихи, сьемщицы, зарядчицы... И вот что примечательно: таджички составляют только треть всех работниц. Чем же объясняется такая непопулярность комбината? Тяжелы условия труда? Да нет, в последние годы осуществляется интенсивная техническая реконструкция. Половина всего оборудования уже заменена на более производительное и простое в обслуживании. Зарботки на комбинате приличные и продолжают расти. Что касается производственного быта, то налажен он отменно. Территория предприятия напоминает маленький город. В магазинах хороший выбор продуктов и товаров. Столовые, чайханы, кафе, столы заказов. Приемные пункты прачечной и химчистки. Поликлиника и стационар. Есть у комбината свои детские сады, ясли, пионерский лагерь...

Нет, Вахобов, как и остальные участники «экспедиции по найму», убежден, что рабочие места пустуют не по вине комбината. В этом

хозяйка, жена, мать!.. Да и ни к чему это. Кормить семью обязан мужчина, этим меряется его достоинство. Конечно, пояснил Вахобов, в городе сейчас редко встретишь такие предрасудки. Но наш основной трудовой резерв— женщины села. А в кишлаках предрасудков еще достаточно. При этих словах Бадриддин бросил взгляд на стену своего кабинета.

Там висела карта окрестностей Душанбе. Синим карандашом на ней были прочерчены линии, обозначившие направления, по которым курсируют комбинатовские автобусы. Курсируют они по 40 кишлакам. Одни совсем рядышком; другие в 30, 50 и даже 60 километрах. Ну и маршруты!

— Что поделаешь!— развел руками Вахобов.— Вы понимаете, Душанбе окружен огромной свитой кишлаков. Преград на пути от кишлака до комбината хватает. Это ведь своего рода дувалы, которые, увы, не из глины. Самое обидное, что сколько ни бьемся, а устранить их нам не удастся. Конечно, мы наберем 30 человек в Чаволае, можете не сомневаться. Наберем, научим, поставим к станкам. Но вот что дальше-то будет? С той же самой Саноат? Я скажу вам. Годика через два, только она станет набираться опыта, мастерства, придет ко мне: давай, товарищ начальник, расчет. И в «Книге увольняемых» я запи-

отвечало ее желаниям, способностям, потребности быть полезной обществу. Улыбка Охистамо Сафаровой приветлива, но и грустна, когда я расспрашиваю ее о том времени. А может, не грусть это? Может, усталость? Весь день в доме одна, если не считать троих детей и сестренку-подростка, когда она возвращается из школы. А дом— обычный, сельский, таджикский дом.

Опять обвожу взглядом комнату. Хотя день в разгаре, но узкое окошко пропускает слишком мало света и под потолком горит лампочка. Сидим на курпаче, то есть стеганом одеяле, расстеленном на полу.

Да, я понимаю Охистамо. Понимаю эту горчинку в ее улыбке, неважно, усталость это или грусть.

Несколько лет тому назад республику всколыхнул призыв девчат из этого совхоза, совхоза имени Турдыева. Они, как только окончили десятилетку, создали у себя строительную бригаду. Славное было время! Девчата строили дома, школу, коровники. Их бригадир Охистамо Сафарова обрела сотни подруг-единомышленниц по всему Таджикистану. Почин был подхвачен всюду. В одной только Кулябской области появилось больше 50 таких бригад...

Но мало-помалу руководство совхоза все меньше интересовалось бригадой. Вернее, бри-

годами, поскольку их уже было две. Перестало заботиться о том, чтобы у девушек всегда была работа. Стали падать заработки. Да тут еще одна за другой начали обзаводиться семьями. Ну, и осталась от двух бригад одна. В числе выбывших оказалась и зачинательница всего дела — Охистамо Сафарова. Едва ли не тяжелее всего, призналась молодая женщина, — это получать письма. Авторы писем, которые приходят к Охистамо с разных концов республики, обращаются к ней как к героине. Просят поделиться опытом, просят совета, как, положим, убедить руководство, что девочкам можно доверять серьезные дела. Или как уговорить мужа, отца, чтобы отпустил работать...

Когда старшеклассницы местной школы доверчиво спрашивают Охистамо, куда можно пойти работать, она не знает, что ответить. И молчит. Как молчит она о том, что была делегатом комсомольского съезда, и о том, что партийные взносы платит как домохозяйка, и тем более молчит Охистамо Сафарова о своей дальнейшей судьбе.

А в самом деле: что она может знать о своей дальнейшей судьбе? И даже о судьбе этих девушек, если не только в совхозе имени Турдыева и не в одном лишь Московском районе — по всей Кулябской области (где осталось, к слову, чуть больше 20 «сафаровских» бригад) не могут найти применения десяткам тысяч рабочих рук. (А это 30 процентов всего трудоспособного населения.) Большая часть их — женщины.

А что ждет кулябских женщин в ближайшие годы? Намного ли увеличится число рабочих мест?

На мой вопрос, есть ли у областных организаций программа размещения на их территории

рассказывает с гордостью и воодушевлением о забываемой странице в жизни древнего города Ура-Тюбе.

— До 1965 года, — говорит Зеби, — вся слава нашего города была в прошлом. И в туристических справочниках писали о нем, как о старинном центре ремесел. Ну, еще упоминали вскользь о двух заводиках — кирпичном и винном, где работало по сто человек, конечно, мужчин. Женщины дома сидели. И что это была за жизнь! Я тогда школу заканчивала, так у нас — это уже в 10-м классе — половина девочек ходили, закутав лица платками, только глаза наружу. Телевизоров в городе не было, да и приемник редко где увидишь. Представляете!..

Мне, честно говоря, трудно это представить. Потому что мы сидим с Зеби в открытом летнем кафе в пределах фабричного двора, больше похожего на сад: лимонарий, цветник, аллеи деревьев... А главное, потому, что полчаса назад я был в цехах, и это тоже напоминало сад: гроздь пряхи ярких расцветок, юные лица работниц. Сосредоточенные, улыбчивые, смелые, любопытные, увлеченные — словом, прекрасные лица. А под потолком, прямо над столами и фанговыми машинами, — большие подсвеченные слайды, на которых портреты лучших из лучших: вязальщиц Рахбар Адиловой, депутата Верховного Совета СССР, и Хайри Аброровой, депутата Верховного Совета республики, швей-мотористки Пардаой Кушакковой, лауреата премии Ленинского комсомола, и многих других. И еще кое-что мне уже было известно. О том, что год назад, например, здесь проводился Всесоюзный семинар Минлегпрома СССР по передовой технологии. О новом микрорайоне, 12 многоквартирных до-

пу Хайри Негматова — самая, может быть, уважаемая женщина города: это она когда-то первой сорвала с себя паранджу. Ходили по махалля (кварталам), по домам, собирали людей в домоуправлениях. Объясняли, зачем нужна фабрика, что она будет выпускать, какое дорогое оборудование будет установлено. И случалось, самым убедительным оказывался последний довод. «Пятнадцать тысяч за станок! — восклицал какой-нибудь Абдуллоака. — Серьезное, значит, дело. — И согласно кивал чалмой. — Хоп!»

Вернувшись с учебы, девочки приняли участие в пуске фабрики: отделочные работы, монтаж, наладка. И в 1966-м пошел первый трикотаж. Событие было отмечено городским праздником. Но еще много понадобилось усилий, чтобы полностью укомплектовать штат. Потребовалось, например, помочь многодетным женщинам (детсад только строился). И Зеби Марупова со своими комсомолками, чуть закончится смена, отправлялись к малышам. А матери этих малышей спешили на фабрику. Было и такое: когда ввели вторую смену, 150 девушек из швейного цеха вдруг не явились на работу. Оказалось, родители не пустили. И в самом деле: домой юная работница попала после полуночи. А на пути — узкие темные переулки, полчища собак... Стали развозить девушек на автобусах или выделять сопровождающих — так и «сдавали» девчат с рук на руки их родителям.

Мало-помалу уже и в окрестных кишлаках проснулся интерес к фабрике. Теперь треть ее коллектива — это сельские жительницы, и к их услугам одиннадцать специальных автобусов.

— ...И вы знаете, — закончила свой рассказ Зеби, — в городе заметно увеличилось число

ОКНАМИ В ЗАВТРА

новых предприятий, где будет использоваться женский труд, ни председатель облисполкома Х. Раджабов, ни председатель облплана Н. Элиев не дали конкретного ответа.

И ндекс «Н»

«Вы не были в Ура-Тюбе? Когда построили фабрику, жизнь в городе стала совсем другой».

Из беседы.

Сначала Зеби Марупова работала вязальщицей, потом — бригадиром. Потом — инструктором швейного цеха. В это же время ее избрали секретарем комсомольской организации фабрики. А чуть раньше она уже и студенткой стала, поступив заочно в Душанбинский университет на экономический факультет. И вот теперь Зеби Марупова, секретарь партбюро Ура-тюбинской фабрики верхнего трикотажа,

которые выстроила фабрика. О детских садах-яслях, куда (ну, как в такое поверить!) совершенно нет очередей.

А начиналось так. Местные власти ходатайствовали перед правительством республики о строительстве крупного предприятия, где могли бы работать уратюбинки. С учетом того, что район животноводческий и есть такое сырье, как шерсть, было принято решение: строить фабрику верхнего трикотажа. На 2700 рабочих мест. Партийные и советские органы города энергично взялись за дело. Самым сложным был, конечно, кадровый вопрос. Резервов-то хоть отбавляй, но вот сколько будет желающих? И второе. Кому и где их готовить? «У нас в городе вообще не было рабочего класса, — сказала Зеби. — А тут такое сложное производство, сложнее швейного». Стали набирать группы девушек, чтобы послать их на учебу в Ленинград, Загорск, Ташкент — туда, где есть родственные предприятия. И это вызывало дополнительные осложнения. «Я всю жизнь дальше Ленинабада не ездила, — возмущалась то одна, то другая женщина. — А дочь моя, смотрите-ка, в Ленинград собралась! Пусть сперва сносит столько рубашек, как я!»

Была создана инициативная группа. Вошли в нее главным образом активистки, жены советских и партийных работников. Возглавила груп-

студенток. Я имею в виду девчат, которые едут учиться в другие города. И тех, кто учится заочно, в институтах, в техникумах. Потому что своих высших учебных заведений, если, конечно, не считать созданного для фабрики ПТУ, у нас нет. Пока, — добавила она, заодно улыбувшись.

Потом я побывал в цехе особо модных изделий. Мне показали новые образцы, которые будут утверждаться в качестве изделий с индексом «Н», то есть новинок. И подумалось: этим индексом, как неким обобщенным символом, можно обозначить все, что происходит ныне в древнем таджикском городе, составив его новейшую историю, создавая ему новейшую славу. Да и такое, разумеется, не в одном Ура-Тюбе. Жизнь республики с каждым годом обретает все более широкий индустриальный размах: строятся предприятия (тоже, так сказать, с индексом «Н»), выпускается новая, «особо модная» продукция.

Однако, как это ни странно, не всюду к заблаговременной подготовке кадров (что особенно важно в условиях сложного производства) относятся так, как в Ура-Тюбе. Скажем, фарфоровый завод в Турсунзаде, кстати, подчиненный тому же министерству легкой промышленности республики, что и трикотажная фабрика в Ура-Тюбе, вступил в строй два года назад, но до сих пор никак не может избавиться

ся от «кадровой лихорадки». Этого могло бы не быть, если бы кадры фарфористов, учтя опыт Ура-Тюбе, подготовили заранее. Индекс «Н» требует умения заглянуть в завтрашний день, подготовиться к нему.

Шаг навстречу

«Сейчас в республике не хватает, по нашим подсчетам, около 60 тысяч квалифицированных рабочих».

Из социологического отчета.

Итак, что же получается, если оглядеть проблему со всех — очень разных, зачастую противоречивых — сторон? «Требуются», «Требуются», «Требуются» — с этого магического слова начинаются объявления по радио, в печати, на стендах во всех городах республики. Требуются рабочие и работницы на все новые предприятия республики — на Яванский электрохимический завод, Таджикский алюминиевый и фарфоровый заводы в Турсунзаде, на Нурекскую швейную фабрику. И одновременно в той же республике, в тех же областях есть тысячи людей, которым негде работать. В чем же причина этого парадокса? Пожалуй, точнее других определил ее М.М. Мирзобадамов, председатель Ленинабадского облплана.

— Беда в том, — сказал Мирзабек Мирзоевич, — что до сей поры у нас в республике при размещении предприятий совершенно пренебрегали местными условиями. То есть промышленность развивалась только в крупных городах. В нашей республике это увлечение гигантоманией обошлось необычайно дорого. Ведь большая часть населения живет в средних городах, в сельской местности. И расчет на то, что люди сломя голову со всех концов побегут, положим, на Душанбинский текстильный комбинат, или на Ленинабадский шелковый, или на Яванский электрохимический завод, — такой расчет наивен. Потому что игнорирует важную особенность: таджики очень привязаны к дому. Даже мужчины немобильны, что уж говорить о женщине, которая к тому же обременена хозяйством. Где же выход, спросите вы. Ответу по пословице: если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Нужно двигать промышленность в средние и малые города, в крупные райцентры. Но, конечно, путь к «горе» непрост. Много, очень много препятствий. Не с каждым из них хозяйственный руководитель может справиться в одиночку. Что это за препятствия?

И Мирзабек Мирзоевич называет их коротко, но за этим перечислением — узел проблем. Прежде всего пути сообщения. Основные виды транспорта в республике — автомобильный и воздушный. Но с осени до весны многие районы практически отрезаны от центра: горные перевалы закрыты, а местная авиация слишком зависит от погоды. Обилие мелких, рассыпанных в горах кишлаков. Мизерно число детских дошкольных учреждений в сельской местности: чуть больше двадцати на всю республику. Больше всего привлекает женщин работа на предприятиях местной промышленности, особенно надомный труд. Но возможности Минместпрома по расширению производства ограничены: не хватает сырья, транспорта, средств на строительство.

И еще одна, на сегодняшний день, быть может, самая острая, проблема. Не случайно

именно ей было посвящено собрание партийно-хозяйственного актива районов республиканского подчинения в Таджикистане. Собрание проходило как раз в дни моей командировки. Повестка дня формулировалась так: «Вопросы подготовки квалифицированных рабочих кадров и совершенствования процесса обучения и воспитания учащихся системы профтехобразования». Факт примечательный. Как и то, что с докладом выступила секретарь ЦК компартии республики Г.Б. Бобосадыкова. Темпы роста новых ПТУ, подготовка кадров по новым профессиям, подчеркнула Гулджахон Бабаевна в своем докладе, отстают от требований времени. Необходимо увязывать количественный и качественный рост, места расположения профтехучилищ с конкретными задачами социально-экономического развития районов. Новые ПТУ необходимо так же приближать к кишлакам, как и производство, для которого там будут готовить кадры.

В соответствии с социально-экономическими задачами, сформулированными в решениях XXVI съезда партии, в Таджикистане ведется и будет вестись в грядущих пятилетках широкое промышленное строительство. И важно заранее иметь ясное представление, что и где строить. Главный принцип — размещать средние, небольшие предприятия, филиалы и цеха там, где имеются свободные трудовые ресурсы. Об этом говорил не только Мирзобадамов, но и многие другие мои собеседники в Таджикистане, где бы они ни работали — в республиканских учреждениях или на промышленных предприятиях. Общий вывод из всех этих бесед такой: в условиях Таджикистана, этой нашей самой трудозыбыточной республики, целесообразно развивать трудоемкие производства. Конечно, и традиционные — швейное, текстильное, но и новые, нетрадиционные — электронное, электротехническое, вообще связанное с монтажом различной аппаратуры, механизмов.

Не зря записано в решениях XXVI съезда КПСС: последовательно проводить линию на ограничение роста крупных городов, развивать малые и средние города, размещая в них специализированные, высокопроизводительные производства, филиалы предприятий, объединений. Принять меры к достижению сбалансированности имеющихся и создаваемых рабочих мест с трудовыми ресурсами. Но, с досадой говорили мне в Совете Министров республики, все наши призывы к союзным министерствам — строить у нас в малых городах — остаются безответными. В тех редких случаях, когда обращают свой взор на Таджикистан, настаивают только на двух «стройплощадках»: Душанбе или Ленинабад. Где, сами понимаете, и без того хватает предприятий.

Да, фабрики, комбинаты, их филиалы должны сделать шаг навстречу ожидающим их кадрам, особенно женским. Решая, где именно целесообразно размещать предприятия, надо учитывать не только наличие сырья, источников энергии и транспортных коммуникаций, но и интересы, возможности населения. Необходим предварительный четкий, всесторонний анализ. Надо прислушаться к советам социологов, экономистов, демографов, психологов. Участие в этом должны принять все, как говорится, заинтересованные лица: Госплан, Совет Министров республики, партийные и советские органы.

...Мне бы очень хотелось, чтобы Саноат с тем же чувством, с каким она говорит «мой дом», произнесла однажды: «мой комбинат». Или «моя фабрика». И могла бы повторить это и в 30, и в 40, и в 50 лет. Ведь Саноат не просто популярное в Таджикистане имя. Это новое имя. Советской, так сказать, формации. В переводе с таджикского у слова «саноат» одно значение: «промышленность».

Сказка для взрослых

Где-то на нашей земле, а может, не на земле — на другой планете живет старенький, с взлохмаченными седыми космами Почтмейстер. Не важно, где он живет, важно, когда он живет, ибо в том-то и смысл его существования, что ему доступны и прошлое и будущее. О настоящем заботиться ему не надо, сегодняшним, нынешним, или, как говорят, текущим временем ведают обычные почталыоны. Вам необходимо, например, послать письмо другу-современнику. Напишите и бросьте его в синий почтовый ящик. Через несколько дней оно будет доставлено Ваш друг нетерпеливо развернет конверт и улыбнется, узнав, что вы живы и здоровы, чего и ему желаете. Но что делать, если вам вздумалось написать в прошлое, в самое начало века, в 1914 год, скажем, чтобы поздравить с днем ангела бабушку, которой в то время было только десять лет? Никто, никто не прислал ей в этот день в сиротский дом на берегу Волги доброе слово. Некому это было сделать. А вы, человек, которому исполнилось десять в конце века, догадались об этом и страстно захотели ее обрадовать. И пишете ей письмо. Не сомневайтесь, оно обязательно дойдет. Напишите на конверте: «В прошлое» — и опустите в тот же синий почтовый ящик. Письма с такими адресами: «В прошлое», «В будущее» поступают к Почтмейстеру, а уж он знает способ доставки их по назначению. Не сомневайтесь — есть такой Почтмейстер. А если бы его и не было, то следовало бы такую должность учредить и подыскать для нее соответствующую кандидатуру. Собственно говоря, именно так в свое время и поступили. Несколько лет состоял на этой должности африканец Бобби Симон, самый длинноногий почталыон на земном шаре. Он так белозубо улыбался, вручая письма и газеты, что невольно начинала улыбаться и те, кто их получал. Хоть письма были не всегда приятными. А газеты... Газеты — это листва, опадающая с дерева жизни. Пока кружатся, еще несут что-то, полны свежих воспоминаний об уходящем дне, а легли на асфальт — и точка, плоские тени прошлого, отживших, полузабытых ситуаций. Бобби Симон постарел, вышел в отставку. Из числа наиболее старательных почталыонов был избран и назначен Почтмейстером Франсуа Фуке. Незадолго до этого была изобретена система почтовых ящиков с номерами квартир в подъезде. Раньше приходилось разносить письма и газеты по этажам. Представляете, как болели у бедных почталыонов ноги? А теперь во всем мире введена система ящиков внизу. Вы спускаетесь утром, отпираете свой ящик ключом, забираете почту и, подымаясь в лифте, уже читаете. Просто и гениально. И все же... Франсуа Фуке предпочитал вручать письма каждому адресату лично, из рук в руки. Это

ПОЧТМЕЙСТЕР

доставляло ему куда больше удовольствия. Ушел от нас и Франсуа Фуке. Не в отставку, нет. Он умер. Прошептал: адьо! — и...

На этот раз назначен был Почтмейстером Гавриил Васильевич Петухов. О нем-то и пойдет речь. Гавриил Васильевич тоже, по-своему, был человек популярный. Помните? «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? Это он, это он — ленинградский почтальон». Как видите, даже стихами были воспиты скромные труженики на поприще доставки корреспонденции. Петухов разносил почту и в осажденном Ленинграде. Брел по сугробам, тащил за собой санки, нагруженные сумкой с письмами. Охо-хо, вряд ли даже белозубый Бобби Симон смог бы улыбаться в продутом февральскими ветрами, холодном и голодном городе, вручая закутаным в одеяла больным людям извещения о сложивших голову сыновьях. Отпрыск Петухова — Георгий, Гоша — тоже был на передовой, где-то совсем недалеко от дома. Но писем не слал. Не слал. Всеми силами сопротивлялся рассудок Гавриила Васильевича страшной тревоге. А вот супруга его, Тамара, та наоборот... Она была мужественней его, теперь-то он это понимает. «Только бы без вести не пропал, — говорила она угрюмо, — этого я не перенесу. Если уж суждено Гоше погибнуть — так на глазах товарищей, в бою. Чтоб все знали, где его могила, куда прийти поклониться ему, принести астры». Петухов сердился: «Что ты, ей-богу, несешь? Поклониться... астры... Наш мальчик воюет, ему не до писем».

Но не только ведь похоронками была набита сумка Петухова. Несмотря ни на что, люди писали друг другу о том и о сем, беспокоились о здоровье, сообщали новости: «Были на премьере очень веселой оперетты о моряках-балтийцах...», «Ходили в пятницу к Неве, по воду. Бомбы пробиты во многих местах лед, хорошо, не нужно долбить проруби...», «Слышали по радио сообщение об отважном летчике Александре Бессонове. Неужели ваш Саша? Поздравляем!...». Были и другие письма. Кому-то предлагали срочно явиться на призывной пункт, имея при себе кружку, ложку, полотенце и смену белья; кого-то просили немедленно вернуть в библиотеку задержанный сверх положенного срока второй том А. С. Пушкина. Но больше — что поделаешь? — было присланных с передовой одинаковых скорбных конвертов. И однажды на одном из них Петухов увидел собственный адрес. «...Ваш сын, Георгий Гавриилевич... — запрыгали перед глазами окончательные, не подлежащие сомнению слова. — В бою под... Смертью храбрых...» Ноги у Петухова подкосились. Сидел на земле и навзрыд плакал. Медленно шли мимо него люди, вздыхали, не спрашивали, что случилось, не мешали. Все

ясно... Он поднялся, торопливо направился домой. Нес Тамаре невыносимую, страшную отраду. Не пропал Гоша без вести, не исчез. Остался от него след на родной земле — бугорок глинистый... Но Гавриил Васильевич опоздал. Заострившийся, неподвижный, будто вырезанный из бумаги профиль жены на фоне темного ковра испугал его. «Тамара! Тома!» Она не ответила...

Шли дни, он разносил почту. Долго не знал, что волосы у него стали совсем белые. В зеркало не гляделся. Кстати говоря, впоследствии, когда обсуждалась кандидатура на пост Почтмейстера, седина его тоже сыграла свою роль. Кто-то из синклита, самый молодой, перечисляя его достоинства, добавил: «Учтите и седину, придающую нашему кандидату весьма благообразный, почтенный вид. Это, знаете ли, производит...» Гавриила Васильевича долго, как школьника, подвергали в тот день перекрестной экзаменации. Вот один из великого множества вопросов:

— Имеет ли право Почтмейстер написать и вручить или передать через кого-то письмо самому себе, своим родственникам или друзьям, живущим в прошлом или в будущем?

— Нет, — опустил он седую голову, — это главное условие работы Почтмейстера, пункт первый. Все прочие люди могут, а Почтмейстер...

— А почему? Знаете?

— Знаю... Вооруженный возможностью проникать в любое время... То есть... Короче, любое использование своего долга в личных целях может пагубно отразиться на действительности, нарушить причинность происходящего...

Все переглянулись. Помолчали.

— Вы могли написать своей жене раньше, при Франсуа Фуке, — сочувственно сказал самый молодой из экзаменаторов, — почему вы этого не сделали?

Гавриил Васильевич не ответил. Лишилось бы смысла избрание его Почтмейстером, если бы ответил.

— Я — за! — порывисто поднял вдруг руку самый молодой. Подняли руки и остальные. Один, правда, воздержался. «Есть основание опасаться, что Петухов нарушит пункт первый...»

Утром, чуть свет, Почтмейстер просыпается. «Будет ли поступления?» — первое, о чем думает он, еще не раскрыв глаза. Письма, которые люди разных веков шлют друг другу, Почтмейстер в каком-то смысле считает адресованными и себе. Почтмейстер — это Время в образе человека. А для Времени секретов нет.

Умывшись, слегка погладив щеткой взлохмаченные седые космы, шаркая шлепанцами, спешит он к двери, выходит на крыльцо. Так и есть! Его уже дожидается объемистый бумаж-

ный мешок. Почтмейстер вскрывает мешок, на стол высыпается груда разноцветных конвертов, какой-то металлический цилиндр, свиток березовой коры, винтовочный патрон... Почтмейстер сортирует конверты на две стопки: в прошлое и в будущее. Та, что в прошлое, всегда повыше. Прошлое было. Там остались конкретные люди, корни остались, потому мы и связаны с ним больше. А будущего, как ни крути, еще не было, оно — мечта. Не каждый достаточно четко представляет себе, что это такое. Но пишут, пишут. Вон какая стопка возвышается.

Интересно, нет ли каких-либо вестей об экспедиции Христофора Колумба, три каравеллы которого — «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» — в поисках кратчайшего пути в Индию должны вот-вот открыть новую часть света? А что интересного пишет своему молодому коллеге почтенный профессор Суходол? Уже в преклонном возрасте, почти восьмидесятилетний, он написал как-то себе самому, молодому, сообщил, что в расчет момента количества движения микрочастицы в сферически симметричном силовом поле вкралась ошибка. Нужно изменить соотношение. Младший научный сотрудник Суходол ошибку исправил и написал профессору в будущее, что весьма благодарен за помощь. Завязалась переписка. Старый Суходол предложил молодому одну весьма любопытную задачу. Тот ее принял. «Справился ли парень? — прихлебывая чай, гадал Почтмейстер. — Надеюсь, что да. Вообще-то, — думал он, — такой метод научного сотрудничества очень перспективен. У Суходола, профессора, опыт; как говорится, набита, накопился и систематизирован большущий материал, а у Суходола, младшего научного сотрудника, мозг, способный на озарения, молодой острый ум, дар, смелость...»

На конверте силуэт дилижанса с четверкой лошадей. Адрес «В прошлое» написан по-английски. Но Почтмейстер знает все языки мира, древние и новейшие, мертвые и живые. Он бегло читает клинопись, без словаря разбирается в эсперанто. «В прошлое? Гм... Нет, это письмо, чувствую, может чуть-чуть подождать. А вот это... Адрес «В будущее». Почтмейстер осторожно разворачивает свиток бересты. Какой он хрупкий, чуть сожми — и рассыплется в прах. Осторожно, осторожно... Так, так, так! Едва заметные царапины на бересте, старославянские буквы. «Аз... Так, так, так! Я, раб божий Олекса, — шевеля губами, переводит Почтмейстер, — посылаю сию берестяную весть сыну своему Андрюю, чтоб прочел ее, когда исполнится ему пятнадцать лет. А коли не сможет прочесть, коли темным вырастет — стыд и срам. Стыдно мне будет, отцу его. Помни, сын, завет отцовский. Знай грамоте!»

«Вот она, необратимая тяга к свету,— качает белой головой Почтмейстер.— Бересту эту Ондрею вручу во что бы то ни стало. Ну, а теперь пойдем дальше...» И бережно берет позеленевший, осыпающийся черной окалиной патрон. Подносит его к глазам, близоруко осматривает. Не лежит ли что-то внутри этого позеленевшего от времени латунного конверта? Старческими, не очень послушными пальцами он захватывает шершавую, но все еще острую пулю, дергает, расшатывает ее. Пуля поддается, идет, идет... Так и есть! В гильзе желтеет свернутая бумажка. Осторожно, сдерживая дыхание, старик разворачивает ее. Рыжеватые—уж не кровью ли начертаны?—неуклюжие, скачущие буквы. Слабеющей рукой начертаны. «Живые, пойте о нас!» Почтмейстер поднимается. Забыв о шлепанцах, взволнованно ходит по чистым половицам, снова и снова повторяя ошеломившие его слова. «Жи-

вые, пойте о нас!» Какое свидетельство человеческого духа! Это письмо и в завтра и в послезавтра, решает он. Во все времена!

Колокольчик на двери задергался вдруг, залился нетерпеливым звоном. Старик спешит открыть. Это посыльный с Главпочтамта, робот, похожий на стиральную машину.

— Извините, Почтмейстер. Телеграмма!

— Так! Так! Так!— Гавриил Васильевич водит носом по бланку с японскими иероглифами. Адресовано в 1945 год. «Дорогая Агати умоляю тебя немедленно уезжай вместе дочуркой из города не ближе ста километров предупреди смертельной опасности друзей родственников всех жителей Хиросимы. Любящий. тебя муж».

— Успеете?— взволнованно мигает разноцветными лампочками своих датчиков добросердечный робот.— Хиросима... Ведь это произошло так давно!

— Надо успеть,— говорит Почтмейстер,— нельзя не успеть.

Настала очередь металлического цилиндра. «Послание потомкам от коллектива швейной фабрики. Вскрыть и прочесть через сто лет»—выгравировано на его округлом боку. «Ясно,—добродушно улыбается Почтмейстер,—небось, рапортуют потомкам о перевыполнении квартального плана пошива женских брюк...» Таких посланий только за минувшую неделю Почтмейстер передал в будущее целых четыре.

А вот строители в день сдачи объекта—нового большого дома—обращаются с коллективным письмом к жильцам, которые здесь будут когда-то жить, и от всей души желают им уюта, света и тепла.

Следующее письмо... Еще одно... «Здравствуй, бабушка! К тебе обращается твой внук Алик Лагода. Не удивляйся этому письму.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Когда ты вырастешь большая и выйдешь на пенсию, у твоего сына Пети тоже будет сын—это я. И ты мне однажды расскажешь, что сидела в Татьянин день на подокознике, смотрела на улицу, по которой прохаживался городской с настоящей саблей, и что у тебя было очень неважное настроение. Потому что, хоть ты звалась Татьяна, никто тебе в этот день не пожелал успехов в работе и в личной жизни. И я решил тебе написать. Поздравляю тебя, бабуля! С пионерским приветом—твой внук, ученик 4-го класса Алик Лагода».

Почтмейстер растроган: «До чего же смекалисты эти пионеры! Ну, вот—последнее, наконец! Эге... Да это ведь уже ответ из будущего на послание строителей жилого дома. Быстро отреагировали!» То хмурясь, то улыбаясь, Почтмейстер перечитывает его дважды. «Мда-а-а... Вот так история! Что ж, доставлю, пусть ознакомятся».

Обе стопки писем разобраны—по векам, годам, месяцам, дням. Время уж за полдень перевалило. Почтмейстер наскоро стряпает себе обед—молоко с овсяными хлопьями, бутерброд с сыром и огурец. И полстаканчика минералки. Подкрепившись, раскладывает по разным отделениям сумки письма, бережно достает из ящика те самые, дающие ему возможность управлять временем часы. С чего начать? С Хиросими! Гавриил Васильевич настраивает часы, нажимает рифленую кнопку—и тут же оказывается в Японии 1945 года. Прямо перед ним узкий палисадник, цветы, невысокая вишенка, усыпанная ярко-алыми, точно лакированными ягодами. Бутылочка привязана к ветке, кружатся пчелы. Наверное, в бутылочке сладкая вода. Кучки плодородной земли чернеют в глубине палисадника, а за ними крохотный аккуратный домик с мутно-прозрачными стенами. Молодая женщина в деревянных сандалиях и пестром кимоно вышла из домика, посмотрела, поклонилась, подошла ближе. Почтмейстер тоже поклонился и протянул ей телеграмму. Женщина ахнула, отшатнулась.

— Не пугайтесь, уважаемая госпожа,—снова поклонился он,—ничего страшного! Прочтите, прошу вас, и распишитесь в получении. Вот здесь.

— Я думала... Господин Куроцу уже два месяца не писал, а я подумала... Я испугалась, что он... Хвала богине солнца, мой муж жив,—улыбнулась она, прочитав текст.—Но зачем он пугает нас? Мы дома, а он на войне, среди огня. Да и как я могу уехать за сто километров,—оглянулась женщина на дом,—маленькая Исикари уже неделю больна, у нее жар. Я четыре дня не выходила на работу, уважаемый господин хозяин шелковой фабрики был очень сердит за это, меня уволили. Уехать? Разве я могу уехать, господин? Посудите сами, у меня осталось семь иен. Но ничего, мы дома... Главное, чтобы господин Куроцу остался жив и здоров, а уж мы...

Почтмейстер только вручает письма. И телеграммы. Ни на что больше его удивительные часы оснований ему не дают. Он не в состоянии помочь господину Куроцу, выжившему в огне войны, дожившему до старости и пославшему в прошлое эту отчаянную телеграмму. «Я только Почтмейстер,—думает он,—обеспечил своевременную доставку, а больше сделать не... не... Не вздыхайте,—думает Почтмейстер,—я... Я бы... Если бы это было возможно... Для себя, например, я меньшего хочу... Всего лишь написать жене, что Гоша не пропал без вести, что он погиб смертью храбрых... Что он... Но нельзя, не имею права».

Поклонившись еще раз в ответ на бесчисленные поклонны госпожи Куроцу, Почтмейстер уходит.

Он бредет среди тихих, бумажных домиков-шкатулок—как недолго, как ярко будут они пылать! Почтмейстер поглядывает на небо, со страхом ждет... Снежные вершины конусовидных гор, медленным хороводом плывущие вокруг города, едва заметны в бледно-голубом воздухе, как бы парят в нем. «А ведь мог же я, мог написать Тамаре раньше, при Фуке, мог же...—казнится Гавриил Васильевич,—мог бы, если бы способен был поверить в Почтмейстера. Каким же я был пнем, дубиной! Все это сказочки, думал, мифы, фольклор... Опасался показаться себе пустым мечтателем. Ничем, ничем нельзя пренебрегать, если желаешь послужить другому человеку, ни самым малым и скромным деянием, поклоном, улыбкой, кивком, ни самой немислимой, сумасшедшей сказкой! А вдруг... Вдруг сказка поможет?» Вздыхая, он переводит стрелку на часах, нажимает на кнопку... И оказывается в 1914 году, в большом купеческом городе на берегу Волги. Украина... А вот и серый, с узкими окошками дом, где помещается приют. А вот и Таня. Бледная, худая. Как свечка. Сидит на подокознике и невидящим взглядом всматривается в кирпичный брандмауэр дома напротив. Медленно ходят по двору, развешивают на веревках полотенца еще несколько девочек с одинаково заплетенными косицами, в одинаковых серых платьях и неуклюжих тяжелых башмаках.

— Эй, старик!

Почтмейстер оглядывается. Его манит к себе городской.

— Подойди! Кто таков?

— Девочка,—торопливо окликает Гавриил Васильевич одну из сирот,—ты Таню Лагоду знаешь? Нет? Ах, да—это она по мжу Лагодой будет. Ну, вон та девочка, на подокознике? На, передай ей письмецо. Поздравь ее от имени и по поручению... От ее внука...

Сзади свистки, топот сапог.

— Обраина! Стой, говорят!

В ужасе чувствует Почтмейстер на своем затылке сивушное хриплое дыхание. Но тут он вспоминает о часах, о кнопке...

Отдышался чуть, осмотрелся... Англия, девятнадцатый век! Какая-то сухопарая дама с выпирающими под платьем лопатками—похоже на маленькие крылья,—поливая из лейки куст с не совсем еще распустившимися розами, жалуется на что-то лениво помогающему ей джентльмену с квадратными очками на длинном сизом носу. Почтмейстер ищет в своей сумке адресованное даме письмо и прислушивается.

— Было бы бессмысленно, Джеймс, пытаться в наше время уловить нежный аромат роз. Хвала богу, что мы еще можем ими любоваться по крайней мере. С тех пор, как по всей Англии мчатся эти смрадные паровозы, а по Темзе, изрыгая тучи дыма, движутся паровые корветы, воздух у нас оставляет желать лучшего. Мало паровозов и пароходов, так некий янки наводнил мир еще и автомобилями! Запах керосина и нежный аромат роз никогда не уживутся вместе, Джеймс!

Как назло, по улице в этот самый момент, грохоча двигателем и стреляя синими выхлопами дыма, катит автомобиль.

— Подумать только!—восклицает дама.—По нашему богоспасаемому городу уже носится чуть ли не пять или даже шесть этих чудовищ! Я убеждена, Джеймс, что в будущем люди откажутся от услуг техники, они поймут—я верю в это, Джеймс!—что чистый воздух куда приятнее. О, как бы я хотела перебраться отсюда в будущее!

...Ответ, пришедший строителем нового жилого дома от будущих жильцов, Почтмейстер решает доставить прямо на объект. Хитер

Почтмейстер—придумал же! Он попадает сюда как раз в момент, когда на торжественной летучке по случаю сдачи дома зачитывается то самое письмо. Письмо только зачитывают, только-только утверждать собираются, а он уже ответ принес. На трибуне сам прораб участка, мужчина с лицом кирпичного—как и положено истинному строителю—цвета. Оросив горло глотком воды из графина, прораб делает последний, эффектный аккорд.

— «Чтоб и через десять, и двадцать, и даже сто лет жили бы, поживали вы в этих стенах!—с подъемом читает он текст письма.—От всей души желаем вам, дорогие будущие квартиросъемщики, уюта, света и тепла! Да здравствует...»—Тут он замечает у дверей улыбающегося Почтмейстера.—Вам что, товарищ? У нас заседание, подождите немного в коридоре!

— Я принес вам ответ.

— Какой ответ?—Прораб сердится.—Вы мешаете, гражданин!

Собравшиеся заоглядывались, кто хмурит чело, кто улыбается. «Дед Мороз без борода!»—восклицает паренек в оранжевой каске. Все смеются. Прораб стучит ладонью по гулкой трибуне.

— Внимание, товарищи! Я заканчиваю... «Да здравствует...» Гражданин, повторяю, выйдите! В чем дело? Почему вы улыбаетесь? Какой такой ответ вы принесли?

— Ведь вы адресуете это письмо в будущее, так?—говорит ему через весь зал Почтмейстер.—А я вам доставил ответ оттуда. У меня есть возможность оперировать временем. Вот я и принес ответ раньше, чем вы отошлете письмо, чтобы вы успели хоть что-нибудь исправить, а то...

— Что-о? Исправить?.. Да вы что?! У нас... Мы... Мы дарим людям... Это... Ключи от счастья, можно сказать! Мы...

— Дед!—восклицает в глубине зала паренек в оранжевой каске.—А ну, зачитай! Интересно!

Собравшиеся поддерживают.

— Читай, дед!

— Погромче, папаша!

Почтмейстер торопливо раскрывает пакет.

— «...Руки-ноги бы вам поотрывать за такую работу. Желаете нам «уют, света и тепла»? Издеваетесь? О каком уюте может идти речь, когда паркет выгнулся, будто испуганный кот? О каком тепле, если в батарее поступает только холодная вода? (Правда, в туалетный бачок поступает зачем-то только горячая!) А свет? Щелкнешь выключателем торшера—зажигается люстра, причем в соседней квартире. На восьмом этаже жарят рыбу, на первом по запаху узнают, хек это или скумбрия. Эх, вы, горе-строители! Шлете письмо в будущее, людям, живущим в доме вашей выделки, и самоуверенно полагаете...» В письме есть еще несколько слов,—покашляв, говорит Почтмейстер,—но я вижу здесь дам, поэтому...

Немая тишина стоит в зале. Лиц не видно, так низко все опустили головы.

«Значит,—думает Почтмейстер,—если постараться, если выработать в моем скромном деле некоторую стратегию, я не только смогу доставлять письма, но и... Уж больно красноречиво молчат эти люди. Что-то происходит сейчас в их душе, что-то такое, мучительно им необходимое...»

Когда соберетесь однажды написать в прошлое или в будущее или захотите вступить в переписку с собственными воспоминаниями или мечтами, не считайте за труд, черкните тогда прямо на конверте: «Привет Почтмейстеру!» Ему будет очень приятно.

М. СВЕШНИКОВА-ВЫДРИНА

СТАТЬЯ ЛЕНИНА В «РАБОТНИЦЕ»

10 мая (1917 года.—Ред.) вышел №1—2 журнала «Работница». Официальным его редактором была фальцовщица Клавдия Николаева, издательницей — работница Анна Васильева. В редакцию журнала вошли К. Н. Самойлова, А. И. Елизарова, А. М. Коллонтай, Л. Н. Сталь, П. Ф. Куделли, В. М. Величина (Бонч-Бруевич).

Работницы с радостью встретили появление своего журнала. Они искали и находили в нем ответы на неясные политические вопросы, статьи о том, как улучшить положение женщины на производстве, в семье, в быту.

После июльских событий из всей большевистской печати уцелел только журнал «Работница». Временное правительство пыталось препятствовать изданию и этого журнала, но работницы отстояли его. В одном из номеров журнала была опубликована статья В. И. Ленина «Три кризиса». Юнкера явились в типографию конфисковать номера со статьей. Ошибочно они приняли работниц, пришедших с заводов и фабрик за журналом, за грузчиков, которых должны были прислать вместе с отрядом. Юнкера, не оставив охраны, ушли делать обыск. Работницы быстро вынесли кипы журналов из типографии и развезли по своим адресам.

Этот случай любила вспоминать Клавдия Ивановна Николаева:

— Так и не удалось Керенскому смирить питерских пролетарок.

Из книги «Женщины города Ленина»

СЛОВО ЯСНОЕ, ПРОСТОЕ И ГЛУБОКОЕ...

Автор этой статьи Вера Соломоновна Дридо, член КПСС с 1920 года, была личным секретарем Надежды Константиновны Крупской.

На протяжении двадцати пяти лет Надежда Константиновна Крупская была тесно связана с журналом «Работница», начиная с его первого номера и до конца своей жизни.

Соратник, жена и друг великого Ленина, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, Н. К. Крупская, 115-летие со дня рождения которой мы отмечаем в нынешнем феврале, много сделала для освобождения женщины, для ее действительного раскрепощения.

По совету Владимира Ильича Ленина Надежда Константиновна в 1899 году, в то время, когда они были в ссылке в сибирском селе Шушенском, написала брошюру «Женщина-работница».

Они много говорили на эту тему с Владимиром Ильичем, Надежда Константиновна очень волновалась: это была ее первая книжка. Просто, ярко и доходчиво написана она. «Где искать женщине ключи «от счастья женского, от женской вольной волюшки» — об этом и идет речь в этой книжке», — пишет Надежда Константиновна во введении. И, рассмотрев с марксистских позиций положение женщины-работницы и крестьянки, дает ответ: «Лишь борясь рука об руку с мужчиной за рабочее дело, женщина найдет ключи «от счастья женского, от женской вольной волюшки». Владимир Ильич следил за работой Надежды Константиновны над книжкой и одобрил ее. Это был первый марксистский труд о положении трудящейся женщины в России. С полным правом можно сказать: Н. К. Крупская является зачинателем женского пролетарского движения в России.

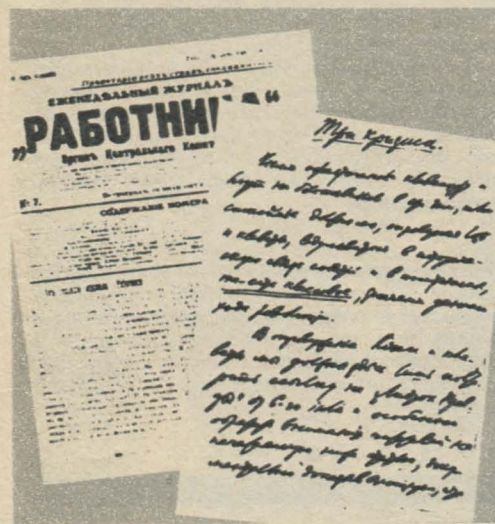
И во всей дальнейшей деятельности, в подполье и после Октября, работа среди женщин была близка сердцу Надежды Константиновны. Когда в годы подъема революционного движения и возросшей активности трудящихся женщин В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости издания легального женского журна-

ла в России, Надежда Константиновна, бывшая в то время секретарем ЦК партии, несмотря на огромную занятость партийной работой, горячо взялась за это дело. Она вошла в заграничную часть редакционной коллегии журнала «Работница», вела энергичную работу по подготовке его издания. В письме к А. И. Елизаровой от 28 января (11 февраля) 1914 года Надежда Константиновна настаивала на издании именно журнала, а не приложения к газете «Правда», как предлагали вначале некоторые товарищи.

Передовая статья для первого номера была написана Надеждой Константиновной в двух вариантах. На страницах легального журнала нельзя было открыто говорить о борьбе с самодержавием, о революции. Оба варианта этой статьи с некоторыми изменениями вошли в передовую статью первого номера «Работницы». В передовице подчеркиваются общие задачи женщин-работниц и их связь с пролетарским движением не только России, но и других стран, в ней Надежда Константиновна призывает работниц бороться вместе со всем рабочим классом за изменение существующего строя.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Надежда Константиновна играла ведущую роль в редколлегии «Работницы». Природный ум, широкая образованность, глубокие марксистские знания, громадный опыт партийной работы, способность каждый трудный политический и экономический вопрос изложить ясно, кратко, в доступной каждой работнице форме — все это делало Надежду Константиновну незаменимым руководителем и автором вновь созданного журнала. «Статьи, — пишет К. Н. Самойлова, — нужны как можно популярнее, так, как это умеет писать Надежда Константиновна, статьи которой очень подходят для понимания работниц».

Начавшаяся империалистическая война прервала издание журнала. Выход «Работницы» возобновился лишь после Февральской революции (с мая 1917 года и до января 1918 года), но приостановлен гражданской войной. Наступил мирный период, и в январе 1923 года наладилось издание журнала «Работница». Редколлегия по-прежнему постоянно советуется с Надеждой Константиновной. На страницах журнала появляются статьи Крупской по важнейшим политическим вопросам. В августе 1923 года в № 8 печатается статья Надежды Константиновны «Юные пионеры». В первом

„РАБОТНИЦЕ“

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

номере 1925 года публикуется статья «Победа обеспечена», в которой Надежда Константиновна, обращаясь к пролетаркам, говорит об отношении В.И. Ленина к женщинам. Пролетарские женщины составляют менее сознательный слой рабочего класса, и потому В. Ленин всегда настаивал на важности партийной работы среди пролетарок, на необходимости уделять им наибольшее внимание. Ленин всегда радовался успехам работы среди трудящихся женщин, особенно среди порабощенных женщин Востока. Он говорил, что победа социализма обеспечена, раз встали эти самые порабощенные, самые униженные в мире слои.

В своих обращениях к работницам со страниц журнала Надежда Константиновна ставила наиболее важные вопросы социалистического строительства, призывала работниц вплотную заняться организацией всей жизни. Перед работницей, писала Надежда Константиновна, «стоит задача из «домашней» хозяйки превратиться в «общественную» хозяйку».

Исключительное значение имели статьи Надежды Константиновны о партии, о Ленине и его заветах, об Октябрьской революции: «Ленин и партия», «Каким должен быть коммунист», «Дело Ленина живет, растет и крепнет» и другие.

Надежда Константиновна высоко оценивала роль и значение «Работницы». Горячо приветствуя журнал в марте 1938 года, она писала: «Работницы Советского Союза активно участвовали в социалистическом строительстве вместе со своими мужьями и братьями. Росли на этой работе, становились стахановками, принимали все большее участие в управлении, растили из своих детей поколение ленинцев.

Журнал «Работница» помогал им теснее сплачиваться вокруг партии Ленина, помогал им лучше работать, вести борьбу за мир, за международную солидарность трудящихся всего мира.

В этом большая заслуга журнала...»

Не было случая, чтобы Надежда Константиновна не согласилась написать статью для «Работницы», лишь спросит о сроке и размере статьи, и статья всегда была готова вовремя.

Имя Надежды Константиновны Крупской, близкого друга трудящихся женщин всего мира, организатора журнала «Работница», всегда будет жить в памяти и в сердце каждого, кому дороги мир, труд и счастье народов.

В. ДРИЗО

ГОЛУБАЯ ПТИЦА

Ее изображение впервые появилось в 1933 году, в февральском номере «Работницы». На странице был нарисован самолет, а под ним подпись: «Строим самолет «Работница».

Тут же рассказывалось об инициативе читательниц журнала — сибирячек. В далеком Красноярске работницы кузнечного цеха паровозоремонтного завода собрали деньги на постройку самолета. Всего тридцать рублей — немного, конечно, но это положило начало... С тех пор в журнале из номера в номер сообщалось о новых поступлениях — деньгах, присылаемых из различных городов и колхозов, о субботниках, на которых женщины и девушки с жаром работали, чтобы скорей поднялся в воздух их, «женский» самолет. И наконец сумма собрана — общее детище может появиться на свет...

Самолет был построен. На голубом «К-5» появилась надпись, сделанная красными буквами: «Орденосная «Работница». Пилотом «Работницы» стала недавний инструктор летной школы Валя Гризодубова, бортмехаником — комсомолка Катя Слобоженко. Обе они тогда служили в агитационной эскадрилье имени Максима Горького. «Орденосная «Работница» вошла в ее состав и участвовала в важнейших политических и хозяйственных кампаниях, проводимых в стране.

Валентина Степановна Гризодубова с благодарностью вспоминает о своей работе в агитэскадрилье: «Только теперь, спустя многие годы, понимаешь, какой большой школой была для нас работа в агитационной эскадрилье. Недаром так тепло относился к нашей работе Максим Горький. Мы усвоили, что нужны стране и можем многое сделать для укрепления ее мощи, для подъема ее культуры и хозяйства.

Великое дело — сознание, что ты нужен народу. Мы гордимся тем, что не остались в стороне, на обочине, что были в самой гуще наших дел и событий, что наших самолетов ожидали с нетерпением, что мы были всегда там, где всего нужнее...»

Там, где всего нужнее, появлялась голубая птица — «Орденосная «Работница».

Ю. НОВИКОВА

Новая жизнь врывается в города и поселки, ломала, перестраивала привычный уклад. На предприятиях женщины брались за традиционно мужские профессии, налаживали социалистический быт, садились за букварь, чтобы вырваться из тьмы неграмотности. Журнал ввел специальную рубрику: «Грамотный, обучи неграмотного!» Многие письма и корреспонденции, помещенные под этой рубрикой, написаны рукой, еще совсем недавно научившейся держать карандаш.

Кунцевская фабрика № 14. Ячейка ВКП(б) на нашей фабрике решила проделать опыт выдвижения ткачих в подмастерья. Вызвали старых, опытных ткачих и предложили им учиться. Ткачихи в один голос:

— Разве может баба быть подмастерьем? Недоверие к ней будет, да и смеяться станут над ней.

Только одна ткачиха, Емельянова, не побоялась и, засучив рукава, принялась ладить станки.

Опыт удался. Побольше таких работниц, как т. Емельянова!

«Работница», 1926 г., № 16.

Только теперь, к 9-й годовщине Октября, в гор. Семипалатинске открылись первые ясли для детей и консультации для матерей.

Хоть и открылись ясли, но матери не отдавали своих детей. Трудно было побороть слухи, ходившие по городу: «В яслях уродуют детей». Пришлось собирать собрание матерей, объяснять и долго знакомить с новой для них работой по коллективному воспитанию детей.

В настоящее время дурные слухи исчезли и ясли заполнены, но стало еще хуже. Матери несут детей со всего города, а поместить некуда.

Нужны еще и еще ясли — вторые и третьи.

«Работница», 1926 г., № 20.

«Я работаю на фабрике 37 лет. С 1925 года стали меня выбирать на общественную работу, была делегаткой, заседателем нарсуда. Пятый год состою членом горсовета. До 50 лет была неграмотной. Теперь, благодаря Советской власти, я научилась читать и писать. Хотя я и малограмотная, но вижу, что свет дают не только солнце, луна и электричество, но и грамотность. Непременно учиться грамоте».

А. АРХИПОВА, работница «Работница», 1930 г., № 8.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Они встретились в редакции в преддверии юбилея журнала. Общественницы, раборцы, те, кто много лет дружной связан с «Работницей», кто был героем ее страниц.

Рождение журнала «Работница» тесно связано с именем Н. К. Крупской. Она одна из его организаторов, член редколлегии, многие годы его постоянный автор. Статьи Надежды Константиновны, ее обращения к трудящимся женщинам были так ясны, так задушевные, что доходили до сердца каждой читательницы. Об этом рассказала на встрече В. С. Дридзо.

В 1931 году ситценабивная фабрика имени Свердлова командировала юную ударницу Тоню Чистову работать в журнал. Работала и училась в Коммунистическом институте журналистики. Антонина Александровна рассказывает: «Началась война. Многие издания прекратили выпуск, а «Работница» выходила. И адрес редакции остался прежний, она не эвакуировалась из Москвы. Работали мы вчетвером. Но читатели получали журнал в срок. Его страницы рассказывали о героинях фронта и тыла, звали: «Все для фронта! Все для победы!» Журнал поддерживал женщин, взявших на себя заботу о детях-сиротах. «Сбере-

жем детей!» — об этом патриотическом движении постоянно рассказывала «Работница». Мы много получали треугольничков с обратным адресом «полевая почта». И всем нужно было ответить, помочь... Как и многие москвичи, мы находились на казарменном положении, жили в редакции, дежурили на крыше, гасили зажигалки, помогали пострадавшим, собирали посылки для фронтовиков».

Е. Д. Мишина, в прошлом машинист метро, и Н. С. Благовещенская, работавшая в ВЦСПС, стали членами редколлегии в послевоенные годы. Вспоминали они, как дружно работала общественная редколлегия, как повышался авторитет журнала, рос год от года его тираж.

Не раз журнал писал о Героях Социалистического Труда директоре Московского производственного коврового объединения И. С. Леошкевич и бывшей ткачихе Калининского хлопчатобумажного комбината имени 60-летия СССР Л. И. Парфеновой — ныне она готовит рабочие кадры для комбината. На встрече они говорили о своих связях с «Работницей», о жизни трудовых коллективов.

Челябинских общественниц представляла инструктор обкома партии Н. Ф. Терентьева, организатор многих добрых начинаний активистка. Из Нижнего Тагила на встречу приехала Т. В. Чарина, председатель комиссии по работе среди женщин профкома Уралвагонзавода.

демонстрации — красивую, статную, во главе колонны трехгорцев. А каким оратором была! Собрание ли комсомольское, конференция передовиков или митинг какой — выйдет на трибуну, и зал затихает в ожидании: знают, что Анна Алексеевна скажет про самое важное.

Эта способность Северьяновой всегда выделять существенное, главное в любом вопросе поражала и нас, молодых тогда журналистов «Работницы». А. А. Северьянова более пятнадцати лет была членом редакционной коллегии журнала, сама часто выступала на его страницах. В ней удивительно сочетались взгляд государственного человека и доскональное знание рабочей жизни. И нас, молодых журналистов, Анна Алексеевна учила видеть за каждым письмом в редакцию и конкретную судьбу и государственную проблему.

Изменилась «Трехгорка». Реконструкция, о которой мечтали в послевоенные годы, при Северьяновой омолодила комбинат. В отделочном цехе, по которому ведет меня Мария Петровна Румянцева, новое на каждом шагу: новые печатные машины, новые способы отделки, новые ткани.

...Когда едешь к комбинату от Филей, слышишь, как водитель объявляет: «Улица Анны Северьяновой. Следующая — клуб Ленина, «Трехгорка». Остановку эту — улица Северьяновой — не минуешь по дороге к комбинату. И есть в этом вроде бы случайном факте великая закономерность нашей жизни.

г. Москва.

А. ЛЕВИНА

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА

Росло классовое сознание тружениц своими пусть скромными средствами помогали они германскому пролетариату, бастующим английским горнякам, женщинам и детям германской Испании.

Тверская мануфактура... За два месяца собрано 107 руб. 54 коп. золотом, положены они на текущий счет.

Не забывает тверской пролетариат своих сестер и братьев, голодающих в капиталистических странах.

«Работница», 1924 г., № 12.

Работницы Гусевских торфоразработок (Владимирской губ.) на своей конференции постановили: «Отчислить бастующим горнякам Англии по 50 коп. с каждой работницы». Да добровольные пожертвования дали 2 р. 50 к., а всего собрали 266 руб., которые передали в торфком для отправки в Англию горнякам.

«Работница», 1926 г., № 22.

Наступили годы тяжелейших военных испытаний. И опять «Работница» рядом со своими читательницами. Она рассказывает о героизме на фронте и в партизанских отрядах, о самоотверженности женщин в тылу, о том, как окружают заботой детишек, вывезенных из временно оккупированных районов.

...Пятьсот ребятишек из города Калинина приехали в Туринский район, Свердловской области. Много пережили эти дети. Война коснулась их своим огненным крылом. Они узнали, что такое бомбежка, что такое пожар родного жилища... Судьба разлучила их с матерями. Дети испуганно жались друг к другу, младшие плакали. Но как сердечно встретили их работницы Туринска! Туринские женщины сами подготовили интернаты, вымыли, убрали, украсили помещения, кое-что отремонтировали, притащили даже из дому посуду, кувшины, детские вещи и пополнили хозяйство интернатов. Женщины приглубили малышей, приласкали их. Ведь у самих свои ребята! Каждая мать на секунду представила себе своего Мишутку, свою Наташу на месте этих ребят, которых судьба разлучила с родными семьями.

Товарищи женщины, такая помощь эвакуированным детям сейчас оказывается повсеместно. Но надо сделать ее постоянной, повседневной. Вот домашние хозяйки Уржума шили для ребят детдома имени М. И. Калинина белье, принесли подарки, а потом правильно рассудили: «Этого мало. Лучшим подарком будет повседневная забота о ребятишках».

«Работница», 1942 г., № 7.

УЛИЦА АННЫ СЕВЕРЬЯНОВОЙ

В славном созвездии улиц Красной Пресни есть и эта. «Улица Анны Северьяновой» — значится на табличке. — Названа так в 1978 году в память активного участника социалистического строительства, бывшего директора московского хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского, кавалера трех орденов Ленина Анны Алексеевны Северьяновой».

И живут в домах по этой улице многие из коренных трехгорцев. Вот вышла из подъезда женщина, зашагала к комбинату. Подойдем к ней, познакомимся. Румянцева Мария Петровна, на «Трехгорке» 35 лет, была и работницей и поммастера, сейчас инженер-химик.

Анну Алексеевну Северьянову помнит отлично. Ведь она, Мария Петровна, из коренной династии трехгорцев. Здесь работал в печатном цехе ее отец, отсюда ушел на войну и погиб, здесь работала больше 30 лет ее мать. С детства помнит Мария Петровна, как мать, оставшаяся одна с четырьмя детьми, говорила, когда было совсем трудно: «Надо к Анне Алексеевне идти, она поможет». И шли. И Северьянова помогала.

Помнит Мария Петровна директора в своем цехе — подтянутую, внимательную, вникающую в то, что говорят работницы, и на

1. БУДЕМ ЗДОРОВЫ

Плывут «моржи»
Последите за собой, пожа-
луйста

2. МАМИНЫ «ПОЧЕМУ»

3. МЫ И МОДА

Многоуважаемый галстук
Тем, кто вяжет: мужской
свитер
Модель номера: шерстяное
платье,
отделанное тесьмой

**4. МУЖЧИНЫ, ЗАСУЧИТЕ
РУКАВА**

Разноцветный абажур
Шкаф-вешалка для при-
хожей
Цветущий календарь. Фев-
раль — март
Приглашаем на degusta-
цию: блины

5. А Я ДЕЛАЮ ТАК

Мужчине подарок: брелок
для ключей (макраме)

Рисунки и оформление
В. РОЗАНЦЕВА.

Мужские свитеры,
пуловеры
с фактурой
корзиночного
плетения
особенно модны.
(См. стр. 4).

ТЕМ, КТО ВЯЖЕТ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ МУЖЧИН

Этот «Калейдоскоп» не совсем
обычен для женского журнала:
многие помещенные в нем советы
адресованы мужчинам. И свитер,
модель которого предлагается
для вязания на спицах, муж-
ской. Что ж, наши отцы, мужья,
сыновья тоже должны быть кра-
сивы и элегантны. Кому же поза-
ботиться об этом, как не нам,
женщинам?

Хотя мы и считаем себя самы-
ми большими авторитетами во
всех областях домашнего хозяй-
ства и моды, все же, согласитесь,
давно замечено, что самые луч-
шие на свете повара, портные и

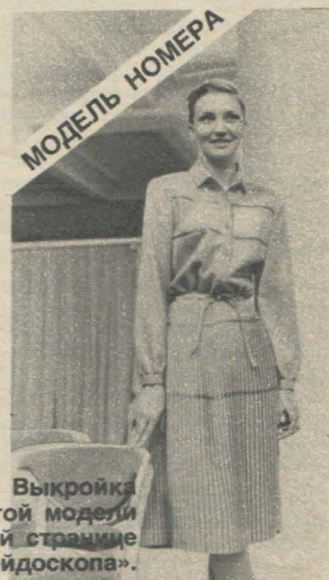
парикмахеры — мужчины. Предо-
ставляем им слово! В этом номе-
ре выступают известный кулинар
В. Михайлов, архитектор А. Бело-
русский, специалист по зимнему
плаванию А. Колгушкин, агроном
Г. Трохимовский, а модели одеж-
ды предлагает В. Зайцев.

Пусть наши мужья по их сове-
там сготовят для нас вкусные
блинчики, украсят квартиру,
приведут в порядок сад, займутся
вместе с нами оздоровительной
физкультурой и выберут платье,
которое, по их мнению, нам осо-
бенно к лицу. Дела-то все общие,
семейные!

Дорогие читатели!

С этого года вы получаете раз-
дел «Домашний калейдоскоп» с
советами по домоводству и с
выкройками вместо прежнего
вкладыша-приложения.

МОДЕЛЬ НОМЕРА

Выкройка
и описание этой модели
помещены на 5-й странице
«Домашнего калейдоскопа».

ПОСЛЕДИТЕ ЗА СОБОЙ, ПОЖАЛУЙСТА

Мужчины обычно не интересуются косметикой. Но некоторые советы, думаем, им все же пригодятся.

● После умывания порой появляется неприятное ощущение, что кожа стянута. Чтобы этого не было, умывайтесь мягкой водой: добавьте на 0,5 л воды чайную ложку столового уксуса.

● Иногда кожа начинает шелушиться, покрывается красными пятнами. После того, как вы умываетесь, еще влажное лицо смажьте любым кремом для сухой кожи, например, «Свобода», «Люкс», «Экстел», а пять минут спустя промокните излишки влаги и крема бумажной салфеткой.

● Жирную, пористую кожу нужно раз в день, утром, мыть с мылом. Лучше, если это будет «Детское», «Борно-тимоловое» или «Детярное» (его можно употреблять только зимой).

Вечером в таком случае умываться не советуем, протрите лицо лосьоном или настойкой календулы.

● Безопасная бритва лучше сбривает мягкие волосы. Поэтому перед бритьем советуем положить на кожу горячий компресс из настоя ромашки, зверобоя, чистотела. (Заваривают травы из расчета 1 столовая ложка травы на стакан крутого кипятка.) Потом смазать лицо кремом, предназначенным для употребления до бритья, хорошо вспенить мыльный крем («Спутник») или мыло, которое должно быть высокого качества, «Космос», например. Бриться надо по ходу роста волос, тогда раздражение будет меньше. После бритья смазать кожу кремом с витамином «F» или кремом «Спутник».

Если после бритья все же появляется ощущение, что кожа стянута, под горячий компресс нанесите крем для сухой кожи («Свобода», «Люкс»).

● Электрическая бритва лучше выбривает более жесткие волосы. Поэтому не стоит бриться сразу после умывания. Кожу припудрите тальком.

Закончив процедуры, протрите лицо одеколоном («Командор», «Старт», «Оптимист» и др.) или настойкой календулы.

● Порезы после бритья надо протереть перекисью водорода или квасцами, туалетным уксусом.

Л. ГОРДИНА,
врач-косметолог

ПЛЫВУТ «МОРЖИ»

«Плывут «моржи». Вы видели этот фильм? Он, конечно, не о пользе зимнего плавания, а больше о любви, тем не менее впечатляющие кадры с женщиной, медленно плывущей в ледяной воде, запоминаются надолго.

«Моржей» сейчас становится все больше, и мужчин и женщин. Энергичные, веселые, они охотно расскажут, сколько радости доставляют им зимние купания. И наверняка добавят: мол, раньше болел, от врача не выходил, теперь же забыл о своих недомоганиях, стал молодым и крепким.

На Руси испокон веков знали, что холод закаляет. Выскакивали после бани на мороз, валялись в обжигающем снегу, окунались в прорубь. Считалось, что студеной вода лечит чуть ли не от всех недугов. Современная наука не спорит с народным опытом, напротив, поддерживает его. Ледяная вода, считают ученые, активизирует все физиологические процессы в организме, повышает жизненную энергию, способствует предупреждению заболеваний, улучшает сон и аппетит. К тому же играет большую роль в профилактике преждевременного старения, активизирует жизнедеятельность клеток, тренирует сердечно-сосудистую и нервную системы. Купание в ледяной воде воспитывает мужество, настойчивость, укрепляет волю, повышает работоспособность. Оно дает радостное ощущение победы над природой, эмоциональный подъем, ровное, хорошее настроение. Следовательно, награждает людей бесценным даром — физическим и духовным здоровьем.

Однако к «моржеванию» надо подходить очень осторожно. Есть много медицинских показаний к занятиям зимним плаванием. Но не меньше и противопоказаний. У многих больных и пожилых людей, прежде всего женщин, сильное охлаждение может вызвать нарушение деятельности внутренних органов, стать причиной тяжелых расстройств, словом, вместо пользы принести вред. И уж совсем недопустимо переохлаждение для людей, перенесших недавно инфаркт миокарда, страдающих тяжелыми заболеваниями почек.

Так что, как бы ни уговаривали вас друзья-«моржи», приводя в пример себя и своих знакомых, прежде чем окунуться в прорубь, обязательно посоветуйтесь с врачом. И даже если он разрешил, все же не занимайтесь индивидуально, а запишитесь в специальную секцию зимнего плавания, чтобы находиться под постоянным медицинским наблюдением и контролем.

Основные законы всякого закаливания — постепенность и последовательность — должны соблюдаться и здесь. Готовиться к зимнему плаванию лучше с лета, ежедневно купаясь в реке или озере, пруде, а потом распространить купальный сезон на весь год. Начинать можно и зи-

мой. Но для этого нужна предварительная подготовка в домашних условиях, а также наличие поблизости от проруби теплого помещения, еще лучше — тепло душа или бани. Регулярно принимаемая холодная душ или ванна дома и дополняя воздушными и снежными процедурами, вы без особого труда можете перейти к купаниям в ледяной воде.

Однако даже если вы «морж» со стажем, все равно не стоит злоупотреблять ледяными ваннами: Интервал между купаниями определяется временем, необходимым для полного восстановления физиологических функций организма. Частота купаний обратно пропорциональна «холодовой нагрузке», как мы говорим: чем меньше эта нагрузка, тем чаще купания; чем больше нагрузка, тем они реже. Рекомендуют купаться через день.

Понятно, что величина «холодовой нагрузки» зависит не столько от частоты купаний, сколько от времени пребывания в ледяной воде и на холодном воздухе, а также от степени закаленности занимающегося.

Начинать зимнее плавание можно в любом возрасте — с 16 до 70 лет. Однако, решая вопрос о закаливании ледяной водой, учитывайте не только физическую, но и психическую готовность к этому.

Если обжигающая ледяная вода вас не страшит — ныряйте!..

А. КОЛГУШКИН,
председатель федерации
зимнего плавания
Ленинградского района
Москвы

Фото автора.

Рубрику ведет кандидат медицинских наук С. Л. ПОЛЧАНОВА.

ПУСКАТЬ ЛИ К НОВОРОЖДЕННОМУ ГОСТЕЙ?

Лучше не надо. Вполне понятно, что друзьям и родным хочется взглянуть на нового члена семьи. Покажите издали, а в руки лучше не давайте. Думаете, чтобы «не сглазили»? Чепуха! Все куда серьезнее. У взрослых на коже и слизистых оболочках находятся многочисленные микроорганизмы, часто не причиняющие им беспокойства. Но эти же микробы для незащищенного организма малыша могут обернуться тяжелым заболеванием, воспалением легких, гнойничковой сыпью. Ребенок не игрушка. Станет постарше — тогда можете с гордостью продемонстрировать его друзьям, а пока воздержитесь.

КОГДА «ПЕРЕСЕЛЯТЬСЯ» В ПОЛЗУНКИ?

С 2—3 месяцев, когда малыш достаточно подвижен и может себя согреть активными движениями. На ночь же ползунки снимать и по-прежнему пеленать или переводить в ночную рубашку в виде спального мешка.

КАК ОДЕВАТЬ МАЛЫША В КОМНАТЕ?

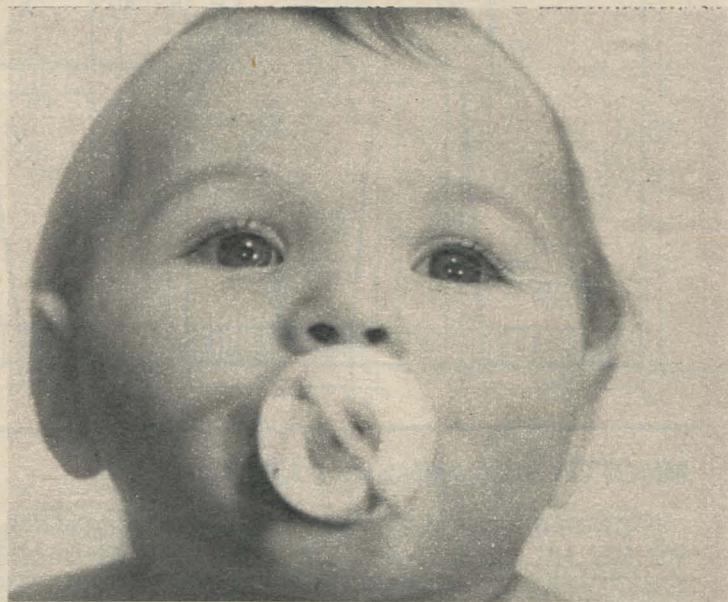
В ползунки, рубашечку и фланелевую кофточку. Чепчик, шерстяные костюмчик, носки способствуют перегреванию, а оно для малыша вреднее, чем охлаждение. Чепчик, косыночку надевайте только после купания и на прогулку.

НУЖНА ЛИ СОСКА МАЛЫШУ?

Не нужна! Другой вопрос — можно ли ее давать? На Западе есть врачи, которые считают пустышку безобидной, даже в какой-то степени полезной, потому что она щадит нервы ребенка, успокаивает его. Советские педиатры в большинстве своем придерживаются другого мнения. Соска-пустышка вредна! Постоянное нахождение ее во рту мешает формированию правильного прикуса, приводит к тому, что зубы некрасиво торчат наружу, нарушается речь. Исправлять эти дефекты приходится долго, да и не всегда это удается.

Соска нужна родителям, а не малышу. Это уступка их слабым нервам, недостаточной твердости, нетерпеливости, иногда утомлению и плохому настро-

ению. Постарайтесь выдержать характер. Если вы убеждены, что малыш не болеет, а лишь капризничает, дайте ему вдоволь накричаться, но не суйте соску. Конечно, бывают дети, которые действительно не дают покоя семье ни днем, ни ночью. Еще хуже, если малыш постоянно сосет палец. В таких случаях соска может выручить. Но и тогда не разрешайте постоянно держать ее во рту. Давайте лишь, если ребенок очень сильно раскричался, чтобы успокоить, и еще когда укладываете его спать, а потом заберите. Если не можете обойтись без соски, заводите их несколько (4—6), почаще кипятите (обязательно при падении на пол!), храните только в закрытой посуде и никогда не оближайте.

МАМА, ПОЙДЕМ НА ЗАРЯДКУ!

Ох, до чего же трудно зимой, когда за окном темно, разбудить ребят, собрать их в детский сад. Мама нервничает, а малыш никак не хочет вылезать из-под теплого одеяла, ужасно медленно одевается, капризничает. А не изменить ли все это? Хотите попробовать? Скажите малышу с вечера, что завтра утром, если он быстро встанет, вы возьмете его с собой на зарядку, на улицу. Едва ли найдется такой ребенок, который не закричит при этом «ура!».

Вышли на улицу. Прохладный воздух бодрит, сгоняет остатки сна. Если есть рядом парк или спортивная площадка, бегите туда. В неспешном, размеренном темпе, чтобы на бегу можно было поговорить о чем-то интересном.

Устали вы или ребенок — перейдите на ходьбу, сделайте несколько дыхательных упражнений. Отдохнули — снова перейдите на бег. 10—15 минут такого бега — затем походите, чтобы дыхание успокоилось, и займитесь упражнениями. Вот некоторые из них:

1. «Пропеллеры». Круговые вращения прямыми руками вперед и назад. Начинаем медленно с постепенным ускорением до максимального.

2. «Наколем дрова». Ноги на ширине плеч, руки в замок. Поднять руки вверх и, наклоняясь вперед, опустить с резким выдохом.

3. «Качающаяся березка». Ноги на ширине плеч, руки вверх. Наклоны туловища влево-вправо, круговые вращения туловищем вправо и влево.

4. «Лягушка». Присесть и прыгнуть вверх, помогая маховыми движениями рук.

КАКУЮ ВЫБРАТЬ КОЛЯСКУ?

Если иметь в виду интересы ребенка, то надо выбрать коляску достаточно высокую, чтобы в нее не попадали уличная пыль и выхлопные газы автомашин, достаточно глубокую, чтобы малыш не мог выпасть, достаточно длинную и просторную, чтобы в ней было удобно лежать и спать. Практичны коляски, которые легко мыть снаружи и внутри, без помощи посторонних поднимать и выносить из дома на улицу и обратно. Откидной верх поднимайте только при резком, порывистом ветре, снегопаде, дожде, а в хорошую, тихую погоду, даже зимой, опускайте его. Внутри коляска оборудуется, как кроватка: жесткий матрасик, покрытый чехлом, клеенка, простынка.

КАК ИЗБЕГАТЬ ОПРЕЛОСТЕЙ?

Они, как правило, возникают при плохом уходе, когда малыш долго лежит в мокром или если используют подсушенные, а не постиранные пеленки, перегревают, укутывают. При предрасположенности к опрелостям кожные складки после подмывания и купания тщательно просушивают мягким полотенцем или простынкой, а затем смазывают прокипяченным растительным маслом, детским кремом или бледно-розовым раствором марганцовокислого калия. Можно также присыпать детской присыпкой или тальком. Постарайтесь, чтобы покрасневшие участки кожи 5—10 минут оставались открытыми. Такая воздушная ванна укрепляет кожу. Если же опрелости не проходят, обратитесь к врачу — это может быть первым проявлением экссудативного диатеза.

5. «Кто сильнее?». Соедините перед грудью руки — ваши и ребенка. Один сгибает по очереди то правую, то левую руку, другой изо всех сил сопротивляется.

Это лишь примерные упражнения. Вы вместе с ребенком придумаете и более интересные. А теперь бегом домой.

Посмотрите, как раздумялся ребенок, какое отличное у него настроение, какой аппетит. Разве ради этого не стоит «пожертвовать» получасом сна?

Одежда не должна стеснять движений, быть чересчур свободной или, наоборот, тесной.

В заключение хочу сказать, что все советы я даю на основании собственного опыта: у меня двое сыновей (6 и 8 лет). А еще веселее будет заниматься, если к вам присоединятся папа, другие папы и мамы, друзья ваших детей.

С. КРАСАВЦЕВА,
мастер спорта по легкой атлетике

Как подобрать галстук к костюму? На этот вопрос мы попросили ответить **Татьяну Викторовну Нестерову**, заведующую секцией московского специализированного филиала магазина «Галстуки».

— Правило здесь одно: галстук должен гармонично сочетаться с костюмом, сорочкой. Он может быть из одноцветной гладкой ткани или в мелкую клетку, полоску, рельефный. К однотонной сорочке подойдут галстуки с рисунком, к сорочке в полоску или клетку — однотонные, спокойных расцветок.

Принято с костюмами светлых тонов носить яркие галстуки. Например, к серому костюму с белой сорочкой — галстук яркой синей или зеленой расцветки с рисунком; к синему костюму со светло-голубой сорочкой — галстуки синих, вишневых и голубых тонов.

К черному костюму с белой сорочкой, который надевают в особо торжественных случаях, подойдут галстуки серых, голубовато-серых оттенков, но не яркие, а к коричневому костюму с сорочкой кремового цвета или белой — галстуки бежевых, золотисто-желтых или зеленых оттенков. Сейчас в моде однотонные, в полоску, в горох. Ширина галстука колеблется от 6 до 8 сантиметров.

Сложнее подобрать галстук к костюму из ткани в полоску или клетку. Но не ошибется тот, кто в этом случае всем галстукам предпочтет однотонные, чуть светлее костюма.

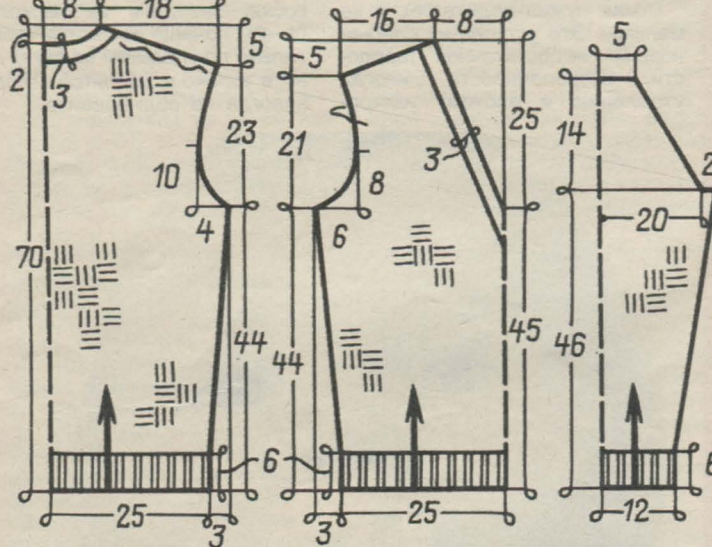
НАУКА ЗАВЯЗЫВАТЬ ГАЛСТУК

Правильно завязать галстук — целая наука. Далеко не все мужчины умеют это делать так, как требует строгая мода. Может быть, вам будет подспорьем наш чертеж, на котором изображены два самых распространенных способа завязывания галстука.

ТЕМ, КТО ВЯЖЕТ

Чертежи для мужского пуловера даны на 50-й размер.

Материал: меланжевая шерстяная пряжа в 2 нити: по 400 г бежевой и коричневой (пряжа № 10/2). Спицы № 3 и 4, крючок № 3,5.

Вязка: основной узор «плетенка» выполняется на спицах № 4. Низ пуловера и рукавов вяжется резинкой 2×2 на спицах № 3.

Образец узора «плетенка»: наберите 32 петли (число должно делиться на 20 плюс 10 дополнительных петель для симметрии узора плюс 2 кромочные).

1-й ряд: 10 лицевых, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые и т. д. (то есть 10 лицевых чередуются с резинкой 2×2 из 10 петель).

2-й ряд и все четные ряды:

над лицевыми вязать лицевые петли, над изнаночными — изнаночные, то есть «по рисунку».

3-й ряд: 10 изнаночных, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые и т. д. В этом ряду 10 изнаночных чередуются с резинкой 2×2 из 10 петель.

5-й и 9-й ряды: как 1-й.

7-й ряд: как 3-й.

11-й ряд: 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 10 лицевых и т. д. Резинка 2×2 из 10 петель чередуется с 10 лицевыми.

13-й ряд: 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 2 изнаночные, 2 лицевые, 10 изнаночных и т. д. Резинка 2×2 из 10 петель чередуется с 10 изнаночными.

15-й ряд: как 11-й.

17-й ряд: как 13-й.

19-й ряд: как 11-й.

21-й ряд: узор повторять с 1-го ряда.

Спинку, рукава и перед вяжите по выкройке снизу вверх. Готовые детали наколите на выкройку изнаночной стороной наверх, отпарьте (не досуха!) через 2 слоя влажной марли, слегка касаясь утюгом, затем снимите марлю, отколите иголки и оставьте вязанье на выкройке до полного высыхания. Сшейте детали и обвяжите горловину по кругу столбиками без накида, вводя крючок под заднюю нить петли основания (крючок № 3,5).

Модель М. МАКСИМОВОЙ.

Фото В. ХИТАГУРОВА.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ГАЛСТУК

В СЛУЖЕБНОЙ И ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ МЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕБЕ МУЖЧИНУ БЕЗ ГАЛСТУКА. А МОЖЕТ, КОРРЕКТНЫЙ ГАЛСТУК УСТАРЕЛ?

Мода не отменяет галстук — это мнение модельеров.

В официальных присутственных местах даже в знойный летний день «деловой» мужчина обречен быть при галстуке.

В нарядном костюме галстук может быть заменен «бабочкой» или легким шарфом. В полуофициальном (тот же костюм, но для обычной жизни) функцию галстука могут выполнять кашне, косынка, заправленная за воротник обычной сорочки. Современная мода допускает это, вероятно, пытаясь снять крошечную, деликатную полунбрежностью излишнюю строгость и сухость традиционного костюма. В этом же ряду стоит и допускаемый нынче галстук-тесемка, завязывающийся под воротником сорочки. Костюм завершен до последней детали, но... это ведь все же не совсем галстук.

Интересно, что модельеры сегодня подходят к этой проблеме как бы и с другого конца. Тради-

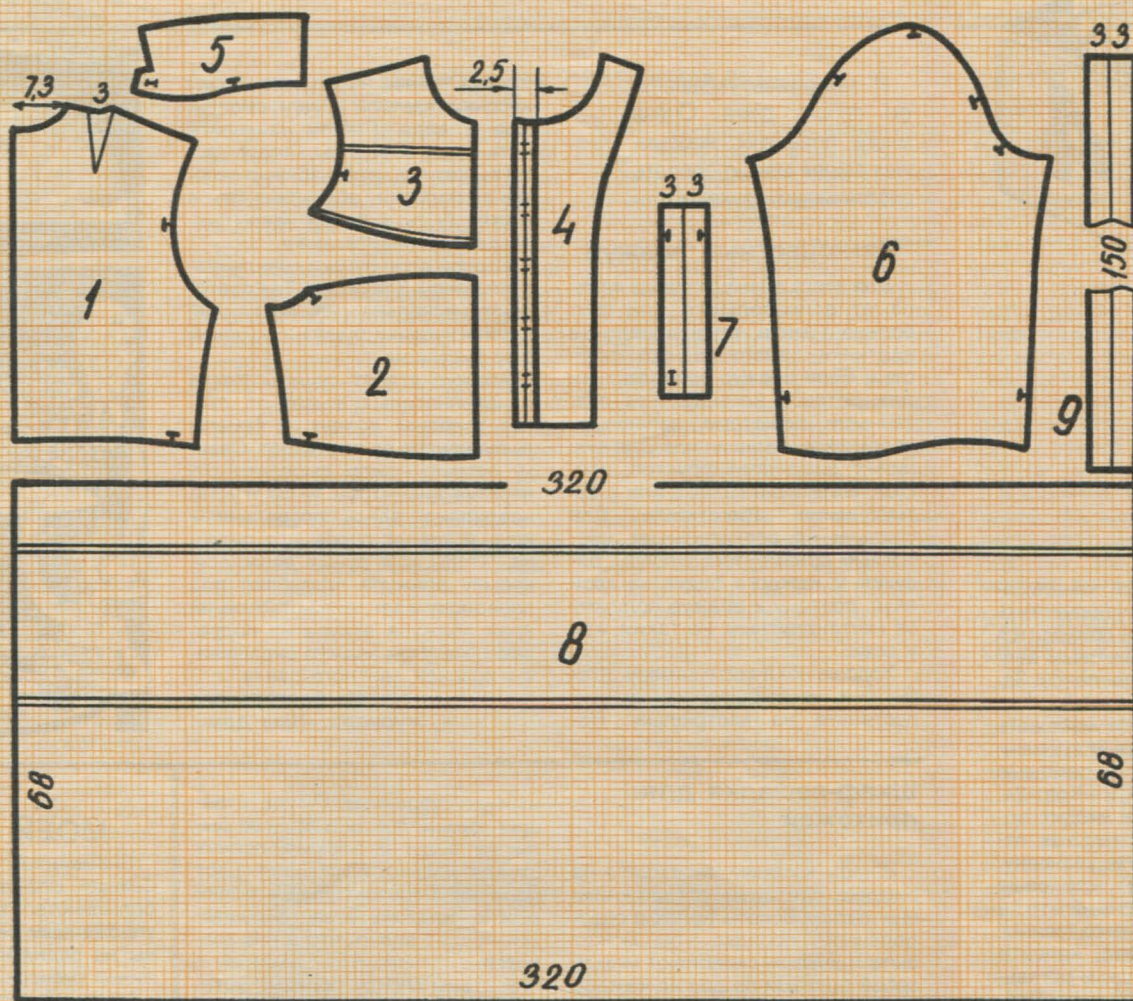
ционный галстук носят не с костюмом, а с мягкой, свободной курткой. Обратный ход: комфортная, почти спортивная одежда для отдыха «подтягивается» при помощи галстука, становится представительно-деловой.

Как мы видим, мода «обгрызает» галстук со всех сторон! Несовместимым галстук остался лишь с тугобой спортивной одеждой, джинсами. Хотя... впрочем, с полным джинсовым костюмом — брюки, пиджак или куртка — может сочетаться галстук-косынка, галстук-шарф, галстук-тесемка.

Невозможен галстук, надетый со свитером или водолазкой, зато он хорошо смотрится заправленным в острый вырез шерстяного пуловера — налицо и удобство и подтянутая деловитость.

Интересно сочетать галстук с платком из той же ткани, выглядывающим из нагрудного кармана.

А. ЧЕРНЫШЕВА

МОДЕЛЬ НОМЕРА

Шерстяное платье, отделанное тесьмой, хорошо и в будни и в праздники.

Платье из легкой шерстяной ткани может быть не только светлого, но и темного цвета. Тесьма подбирается в тон платья и настрачивается на ткань так, чтобы строчка была незаметной.

Платье по талии отрезное, лиф у пояса соборен, юбка заплиссирована. Воротник на цельнокроеной стойке. Застежка спереди на планке.

Выкройка платья для размера 164—96—104 дается на чертеже в масштабе 1:10. Напоминаем: каждая клетка миллиметровки равна одному квадратному сантиметру (то есть 1 см² на нашем чертеже должен быть равен 10 см² на чертеже, который вам надо построить). Выполнить чертеж можно на миллиметровке или на листах из тетради в клетку. В последнем случае клетка в тетради равна 5 мм², и, значит, в каждом квадратном сантиметре будет четыре клеточки.

На чертеже даны следующие детали:

1. Спинка — 1/2 детали, кроится целиком.
2. Полочка — 2 детали.
3. Кокетка полочки — 2 детали.
4. Планка с подбортом — 2 детали.
5. Воротник на стойке — 2 детали.

6. Рукав — 2 детали.
7. Манжета к рукаву — 2 детали.
8. Юбка — 1 деталь.
9. Пояс — 1 деталь.

Отделочная тесьма располагается на кокетке по линии пришива и несколько выше, а также в двух местах на юбке — расположение тесьмы обозначено на чертеже тонкими линиями.

При составлении выкройки надо наносить и надсечки, данные на чертеже, чтобы при шитье точнее подогнать детали.

Расход ткани: 2 м 60 см при ширине 150 см; тесьмы — 7 м 50 см.

Несколько технологических указаний. Рукав у платья втачной, у манжеты соборен. В шве рукава оставляется разрез — здесь манжета будет застегиваться, для застежки необходимо оставить запас — места эти помечены надсечками.

На юбку прежде всего настрачивается тесьма, потом подшиваются низ, и только после этого юбку можно отдавать в плиссировку.

Выкройка рассчитана на то, что будут подложены небольшие плечевые накладки.

Конструктор Н. МАЛЬКОВА.

Нитка быстрее вденется, если вдвигать ее тем концом, который только что обрезали, а на другом завязать узелок. При шитье нитка будет меньше путаться и рваться.

Если швейная машина «не берет» резину или пластик, протрите свечкой те места, где должна пройти строчка. Машина прошьет их безотказно.

Л. ВЕРЕЩАГИНА

г. Улан-Удэ.

Шерстяную и капроновую нить трудно вдеть в ушко иголки. Чтобы облегчить процедуру, я смачиваю конец нитки и натираю его мылом, проглаживаю пальцами и даю высохнуть. Жесткий конец нити вдеть легко. Поэтому в коробке, где лежат принадлежности для шитья, я всегда держу и маленький кусочек мыла.

И. МЕЛИХОВА

г. Люберцы
Московской обл.

МУЖЧИНЫ, ЗАСУЧИТЕ РУКАВА

● Засорившиеся канализационные трубы прочистить очень непросто — приходится пользоваться резиновым вантузом, ершом, проволокой. Занятие не из приятных!

Если вы хотите избежать этих хлопот, время от времени очищайте трубы с помощью порошков «Крот» и «Крот-2», в состав которых входит едкий натр. Перед тем как открыть, встряхните упаковку, затем одну-две столовые ложки порошка насыпьте в сливное отверстие раковины, ванны или унитаза, налейте стакан теплой воды и оставьте так на один-два часа. После этого промойте трубу большим количеством воды. Будьте осторожней — препарат не должен попасть в глаза, на кожу или одежду.

● Раз в три месяца смазывайте линолеум олифой, а потом тщательно протирайте мягкой тряпкой. Пол будет блестеть, и специальные полирующие средства не потребуются.

● Как известно, прежде чем побелить потолки, надо снять с них старую побелку. Для этого ее смачивают водой, размывают кистью или счищают скребком. Но бывает, что побелка плохо поддается удалению. В таких случаях советуем смочить ее слабым раствором трехпроцентной уксусной или соляной кислоты. Работать надо в очках.

● Чтобы густотертая краска скорее высохла, перед употреблением в нее вводят сиккатив — не более 5 процентов от массы краски. В продаже бывает сиккатив № 64, а в комплекте с эмалью ПФ-11-26 — сиккатив НФ-1. Но если краска должна быть особо прочной, как, например, краска для пола, то сиккатив в нее лучше не добавлять.

И займитесь украшением своего дома. Очень много полезных, необычных вещей можно сделать собственными руками.

Разноцветный абажур

Для этого абажура нужна камера от волейбольного или футбольного мяча, клей и цветные картинки самого разного свойства. Если абажур предназначен для детской комнаты — со сказочными сюжетами, забавными зверюшками, машинами. Для кухни — с рисунками фруктов, овощей, аппетитных блюд или с бутылочными этикетками. Для спальни — с растительным, цветочным орнаментом. Словом, рисунки у каждого будут на свой вкус, поэтому и абажур получится нестандартным, не таким, как у всех.

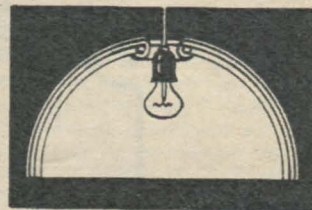
Хорошо накачайте камеру. Чтобы она не вырвалась из рук, поставьте на кастрюльку. На-

клейте на нее небольшие (5 см²) кусочки газетной бумаги, смоченные в воде. Работу начинайте чуть выше середины камеры, если вы хотите, чтобы абажур напоминал половину апельсина. Но он может быть и более закрытым, тогда оклеивайте ниже.

Второй слой бумаги приклеивается клеем для обоев. Так повторяют несколько раз, последний слой — кусочки бумаги с нужным вам рисунком.

Абажур ставят сушить. Когда он окончательно высохнет, станет твердым, воздух из камеры выпускают и ее вынимают. Сверху острым ножом вырезают отверстие диаметром 10 см, и устанавливают здесь проволочный круг, и крепят опоры для патрона. Чтобы круг лучше держался, кромку абажура подгибают под проволоку и заклеивают. Нижний край абажура аккуратно подрезают. Изнутри абажур окрашивают краской светлого цвета.

Из болгарского журнала «Наш дом».

Шкаф-вешалка для прихожей

Шкаф, который вы видите на рисунке, сделан из готовых книжных полок. Восемь полок в определенном порядке — он может быть и иным — скрепляют между собой болтами по два на каждое соединение (рис. 1).

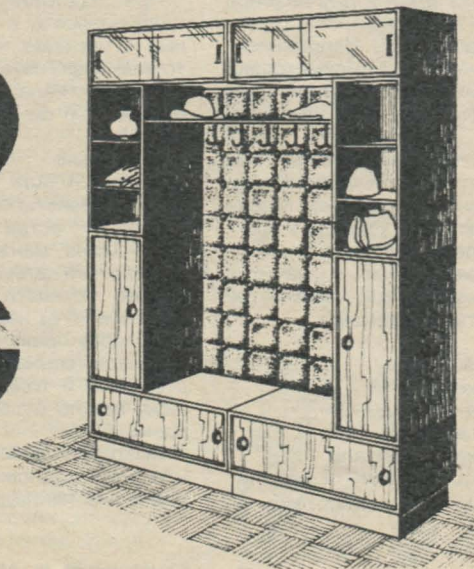
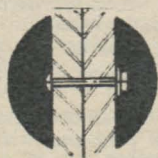
Сначала устанавливаются плитусные коробки, которые скрепляются при помощи уголков (рис. 2). Изготавливают коробки из древесностружечных плит, размеры их зависят от полок, которые на них будут установлены. Раздвижные стекла в книжных полках заменяются глухими створчатыми дверками. Эти полки могут служить для хранения обуви. Еще по две полки устанавливаются вертикально, две из них можно сделать с дверцами,

чтобы убранные туда вещи — сумки, зонты и пр. — не были на виду. В верхних полках стекла убирают и устанавливают полочки. Горизонтальные полки можно оставить и застекленными — будет видно, что в них хранится.

У стены между полками устанавливается плита из оргалита, которая обивается дерматином или искусственной кожей по тонкому слою ваты или поролона. Декоративные гвозди вбиваются так, чтобы образовался четкий геометрический рисунок. В верхней части ниши устанавливается полка для головных уборов. К ней или чуть ниже, к стенке, крепятся крючки для одежды.

Все самодельные элементы окрашиваются нитроэмалью в темно-коричневый цвет.

Архитектор А. БЕЛУССКИЙ

РЕЦЕПТ МОЕЙ МАТУШКИ

Знаменитые сибирские блины сейчас становятся редкостью, большинство хозяек готовят по упрощенным рецептам, и их блины не родня настоящим, доподлинно сибирским.

Матушка моя, Домна Афанасьевна, знает множество всяческих старинных секретов, в том числе и рецепт блинов. Я его записал: а вдруг кого заинтересует эта не очень-то хитрая, но вкуснейшая на свете еда.

Итак, продукты: мука, II сорт, но можно и I сорт, — 1 кг или меньше (сколько возьмет), вода кипяченая комнатной температуры (1 литр), 1 чайная ложка соли, 1 чайная ложка соды, 2—3 яйца, 0,5 литра молока.

В воду, помешивая, засыпать муку, положить соль и соду, взбить до равномерной массы, развести холодным молоком, перемешать, чтобы получилась консистенция густой сметаны. Затем заварить крутым кипятком (примерно стакан), еще хорошо перемешать, дать немного остыть, добавить сырые яйца, перемешать. Тесто, похожее уже на сметану жидкую, готово. Можно приступить к выпечке блинов. Понадобится толстостенная чугунная (или алюминиевая) сковорода и помозок или кисточка для ее смазывания.

Накаленную сковороду смазывают топленным бараньим салом или растопленным комбиджиром. Самые вкусные блины — на свином жире. Тесто наливают на сковороду, держа ее на весу, покачивая, чтобы оно растеклось равномерно.

Блины получаются тонкие, поджаристые и все в дырочках.

И. ШИХАТОВ

г. Омск.

Весна уже не за горами. Пора в сад, чтобы уплотнить снег около стволов плодовых деревьев и проверить обвязку, которая защищала от грызунов. Если хотите, чтобы дерево зацвело позже (тогда возвратные заморозки меньше повредят урожаю), набросайте снега в пристволный круг, уплотните его и укройте хвоей, стружками, чтобы он меньше таял.

Вы не успели с осени заготовить черенки для прививки? Не поздно сделать это сейчас. Нарезьте черенки с южной стороны кроны, заверните их в бумагу, потом положите в целлофановый мешочек, закопайте в снежную кучу с северной стороны дома или сарая, а сверху укройте ветками елки, сосны или стружками. Можно хранить черенки и дома в холодильнике, около морозильной камеры.

Когда температура воздуха установится не ниже -4°, можно приступать к обрезке деревьев. Учтите, что неправильная обрезка, когда удаляют много веток, может сильно повредить дереву, поэтому будьте внимательны. Удалите все сухие ветки. Спиливать нужно осторожно, чтобы ветка не отломилась в ненужном месте, не расщепился ствол.

Срез зачищите ножом или стамеской и замажьте садовым яром или масляной краской.

Можно приступить к формированию кроны на молодых деревьях, которые были посажены осенью. В кроне должно быть 4—5 основных, хорошо развитых ветвей, находящихся на стволе на расстоянии 12—15 см одна от другой. Нельзя, чтобы из одного места росли две одинаковые ветви и от ствола ветки отходили под острым углом (их или отгибают, или вырезают).

Часто у саженца рядом со стволом растет вторая одинаковая по силе ветка. Ее удалить, а ветку-лидер укоротить примерно на треть годичного прироста.

ФЕВРАЛЬ — МАРТ

Много хлопот и у огородников. Настала пора готовить семена к посеву. Растения огурцов, вырос-

шие из прогретых семян, образуют больше женских цветов, поэтому урожай от них обильный. Подержите семена на батарее водяного отопления (если температура 50°C — достаточно 8—10 часов, а 40° — сутки или двое) или подвесьте в марлевом мешочке под лампой (около месяца).

Урожай бывает выше от полновесных семян. Проверьте, каковы ваши. Семена огурцов и кабачков погрузите в чистую воду, а помидоров — в трехпроцентный раствор поваренной соли (столовая ложка соли на 1 литр воды). Те, что всплыли, не годятся. Остальные промойте и высушите. Имеет смысл также в целях профилактики обеззаразить семена помидоров, огурцов, кабачков и тыквы, подержав их 20 минут в однопроцентном растворе марганцовокислого калия (1 г на половину стакана воды), а потом тщательно промыть.

Теперь семена можно высевать — конечно, не на грядку, а на бумагу. Больше всего подходит для этой цели туалетная бумага или салфетки, можно взять и другую, только не газеты. На полоску бумаги наносят мучной клейстер (или другой клей, кроме силикатного) и приклеивают семена, раскладывая их пинцетом или деревянной палочкой.

Бумагу с приклеенными семенами высушивают, надписывают

название культуры, сворачивают в рулон и хранят в сухом месте. Когда наступит срок сева, рулон раскатывают на грядке и присыпают слоем земли в 1 сантиметр.

Вы хотите получить у себя на участке самый ранний картофель? Тогда позаботьтесь об этом заранее, заложив крупные, сухие клубни в два слоя в светлом помещении на яровизацию. Удобнее всего взять для этого ящик или коробку, в крайнем случае — целлофановый пакет, сделав отверстия, чтобы проходил воздух. Неделю через три на клубнях проклюнутся ростки. Если они тонкие, нитевидные — клубни не годятся. Если же плотные — клубни раскладывают одним слоем на целлофановой пленке, которой выстлано дно ящика, засыпают сверху торфом или опилками и увлажняют. Через 18—20 дней появятся всходы. Не забывайте время от времени поливать свой домашний «огород» и несколько раз подкармливать цветочным удобрением, которое продается в пакетиках в магазине. В апреле (в южных районах — в первых числах, в средней полосе — в конце месяца) рассаду высотой в 10 см высаживают в грунт, так, чтобы все растение, кроме двух верхних листочков, было засыпано землей.

Г. ТРОХИМОВСКИЙ, агроном

СЕМЕЙСТВО БЛИНЧИКОВ

Трудно сказать, кто в этом семействе главный. То ли блины, приготовленные из дрожжевого теста со всякими премудростями, то ли пышные оладьи, то ли блинчики, что родом всех проще. В любом случае это — популярное блюдо, и мало, пожалуй, найдется людей, которые откажутся бы себе в удовольствии полакомиться им.

БЛИНЫ

В принципе все блины готовятся одинаково: в теплую воду или молоко кладут дрожжи, сахар, соль, яйца, муку. Тесто ставят бродить, и часа через три оно готово. Все остальное зависит от пропорции продуктов.

Обычные блины: 2 стакана муки, 4 стакана молока, 2 яйца, 1 столовая ложка свежих дрожжей, 1 столовая ложка сахара, 2 столовые ложки растительного масла, соль по вкусу.

Из овсяных хлопьев: 100 г овсяных хлопьев, 2 столовые ложки пшеничной муки, 3 столовые ложки тертого сыра, 2 яйца, 0,5 л молока, питьевая сода на кончике ножа, 4 столовые ложки растительного масла, соль.

Тесто надо на 20 минут поставить в теплое место, а потом протереть через сито.

На кислом молоке: 2 стакана пшеничной муки, 4 яйца, 100 г сливочного масла, 1 столовая ложка сахара, 2 стакана кислого молока, 4 столовые ложки растительного масла, соль. Белки в это тесто вводятся взбитые и только после того, как оно замешено.

ОЛАДЬИ

Тесто для них готовят более густое, чем для блинов. В него добавляют овощи, фрукты, орехи, сыр.

Обычные оладьи: 2 стакана муки, 2 стакана молока, 2 яйца, 1 столовая ложка сахара, 1 столовая ложка свежих дрожжей, 2 столовые ложки растительного масла, соль по вкусу.

С морковью: к продуктам, приведенным в предыдущем рецепте, добавить 4 моркови, натертые на мелкой терке. Делается это за 10 минут до конца брожения.

С орехами: полстакана очищенных грецких орехов залить

горячей водой, довести до кипения. Через 4—5 минут воду слить, с ядер снять кожицу. Ядра подсушить в духовке и пропустить через мясорубку. Добавить в тесто приготовленное по основному рецепту, и оставить для брожения на 10—15 минут. Подавать лучше с майонезом.

С яблоками: 2 стакана муки, 2 стакана воды, 1 яйцо, 800 г яблок, 1 столовая ложка сахара, 1 столовая ложка свежих дрожжей, 1 столовая ложка растительного масла, соль.

Яблоки, натертые на крупной терке, ввести в тесто за 10—15 минут до конца брожения.

С сыром: 2 стакана муки, 2 стакана молока, 1 яйцо, 100 г сыра, 1 столовая ложка сахара, 1 столовая ложка дрожжей, 1 столовая ложка растительного масла, соль по вкусу.

Натертый сыр добавляют в тесто за 10—15 минут до конца брожения.

БЛИНЧИКИ

Тесто для блинчиков по густоте должно напоминать жирные сливки. Обычно их обжаривают с двух сторон. Но если блинчики делают с фаршем, то достаточно обжарить с одной стороны, на нее положить фарш, сложить блинчики конвертом и снова обжарить.

Обычные блинчики: 2 стакана муки, 5 стаканов молока, 2 яйца, 1 столовая ложка сахара, 2 столовые ложки растительного масла.

Яйца растирают с сахаром и

добавляют третью часть молока, растительное масло, муку и замешивают тесто. Оставшееся молоко добавляют постепенно, если получатся комочки, тесто процеживают через сито. Дают полчаса постоять и потом жарят блинчики.

Так как блинчики славятся начинками (тесто может быть обычным), приводим рецептуру наиболее популярных начинок.

Из творога: 800 г творога, 2 столовые ложки сахара, 2 яйца, ванилин.

Из творога с морковью: 500 г творога, 2 столовые ложки сахара, 6 штук моркови, 2 столовые ложки маргарина, 2 яйца, ванилин.

Морковь натирают на мелкой терке и тушат 7—8 минут с маргарином, остужают. Далее делают фарш из приведенных выше компонентов.

Из капусты: 800 г свежей капусты, 4 столовые ложки маргарина, 2 луковицы, 0,5 стакана молока, соль, перец.

Капусту и лук шинкуют, лук обжаривают, капусту тушат с молоком 10—12 минут.

Из картофеля с грибами: 7 картофелин, 7 сухих грибов, 1 стакан молока, 2 луковицы, 3 столовые ложки маргарина, соль, перец.

Протереть отваренный картофель, влить в него горячее молоко, добавить отваренные и мелко нарубленные грибы, обжаренный лук, соль и перец.

В. МИХАЙЛОВ

ОТВЕЧАЕМ

НА ВАШ ВОПРОС...

Ю. Додолевой, г. Казань

Если вы считаете, что у вас короткая шея, не вяжите вещи с высокими воротниками. Вряд ли пойдут вам и круглые вырезы. Лучше выбрать фасон с так называемым мысообразным вырезом горловины. Конечно, низкий воротник тоже не противопоказан.

О. Шахмистовой, г. Куйбышев

Если на этикетке купленной вами пряжи стоит номер 32/2 или 10/2, это означает толщину нити (первая цифра) и число нитей в пряже. Чем больше первое число, тем тоньше пряжа.

И. Васильевой, г. Рига

Никогда не сматывайте пряжу в тугий клубок: она не будет пушистой, нить вытянется. Можно сматывать нить в клубок, подкладывая под нее два пальца. Но еще лучше, если вы свернете в трубку тонкий журнал, вложите между страничками один конец нити, несколько раз обмотаете его, располагая нить параллельно краю, а потом будете наматывать нить углом. При этом правой рукой вы вращаете журнал на себя, а левой — от себя и наматываете нить. Перематывая, снимите пряжу с журнала — получится рыхлый, пушистый клубок. Вы сможете использовать нить с обеих концов и, если надо, вязать в две нити.

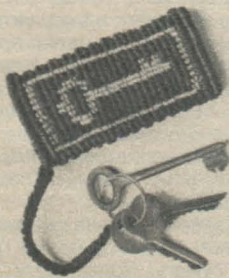
А. Глаголевой, г. Брянск

Да, согласны с вами, вязать свитер для мужчины, имеющего «животик», довольно сложно. Чтобы свитер хорошо сидел, свяжите переднюю его часть (ниже пройм) несколько длиннее спинки, слегка припосадите перед по боковому шву.

МУЖЧИНЕ ПОДАРОК

Как известно, лучший подарок тот, что сделан своими руками. Особенно если это руки любимой женщины.

У вашего мужа всегда много ключей, которые он постоянно теряет. Сплетите ему в подарок красивый и необычный брелок, который одновременно служит и чехольчиком для ключей. Выполнена эта вещица в технике макраме.

Прежде чем приступить к работе, необходимо потренироваться на образце, освоить плетение репсового узла. Сначала научитесь навешивать нарезанные нити на одну натянутую нить (рис. 1), которая условно называется **несущей** (I):
а — сложив нить пополам, подложите ее под несущую;
б — петлю перегните вниз и в нее вытащите оба конца;
в — узел затяните. Это первый способ навеса — **простой петлей**;
г — каждым концом нити выполните еще по одному дополнительному узлу, сделав виток вокруг несущей нити;
д — затянув витки, получите **двойной узел**. Это второй способ навеса. Несущую нить затяните, закрепив булавками на подушке.

Плетение **репсового узла** (рис. 2 и рис. 3) осуществляется нитями, навешенными первым или вторым способом. Они называются **рабочими** (II). Ими завязываются узлы вокруг нити, которая называется **узелковой** (III). Репсовый узел состоит из двух полуузлов:
а — подложите рабочую нить под натянутую узелковую и сделайте ею первый виток вокруг узелковой, вытянув конец в образованную петлю;
б — виток затяните;
в — второй виток выполните таким же образом;
г — второй виток затяните. И так каждой рабочей нитью.

Обратите внимание на то, чтобы узелковая нить оставалась натянутой, а рабочая обвивала ее. При этом надо постараться, чтобы узелок оказался сплетенным вплотную к предыдущему.

Репсовый узел может быть **левым** (рис. 2) или **правым** (рис. 3) в зависимости от того, какой ру-

кой он плетется — левой или правой. При плетении левого репсового узла направление плетения — слева направо: рабочая нить слева находится в левой руке, а узелковая натягивается правой. При плетении правого репсового узла — наоборот.

Репсовые узлы, завязанные подряд и вплотную друг к другу, образуют **бриду** (рис. 4). Брида может быть **правой** (а, в) или **левой** (б, г) в зависимости от того, из каких узлов она состоит — левых или правых, а в зависимости от положения узелковой нити брида может быть **горизонтальной** (а, г) или **наклонной** (б, в).

За узелковую нить при плетении можно взять несущую нить (а), одну из рабочих (б) или **дополнительную** нить (в) — см. рис. 5.

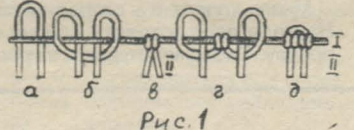

Рис. 1

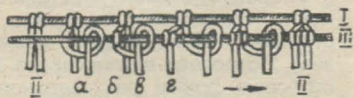

Рис. 2

Рис. 3

Теперь можно приступать к изготовлению брелока (рис. 6).

Отрежьте 5 нитей отделочной тесьмы — сутажка — длиной по 2,1 м. Затем действуйте следующим образом:

а — одну нить сложите так, чтобы один конец был длиннее другого на 40 см, навесьте ее на кольцо ключа простой петлей. Выполните на коротком конце, как на узелковой нити, бриду «фриволите» длиной 4–5 сантиметров (как это делается, мы рассказывали в «Работнице» № 12 за 1983 год);

б — на несущую нить длиной 1 метр навесьте двойным узлом две нити длиной 2,1 м, затем на ней, как на узелковой, сплетите по одному левому репсовому узлу рабочей и узелковой нитями брига «фриволите». Наконец навесьте двойным узлом еще две нити длиной 2,1 м. В первом наборном ряду получите 10 рабочих нитей;

в — сплетите 20 горизонтальных брид, чередуя правые и левые брига. Узелковой нитью служит несущая;

г — 21-ю горизонтальную бриду сплетите, повернув изделие наизнанку, после чего верните изделие на лицевую сторону;

д — сплетите еще одну горизонтальную бриду репсовых узлов;
е — разделите рабочие нити пополам и на левых пяти нитях вплотную друг к другу сплетите три левые наклонные брига в направлении от края к центру. В качестве узелковой нити каждой последующей брига возьмите рабочую нить предыдущей брига, а узелковую нить 1-й и 2-й наклонных брид используйте как рабочие. На правых пяти нитях сплетите три правые наклонные брига. Необходимо, чтобы узелковые нити 3-го ряда правой и левой наклонных брид встретились в центре плетения;

ж — поверните их под прямым углом, предварительно зацепив друг за друга, и используйте в качестве узелковых для плетения первых наклонных брид нижней половины рисунка. На крайних рабочих нитях выполните правые и левые брига «фриволите» из четырех узлов;

з — сплетите по три ряда наклонных правых и левых брид в направлении от центра к краям; **и** — закончите плетение тремя горизонтальными бригами на дополнительной нити длиной 20 см. Концы рабочих, несущей и дополнительной нитей подогните на изнаночную сторону, подшейте или подклейте клеем и отрежьте.

Сложите полученную полоску так, чтобы место сгиба пришлось на изнаночную бриду, и сшейте по бокам. На колечко наденьте ключи, которые можно будет убрать в карман брелока.

Брелок можно выполнить из нитей разных цветов.

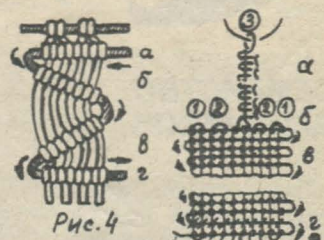

Рис. 4

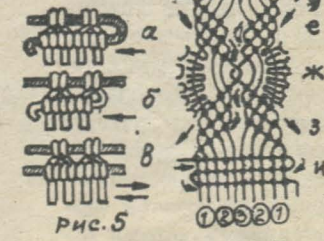
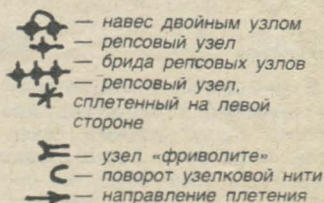

Рис. 5

Рис. 6

Условные обозначения к рис. 6

В. СНИМЩИКОВА

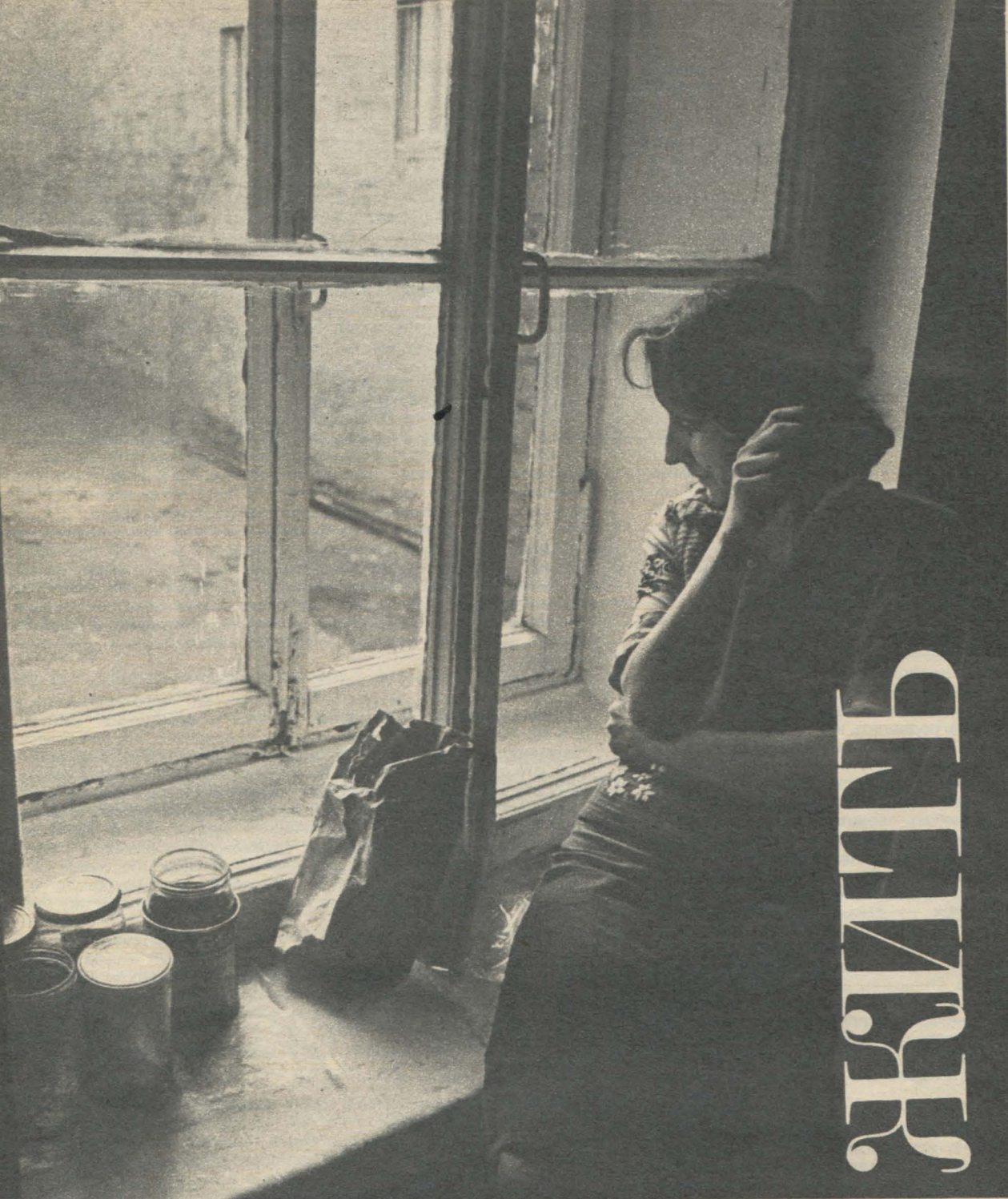

Фото В. БОГДАНОВА.

ЖАМЬ О ЛЮДЬМИ

Над читательской почтой размышляет писательница Ольга КУЧКИНА

Хорошему русскому писателю пришло однажды на ум рассуждение о том, как, в сущности, все мы, живущие на земле в одно время, должны быть добры друг к другу. Минуют годы, явятся совсем новые люди, уже чужие для нас, а мы, те, которые встречали одни и те же рассветы, провожали одни и те же закаты, уйдем — неужели при одной этой мысли не щемит сердце любовью к знакомым и незнакомым?..

Уметь жить друг с другом. Кажется, чего проще. От века люди живут друг с другом — в семье, на одной улице, в одной деревне, в одном городе. Но, оказывается, что и сложнее этого нет ничего на свете.

Вот история. «Мне 25 лет. Два года назад я встретила парня, красивого, сильного, очень доброго. Мы поженились. Прошло буквально четыре месяца, и Сашу, так его назову, как подменили, он стал грубить, пить. Я уже в это время ждала ребенка. Кажется, должен бы больше помогать, а он заявил: ты ушла в декретный отпуск, не работаешь, все успевай делать. Я хотела его как-то переубедить, но ничего не вышло, мы поссорились. Я смирилась. Потом у нас родился сын, хлопот прибавилось. А он все свое: ты женщина и должна все успевать делать! Стал считать каждую копейку в доме, говорит: 50 рублей на питание на месяц вполне хватит.

Я доказывала, что нет, он согласился на 100 рублей. А вы сами посудите, на Севере как жить? Тут и так витаминов не хватает, да еще в питании себе отказывать. А сам такой: чтобы было обязательно и первое и второе! Если б не мама моя, я не знала бы, что делать. Она отдает мне свою зарплату... Мама говорит: терпи, ведь у вас ребенок. И я опять терплю. А недавно муж мне заявил, чтобы без его разрешения никуда не ходила — ни на улицу с ребенком, ни к подругам. Хотя и так знает, что подруг я всех из-за него потеряла... Я не могу больше жить так, я стала его ненавидеть...»

Что же произошло? Что происходит всякий день, на всякой улице, во всяком городе? Один человек встречается другого. Она нравится ему, он ей. Проходит время — она уже любит его, он ее, или им кажется, что они любят. Проходит еще время — они вместе, и... обоих как подменили. Обоих. Потому что если бы пришло письмо от Саши, нет сомнения, в нем содержались бы упреки в адрес жены.

Отчего? Неужели так: лицемерие, неискренность вначале, а затем подлинное лицо? Да ничего подобного. В человеческой природе желать нравиться, желать, чтобы тебя любили. А уж коли на тебя упал луч любви — светишься, греешься о него, поворачиваясь своими лучшими сторонами. Но следует знать — и постараться узнать это как можно раньше, чтобы не испытывать потом ненужных разочарований:

нет людей, состоящих из одних достоинств. Наши слабости — оборотная сторона наших сильных свойств. Бытие диалектично, и человеческая натура диалектична тоже.

Однако редко какой влюбленный видит любимого человека целиком таким, каков он есть. И тогда, когда уходит прелесть новизны, когда снимается выходной костюм и надевается тренировочный, тут-то все и обнаруживается! И слезы: денег не дает, не помогает...

Что же делать? Не выходить замуж? Или сперва взрастить в себе вместо доверчивости подозрительность?

Выходить. И доверчивость — светлое качество, лишаться его жаль и во вред себе же. Только к нему стоит прибавить постоянно взращиваемую мудрость, в которую непременно составными входят понимание и терпение. Не то терпение, когда на тебя кричат, унижают, а все выносишь — из-за ребенка, из-за мужниной зарплаты, из-за того, что некуда деться. Нет, не о том терпении речь. О том, какое из-за любви. Какое и есть любовь. Сама любовь диктует быть терпимым к любимому, терпеливым с ним. На человека можно накричать, а можно взять лаской, вниманием, уважительным отношением. Каждый человек требует к себе уважения. Пожалуй, это и есть самое главное в отношениях. К несчастью, мы уважаем обыкновенно чужих людей, с ними считаемся, вынуждены считаться. А со своими — нет. Со своими позволяем себе все что угодно. Почему? Да потому, что думаем: это наше, от нас никуда не денется, неужели еще со своими домашними разводиться, как говорится, «версаль»!

Конечно, нельзя изо дня в день, из месяца в месяц ходить зашнурованным, быть не самим собой, а играть какую-то роль. Однако в том и дело, что быть самим собой можно разным. И относиться к себе можно по-разному. Можно предьявлять счет за совершаемые поступки, за высказанные и невысказанные мысли прежде всего себе, а уж после другим. А можно быть всегда довольным собой. Мы говорили о любви к другому, о возможном ослеплении, связанном с этим чувством. Но и в любви к себе возможно такое же ослепление. Полюбив другого, такой самовлюбленный человек до какой-то степени забывает себя. Увы, через некоторое время «память» к нему возвращается, и он снова любит себя больше, чем другого. Что тут может помочь? Либо самосознание (когда знаешь собственные недостатки и сдерживаешься, стараясь подавлять их), либо слово, взгляд со стороны, помогающие оценить правильно ситуацию. Всегда важно понять, что тебе по-настоящему дорого, а что нет. Дорога женщина, дорог ребенок, дорога семья — значит, надо стремиться не потерять их. Не потеряй не только буквально, но и тогда, когда сохраняешь общая крыша над головой, а любовь теряется, теряется радость, уважение к достоинству — и к чужому и к своему собственному. Какое уж тут достоинство, если оскорбляешь ту, которую целовал и называл ласковыми словами! Не дорога, не любишь, понял, что ошибся, уйди. Униженное достоинство в сохраняемой семье иногда значительно хуже, нежели семья распавшаяся, но такая, где оба сохранили самоуважение и уважение друг к другу. Надо только вот о чем подумать: а есть ли гарантия, даже не гарантия, а надежда, что с другой женщиной (другим мужчиной) не произойдет того же самого? Может быть, причина ухудшения отношений не в том, что она (он) оказалась (оказался) не такой (не таким), как мы предположили, а в нас самих; в нашем эгоизме, нашей самовлюбленности, нашей нетерпимости? Необходимы мудрость и терпение — повторю это. Если любишь, терпеливо помогай растить любимому хорошие черты и справляться с недостатками. Не потакай, а помогай изменяться.

Как должно быть понятно, сказанное адресовано и Саше и Сашиной жене. Но вот другая история. Восемь лет назад распалась семья. Осталась девочка-первоклассница, она часто болела, молодая мать училась заочно, жили по чужим углам. Отец работал близко от школы, у него уже была другая семья, он часто встречал дочку, но не разговаривал с ней, проходил мимо, как чужой. Что он при этом чувствовал, нам неизвестно, но факт остается фактом. Алименты платил исправно — 16—18 рублей. Когда бывшая жена заметила однажды, что на эту сумму девочке ничего не купишь, а девочка растет, — «исправился», стал платить около 30 рублей. В прошлом году купил «Жигули». Подъехал к дому, где живет дочь. Это было 2 сентября. А 3 сентября у его дочери день рождения. Но приехал он не ее поздравить и не ей вручить подарок, а похвастаться подарком самому себе. Девочка сидела во дворе, читала книгу. Когда он подошел на лавочку, встала, молча повернулась и ушла в дом. Матери сказала: «Иди, там С. приехал», назвав его по фамилии. Отец принялся упрекать мать в том, что она настроила против него дочь...

Женщина, написавшая это письмо, молчала восемь лет, восемь лет одна растила хрупкую, болезненную девочку. На работе после развода ничего не сказала, оставила фамилию мужа, не желая ни от кого выслушивать слов сочувствия: «Ведь стыдно быть брошенной». За это время получила профессию, получила квартиру. Справилась. И теперь этот визит, это хвастовство машиной, а потом признание: «Прости, я подлец, я виноват, но я хочу жить...» — и стало обидно, и рука потянулась к бумаге.

Достоинство сохранено. Сохранена гордость. Не его. Ее. Не удерживала, когда уходил к другой. Не выпрашивала ни у кого жалости. Сама тянула сделавшуюся меньше семью. А он, зарабатывая «левые» деньги, сознательно нашел малооплачиваемую официальную работу, чтобы поменьше платить алименты, чтобы иметь возможность «пожить».

В этом письме ни слова о любви. Не было? Или прошла, совсем прошла? Или из той же гордости, поскольку сугубо личное, никого не должно касаться и никто чужой не должен касаться? Как бы то ни было, подобная сдержанность может вызвать лишь уважение. В конце концов человек сам отвечает за себя. И за свои чувства, и за свои ошибки, и за свои поступки. Если он умеет не перекладывать своих болячек, своего отчаяния и своей надежды на чужие плечи, если есть выдержка и мужество перенести беду, как полагается, — можно смело предположить, что он сумеет выстроить свою жизнь. Даже если сначала что-то сложилось не так, как хотелось. Это очень существенно. Самоценность личности — залог не счастья, нет — счастья, как птица, вьет гнездо, где пожелает, — но достойного человеческого существования, что крайне важно.

А он, этот бедный отец, которому так хочется «пожить»... Ну что ж, сейчас у него «Жигули», завтра он приобретет гараж, послезавтра что-нибудь еще, что он считает «жизнью». Но девочка, которая молча поднимается и уходит при его появлении, — она уже ушла. Он, ушедший сам, до сих пор не знал, что это такое, когда уходят от тебя. Возможно, что и сейчас он еще не осознал этого как следует. Он брал себе, отнимая у дочери. Когда трудные отношения между мужчиной и женщиной — еще надо разбираться, что да как, все-таки они, взрослые, как правило, на равных. Когда же взрослый обижает ребенка, когда в угоду своему эгоизму, тщеславию или жадности предаст ребенка, когда строит свое благополучие за его счет — наше отношение к этому однозначно. И так же однозначно отношение ребенка, внезапно или не внезапно обнаружившего, кто есть его отец.

Мы живем в такое время, когда необычайно возрос интерес к отдельному человеку, его внутреннему миру, его индивидуальности. И у самого человека он развился — к себе, к собственной жизни, к мотивам своих чувств, к пружинам своих действий. Это исторически объяснимо. Такую эпоху переживает общество. Без внимания к личности, без самоанализа не происходит внутреннего роста человека, роста его души. Но душа растет правильно, неискривленно тогда, когда внимание к себе существует в правильной пропорции с вниманием к другим. Понятие ответственности употребляется нынче все больше в применении к рабочей, служебной деятельности и часто оказывается размытым в сфере личной. Иные люди умудряются жить, любить или не любить, общаться с чадами и домочадцами, а то и сослуживцами и соседями, вовсе обходясь без этого чувства.

Все наши предыдущие рассуждения и сводятся, если хотите, к необходимости выращивания в себе чувства ответственности — перед жизнью в целом. Есть оно, воспитанное или природное, — перед нами зрелая личность, которой можно довериться, на которую можно положиться. Отсутствует — с таким человеком, прямо скажем, трудно, а то и опасно иметь дело.

Это письмо привожу полностью, как оно написано:

«Дорогие товарищи, я очень прошу ознакомиться с моим письмом, и если явится Ваша доброта ко мне, уделите мне несколько минут Вашего внимания. Я, Шепунова Ольга Константиновна, родилась в г. Ростов-на-Дону в 1920 г., где и проживаю безвыездно до настоящего времени. Пережив войну и потеряв в войну все и всех, я из 13 человек нашей семьи осталась одна... Честно отработавши 34 года работы, закончила ее в Отделстрое 115, маляром 4 разряда, проработала там 20 лет, где и получила пенсию 89 руб. 35 коп. Я была всегда довольная, но смертельная тоска поела меня, как ржа железо. Но имея большую любовь к природе, ко всему животному и растительному миру, я занимала двух петухов и двух кошек. Я радовалась, благо в хате не стало ужаснейшей пустоты. Но 26 августа сосед убил мою кошку без всякой причины. Схватил ее за задние лапы и ударил об асфальт. Когда я спросила негодаря, за что убил, он стал говорить всякую чушь, мешая слова с матом, грозился убить моих петухов и бросался на меня. Я пошла в милицию за помощью, но там посмеялись надо мной, говоря: это мелкое дело, и не призвали к ответу хулигана, а он туняедец, нигде не работает, пьет безбожно, бил жену, и она сбежала от него, и никто его не оштрафовал и не призвал к порядку».

Прочла — и захотелось низко поклониться этой женщине, Ольге Константиновне Шепуновой. За все. За то, что перенесла в войну и после войны. Не пишет, но чувствует. За то, как перенесла. За то, что жила и работала честно и самоотверженно. Что исполнена вековой женской привычки к страданию, но не ожесточилась, а сохранила доброту и неискоренимую любовь к живому. Ни на что не нажимает, ничем не хвастает, пишет своим корявым почерком, как есть, не думая совсем о том, чтобы выставить себя в каком-то особенном свете, упаси бог, все сказало само собой, просто и бесхитростно, но сколь многое

сказалось! Какой человеческой одаренностью, каким внутренним богатством надо обладать, чтобы написать такое и так!

И какими бесчеловечными — безответственными! — рядом с этим Человеком выглядит не только этот кошмар мучитель, но и те работники милиции, к которым старая одинокая женщина обратилась с болью, с бедой, а они над ней посмеялись. И фамилию, и адрес, и дату случившегося сообщая потому, что надеюсь: те, кому положено, обратят самое пристальное внимание на эту историю и спросят с должностных лиц, не выполнивших своего долга, по всей строгости и нашей морали и наших юридических законов.

Вернемся, однако, к убийце кошки. Вполне можно представить себе, как «все начиналось в его семье. Да примерно так же, по всей вероятности, как в историях, о каких рассказано. Но тут «болезнь», если ее можно так назвать, дошла до предела. Жена не выдержала, ушла. На нее уже не может обратиться агрессия этого опустившегося человека — она обращается на случайное, живое, оказавшееся рядом. Деспотизм, грубость, безнаказанность, попустительство самому себе, пьянство — почва, на какой непременно произрастает самая махровая, самая гадкая бесчеловечность.

Последняя исповедь, которую хочется привести, как бы развернутое свидетельство того же, что в предыдущем письме свернуто в одну строку: бил жену, она сбежала от него.

«Я замужем уже десять лет. Поженились, и через некоторое время все началось. Он стал приходить домой пьяным. Пока у меня детей не было, я хотела уйти от него, но мне сказали, что если дети будут, он не будет, мол, пить. И вот у меня родилась дочка. Но увьи! Муж меня уже не ругает, а бьет. Думала, уйду, но дочка?! Терпела, у меня родилась вторая. Побой увеличилась. Ни один день не обходится без скандала. Дочери все видят и все понимают. Когда напьется отец, они, как напуганные, жмутся ко мне. Что делать? Работая в школе учительницей, очень нервничаю, а это для педагога вредно, но как не нервничать в моем положении? Могла бы уехать куда-нибудь, но ведь тут у меня старые родители. Да, муж у меня директор Дома культуры».

Болью и гневом сжимается сердце при чтении этого письма. Вдумаемся. Уйти из семьи нельзя, уехать невозможно — да ведь женщина со своими двумя девочками, растущими в атмосфере, немислимой для нормальной жизни, загнана в угол!.. Просила ответить личным письмом. Не называя, разумеется, в этой связи имени, передаем историю огласке, потому что она выходит за пределы частного дела двоих. Стыд — вот какое слово первым приходит на ум. Какой же стыд для мужчины, самой природой созданного быть опорой слабым созданиям, — запустить себя до такой степени, что его дочери, «как напуганные», жмутся при его появлении, а жена доведена до отчаяния! Можно размышлять об истоках сложившейся ситуации, возвращаясь мысленно к тому, что было десять лет назад. Однако сейчас, думается, все сожаления опоздали. Трудно советовать женщине: уходи, уезжай. Но в конце концов везде есть хорошие люди, помогут и с работой и с девочками. Нельзя замыкаться в своей беде, думая, что так и век вековать, оскорбленной и униженной. Никто за нас не проживет нашу единственную жизнь. Надо распрямиться — во имя тех же девочек. А с ним, с тем, кого язык не поворачивается назвать отцом и мужем... Пока дело не дошло до трагедии, руководители, кому подчиняется этот распоясавшийся служитель культуры, должны призвать его к порядку.

Мы закончили крайним случаем, когда увещевать уже поздно — надо просто принимать меры, согласно нашим советским законам. Но с чего-то все начиналось! Со школы, со двора, с той же семьи. Есть множество семей, есть множество людей, для которых эти вопросы не встают: они живут среди других так же естественно, как дышат. Отдавая — получают. Не о деньгах разговор, как может подумать тот, кто дочь-восьмиклассница назвала по фамилии С., — о душевной самоотдаче, о душевной заботе, которая выражается по-разному, но и материально тоже.

Нет, не выходит у меня из головы Ольга Константиновна Шепунова. «Я была всем довольная, но смертельная тоска поедала меня, как ржа железо...» «Всем довольная» она была, верно, потому, что была сильна в ней эта великая потребность — отдавать. Она отдала сполна. Войне, людям, бывшим рядом с ней, государству. Как труженица, как родня своей родни, как женщина. Из той же потребности завела в доме петухов и кошек — «имея большую любовь к природе, ко всему животному и растительному миру...».

Чем жить — не только тогда, когда все впереди, а когда ушли близкие, когда не рассветы, а закаты озаряют бытие своим уходящим светом? Любовью. Все равно любовью. Убить, физически убить любовь — жестокость невероятная. Давайте же будем помнить, что, не названная по имени, неклеименная, ненаказанная жестокость грозит распространением.

Ну и что же? Как все-таки жить друг с другом? Как научиться этому?

Есть простой совет: относиться к людям так, как ты хочешь, чтобы они к тебе относились. Сказать легко...

Как женщинам справляться с бездной забот, задач, вопросов; как успешно разрешать противоречия между производственными и семейно-бытовыми делами; как наравне с мужчинами выполнять ранее свойственную только сильному полу работу, не утрачивая при этом женственности и обаяния?

Не пытайтесь разом разрубить весь сложный узел проблем деловой женщины, мы хотели бы предложить ей полезные советы психологов и сведения, которые она могла бы использовать в жизни.

К сожалению, все это так хорошо знакомо... Возвращаясь вечером домой, с головой, переполненной служебными проблемами, вы порой глубоко обижаетесь на своих домочадцев, которые не медленными и бесповоротными желают видеть в вас домохозяйку, забывая о том, что вы такой же работник, как и они. А на работе огорчает то, что начальство и сослуживцы упорно предпочитают видеть в вас сотрудницу, общественницу, напроочь забывая о том, что вы еще и женщина.

Но стоит ли обижаться? Жить — это значит выполнять множество разнообразных дел, как семейных, так и служебных, общественных. И в одном месте вас прежде всего ценят и принимают как работника, в другом — как хозяйку, как добрую, внимательную мать. И ждут от вас соответственного поведения. И не очень-то прощают срыва своих ожиданий. Поэтому первое, чему надо учиться каждой женщине, — уметь ПЕРЕКЛЮЧАТЬСЯ.

...Только что вы открыли дверь в свою квартиру. Радостный визг бегущих вам навстречу детей («Мама пришла!»), а вслед за ним уверенные шаги мужа. Скажите, а вы готовы к встрече с ними? Если да, то почему у вас такое угрюмое выражение лица? Неприятности по работе? Оставьте их за дверью, ведь сейчас вы дома. Сбросьте с себя озабоченность и немедленно улыбнитесь. Не получается? Вспомните о чем-нибудь приятном. Хотя бы о том, какое прекрасное платье вы сшили неделю назад.

Ну вот, первый контакт удался. Теперь переодевайтесь и приступайте к домашним хлопотам. Стоп, а что у вас за халат? Неужели вы думаете, что перед самыми дорогими вам в мире людьми можно позволить себе быть неряшливой? Нет-нет, красивый халат (или домашнее платье), прическа, легкая косметика, уютные домашние туфли (нестопающие!) даже и на кухне. Ведь вас ждали, да и вы тоже весь день ждали встречи с ними.

Так, теперь начались разговоры. Дети наперебой делятся с вами дневными впечатлениями. Чуть поодаль, прислонясь к дверному косяку, стоит муж, тоже явно намеревающийся о чем-то вам рассказать. Что сейчас от вас нужно? Да ничего особенного. Просто выслушать. Вникнуть. Ни

в коем случае не перебивая и уж тем более не переводя разговор на собственные проблемы («а вот у меня сегодня...»). Не беспокойтесь: вы еще успеете об этом поговорить.

Итак, вы вступаете в беседу. Стоп, стоп, стоп! Вы все-таки еще не переключились. Почему вы начинаете разговор с мужем с упреков («Ты опять не вынес мусор!»)? И с детьми начинаете с нотаций («Книги разбросаны...», «Почему руки не вымыты?»). Если даже ваши домашние в чем-то неправы, не вставляйте в позу ментора или судьи. И даже если с чем-то вы не согласны, ни в коем случае не отстраняйтесь от беседы, взгляните на предмет спора глазами другого, постарайтесь понять собеседника.

Теперь — о чем вы хотели поговорить? Нет, мы вовсе не собираемся навязывать темы ваших семейных разговоров. Говорите о чем угодно, но... По возможности о том, что интересно не только вам, но и собеседнику. Стремитесь найти общие точки зрения по обсуждаемому вопросу. Во всех случаях — корректно и вежливо (почему-то мы предпочитаем выполнять принцип «будьте взаимно вежливы» везде, кроме собственной семьи). Уважая достоинство другого. Не заставляя его уступать или подчиняться. Не подрывая его уверенности в себе. Давая домашним почувствовать, насколько каждый из них дорог для вас.

Это все? Да нет, в общем-то только начало. Основа того, что может сделать атмосферу вашего дома действительно счастливой. А исходные принципы, по которым должны строиться ваши семейные взаимоотношения, — это доброта, вежливость, уважение, доброжелательность, доверие, сочувствие, сопереживание, взаимопомощь. А чтобы эти принципы хоть как-то были воплощены в вашей семье, воспользуйтесь следующими несложными правилами. Первое: не ворчите. Второе: не старайтесь одним махом перевоспитать мужа (сына, дочь) — это все равно не удастся. Третье: не критикуйте мужа. Четвертое: искренне восхищайтесь его достоинствами. Пятое: уделяйте ему постоянное внимание. И шестое: будьте всегда вежливы.

Это дома. Ну, а на работе? Об этом в следующий раз...

К. СЕРГЕЕВ

Серафима Андреевна Старовойтова.

Лев СИДОРОВСКИЙ

КРЕЩЕННЫЕ

В самую трудную для города Ленина пору Ольга Берггольц писала, обращаясь к защитникам невольной твердыни:

...Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
И шар земной гордится Ленинградом...

Минуют десятилетия... Но те девятьсот дней и ночей в нашей памяти — навсегда. Мы и сегодня встречаем на ленинградских улицах женщин из этого великого племени «крещенных блокадой». Мы узнаем их по особому выражению лица, по глазам. Глазам людей, много переживших и выстоявших.

БЛОКАДОЙ

Ольга Афанасьевна Фирсова.

«С ОГНЕМ И КРОВЬЮ ПОПОЛАМ...»

Серафима Андреевна вспоминала свою жизнь, и, прислушиваясь к ее рассказу, четырехлетний правнук вдруг сказал:

— Хлеб выбрасывать нельзя, правда?

— Правда, Сашенька. Никогда, ни одного кусочка...

Не понимает еще малыш, почему это прабабушка говорит про хлеб с такой нежностью и горечью...

...Хлеба в доме постоянно не хватало. Отец плотничал от зари до зари, но прокормить детвору был не в силах. Есть хотелось всегда...

Обрела Сима свою семью, да недолгой была радость в доме: муж-большевик уехал в оренбургские степи организовывать там колхозы и погиб от кулацкого обреза. В общем, за хлеб сгинул. И осталась она с малой дочкой на руках...

Вот тогда-то, в тридцатом году, через биржу труда устроилась на «Красный пекарь». Хлеб в стране еще выдавался по карточкам — надо ли пояснять, что знаменитое ленинградское предприятие, выпекающее только белые булки, молодую работницу потрясло...

Первая ее профессия здесь называлась «дощечница»: ставила на плечо доску, где ровными рядами теснились полуфабрикаты из теста, и несла мастерам, ожидавшим подсобицу у печи... Со временем, выучившись на подручную булочницы, стала крутить «плетеную халу», причем столь искусно, что скоро назвали Симу стахановкой. На торжественном вечере в Мариинском театре, посвященном Международному женскому дню, получила она из рук Надежды Константиновны Крупской красную косынку. И уже после на Первомай или в какой другой торжественный день косынку эту надевала непременно...

Двадцать второго июня она работала, поэтому страшную весть о войне узнала здесь же, в цехе. И на митинге, который возник сразу, секретарь цехового партбюро Серафима Старовойтова взяла слово среди первых... Потом, когда провозажи ополченцев, снова выступала, переживая в душе, что ее на фронт не отпустили. Но в райкоме сказали: «Надо делать хлеб. Хлеб в войну — как оружие...»

В тревоге чередовались дни, и скоро про «французские» булочки да «халы» на «Красном пекаре» позабыли. Совсем другой был теперь ассортимент...

В подвале, где раньше хранилась мука, расположился штаб ПВО. Пекари быстро освоили, как обезвреживать зажигалки, как перевязывать раненых. И сколько раз потом, на деле, пришлось им применять эти новые свои навыки... Сорок лет прошло, а Серафиме Андреевне и нынче, бывает, вдруг приснится дежурство на крыше так называемого старого корпуса, под грозным ночным небом, прорезанным лучом прожектора... Или вспомнится вновь, как волокла на себе в медпункт заводского слесаря, молодого парня, пострадавшего под артобстрелом...

О том, как жили и работали зимой, Серафима Андреевна говорит тихо, с большими паузами... Не было электричества. Печь крутили вручную. Водоразборная колонка в подвале тоже отнимала последние силы.

Вспоминает: уж на что подсобижник Голиков до войны был статный да крепкий, а тут покачал воду — и умер. Голод не щадил и тех, кто пек блокадный хлеб. И каково ей было после смены три часа тащить пешком до дома, где в жутко выстуженной комнате поджидала маму маленькая Люда: глаза у дочки теперь, казалось, занимали половину лица...

Вместе с остатками муки замешивали в джеже целлюлозу... Бывало, мешки с мукой оказыва-

лись в ладожской воде. Выловленные и доставленные на хлебозавод, они потом подвергались особой операции: пекари осторожно отдирали от мешков ледяные корки и растаптали их, чтобы собрать крупинки — все до одной. Потому что эти драгоценные крупинки могли спасти еще хотя бы одну человеческую жизнь... Люди из последних сил пекли тот святой блокадный хлеб, те самые «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам...».

Листаю трудовую книжку Серафимы Андреевны:

«6 марта 1943 года. Объявлена благодарность за самоотверженную работу, обеспечивающую помощь победоносному шестивой доблестной Красной Армии».

«26 июля 1943 года. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

«14 июля 1944 года. Объявлена благодарность за успешное восстановление кондитерского цеха в короткий срок...»

Почти полвека проработала Старовойтова на «Красном пекаре», больше полвека состоит в рядах коммунистов. Гляжу на сухонькую радужную хозяйку дома: да неужто ей уже за восемьдесят! А с фотографии строго смотрит другая Серафима Андреевна: этот снимок был на заводской Доске почета тогда, в блокаду.

«...И СВЕТЛА АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА»

Лишних вещей в ее квартире нет, каждый предмет здесь совсем не случаен. Но особенно к месту, пожалуй, вот эти: маленькая копия кораблика, что венчает шпиль над Адмиралтейством, и бюст Чайковского. Потому что так уж получилось у Ольги Афанасьевны Фирсовой: музыка и Адмиралтейская игла в ее жизни переплелись причудливо...

Ольга училась в консерватории, а еще слыла известной альпинисткой. Но началась война — и она подальше убрала дирижерскую палочку, спортивный рюкзак. Пошла в морской порт — грузить ящики с минами... Вдруг — повестка: срочно прибыть в штаб Ленинградского фронта. Там девушка встретилась со старыми знакомыми: Михаил Бобров, Александра Пригожева, Алоизий Земба тоже были альпинистами. Их спросили: «Беретесь замаскировать золотые шпили Ленинграда?» Замешкались на мгновение, а потом твердо: «Беремся».

Начали с Адмиралтейства. Чтобы пощадить позолоту на будущее, решили защитной краской иглу не покрывать, а одеть в чехол. Этот гигантский маскхалат был шит, и теперь его предстояло поднять на самую макушку шпиля. Лишь на пятнадцатый день, после бесконечного числа попыток, летчику с помощью маленького аэростата удалось укрепить на шпилье блок, перекинуть канат. Бобров и Земба зачехлили золотой кораблик, корону, «яблоко», причем поднялись наверх безо всяких лесов и помостов, только с помощью троса. Потом на смену мужчинам пришли Оля и Аля: день за днем так же, на канатах, штурмовали подруги эту, совсем не простую вершину и сидя там, на тонкой дощечке — «душегубке», которая раскачивалась не только от малейшего ветерка, но и от самого крохотного движения, тщательно зашивали и зашпаговывали чехол, обвивая его канатом.

Затем занялись Инженерным замком. Там теперь размещался госпиталь. Каждое утро Оля и Аля поднимались с крыши на шпиль. Шквальный ветер вперемежку с мокрым снегом и внизу-то не очень уютен, а каково девушкам было там, на высоте? Однажды, как обычно, девушки делали свою работу там, наверху. Начало смеркаться, а тут — воздушный налет. Несколько зажигалок угодило в

крышу замка. Подругам стало страшно. Из-за грохота внизу их голоса не слышали, да и никто не предполагал, что девушки — наверху. Помощь пришла, лишь когда кончилась тревога, поздно ночью... Отпавшая Оля кляпчатком, мама всплеснула руками: «Что сегодня видела! Не поверишь — на шпилье Инженерного замка двое висят...» В ответ дочка только грустно улыбнулась: о своей работе верхолазы родным ничего не говорили...

Между тем их ждала самая трудная высота — шпиль Петропавловки. Тут понадобился уже не один блок, а целая система. Осваивали «точку» опять Бобров и Земба: голодные, больные, на ледяном ветру, каждый день они находили в себе силы карабкаться на эти сто двадцать два метра... Но скоро Боброва направили на другое задание, а затем слег Земба: недоедание, старая рана и цинга сделали его неузнаваемым.

И тогда на шпиль Петропавловки поднялись Оля с Алей — тоже больные, тоже голодные, — чтобы доделать то, чего не успели мужчины... Однако Але с каждым днем становилось все хуже. Фирсова осталась одна...

После войны ленинградская газета писала о ней: «Тысяча часов на высоте». Какая там тысяча: с августа сорок первого до октября сорок шестого! А те девятьсот блокадных дней, естественно, без выходных и отпусков. Да, все девятьсот дней продолжалась ее бессменная вахта.

Задумаемся: люди с трудом ходили по земле, порой не в силах были одолеть ступени до второго этажа, а ей без всяких ступеней надо было подниматься на высоту в двадцать — тридцать этажей! Подниматься — когда кружится голова. Когда в животе сосущая пустота. Когда руки в нарывах и даже маленькая царापина долго не заживает. Когда инструмент становится все тяжелее и тяжелее. Когда на сердце незаживающая боль: умерла мама, убит брат... Но она все равно карабкалась — на Инженерный замок, на крышу Никольского собора, на купол церкви Иоанна Предтечи... Особенно часто — на Адмиралтейский шпиль, потому что постоянно требовалось подправлять и чинить чехол. Однажды, когда висела там, на нее устремился «мессершмитт». К счастью, пулеметная очередь прошла мимо.

А в другой раз, когда к Оле приблизился самолет, совсем не испугалась: это был наш «У-2». Из его кабины кинооператор нацелил на девушку объектив кинокамеры. Уникальные кадры вошли в знаменитый блокадный фильм «Ленинград в борьбе».

В сорок пятом люди увидели ее на экране снова. Рассказывают, ленинградцы в кинозале плакали от счастья: девушка под облаками вспарывает ножом грубую мешковину — и золотой фрегатик освобожден от «маскхалата»! И вновь, как восклицал Пушкин, «светла Адмиралтейская игла»!..

Не могу удержаться от вопроса:

— Ольга Афанасьевна, откуда же у вас тогда брались силы? Где вы черпали их все девятьсот дней?

Улыбается:

— Мне помогала музыка... Да, помог мой рояль, который тщательно сберегала от стужи, чтобы «не простыл». Помогла Седьмая симфония Шостаковича, — ведь я была на том знаменитом концерте. Помогли выступления в госпиталях: не разу, даже в самый разгар зимы, не позволила себе выйти к раненым в ватных брюках — только в длинном вечернем платье...

Она еще и выступала с концертами...

Все послевоенные годы Ольга Афанасьевна преподавала музыку в детском саду. Однажды ребяташек вывезли на экскурсию, машина остановилась близ Адмиралтейства, и сидя женщина поведала малышам, как тут все было в войну...

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

● Ольга БИРЮКОВА

Небо России, небо России,
В дни сожалений, в дни неудач
Ты мне как символ сини и силы
Через сомненья, через года.

Небо России — небо как небо.
Да не забудешь, да не уйдешь:
Солнечным утром синяя нега
Тихой лавиной рушится в дождь.

Мечется ветром, катится снегом,
Звездные ливни сыплет из глаз!
Небо России — разное небо,
Мне помогало в жизни не раз.

Небо России, сколько ты знало
Горя и боли этой земли?
В пепле пожарищ ты угасало,
Под сапогами вязло в пыли,

Рвалось на части, падало
навзничь
И выросло до слепоты
Невероятным воспоминаньем,
Криком последним рвущее рты...

Вечную память чтут обелиски,
Мокры от ливней, словно
в слезах,
И проплывает синим и близким
Вечное небо в вечных глазах.

„СЧЕТ ЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВО — ДЛЯ МЕНЯ ВСЕГДА УДАР“

«Большой Бен» — символ «старой, доброй» Англии, уважаемые джентльмены в котелках, бездомная нищая на скамейке... Слово картинка из времен Диккенса. Но снимки эти сделаны в наше время, в конце XX столетия. Современная Англия не стала доброй к своим гражданам. Миллионы среди них, как и эта женщина, по-прежнему не имеют ни крыши над головой, ни теплой постели, ни засуженного куска хлеба.

Женщина наклонилась и подняла с земли гнилое яблоко. Затем еще одно. Потом просто встала на колени и стала судорожно зажимать обрывки каустовых листьев, потекшие сливы и апельсины в разорванный пластиковый пакет с надписью «Наши цены изумляют весь Лондон».

Этого добра, которое называют мусором, здесь было полно: только что закрылся импровизированный рынок, разъехались фургончики с овощами и фруктами, и мостовая была завалена испортившимся, «неходовым» товаром. Вслед за первой женщиной на узкой улочке — откуда только взялись? — крича и переругиваясь, появились в полном смысле слова оборванцы, как мне показалось, ожившие персонажи прошлого. В основном женщины...

Сценка, о которой идет речь, довольно обычная, и никто, естественно, не обращает внимания на происходящее почти что в самом центре английской столицы, в 30 минутах ходьбы от знаменитого Гайд-парка. А мне вспомнился недавний разговор, невольным свидетелем и участником которого довелось стать.

Дело происходило в небольшом уютном «греческом» кафе, куда забегают перекусить и перевести дух лондонские домохозяйки, служащие близлежащих контор и едва стоящие от усталости на ногах туристы. Рядом со мной за нехитрым «ланчем» беседовали две женщины средних лет. Тема показалась сначала тривиальной — все дорожает, и денег не остается даже на игрушки детям, но вскоре их разговор меня заинтересовал.

— Я никогда не занимала ни пенни, — сетовала одна из них в блузе цвета «бургунди» и шортах, — но оказалось, что я в постоянном долгу. Счет за электроэнергию — это всегда удар. Отчаяние, настоящее отчаяние охватывает меня, и я с ужасом думаю, что просто не смогу оплатить его в следующий раз.

— Что вы, Бонни, я знаю многих, которые вынуждены считать электричество недоступной роскошью, — заметила соседка скромного, почти пуританского вида. — Вот послушайте историю одной моей знакомой.

● Подарки ко дню рождения

«Джейн Андерсон не слишком повезло в жизни. Родители умерли рано, и в 25 лет она оказалась предоставленной самой себе с десятимесячным сыном Ником на руках. Ее бывший «друг», итальянец, уже год как отправился искать счастья в Канаду, оставив о себе на память серебряный перстень и старый магнитофон. Сейчас это единственные «предметы роскоши» в квартире Джейн.

От нашего щедрого правительства ей еженедельно перепадает 45 фунтов стерлингов. 10 уходит на пеленки, еще 10 — на пропитание, обычно это рис, картофель, все самое дешевое. Да, Джейн приходится отказывать себе даже в еде. А что говорить об одежде, нет у нее ни пальто, ни теплых вещей.

Так вот о питании. Сами понимаете, что мясо или, скажем, курица для нее не по средствам. Больше того, Джейн приучила себя в буквальном смысле голодать по 2—3 дня в неделю, чтобы хоть как-то обеспечить самым необходимым Ника. Ну, а оставшиеся деньги идут в уплату за аренду квартиры: 23 фунта стерлингов в неделю — больше половины того, что Джейн получает от государства...

...И здесь я позволил себе вмешаться в разговор. «Простите, — не смог я скрыть удивления, — но что это за квартира, которая обходится в 23 фунта в неделю?» (Помню, что маклер по имени Дейв Уэстбрук, подписывая контракт на сдачу мне жилья — не бог весть что, только-только на одного, — все время иезуитски поднимал брови и сетовал, что проделавший. А ведь запросил он ни много ни мало 120 фунтов в неделю!)

«Квартира Джейн — это обыкновенный чердак, — пояснила рассказчица. — Стены потекли от сырости, мебель самая примитивная, все удобства, что называется, на дворе. Нет ни кухни, ни ванной, ни холодильника, ни телевизора, ни стиральной машины.

Я частенько захожу к Джейн — хоть чем-то помочь или просто поболтать и отвлечь ее от грустных мыслей. В прошлую среду я застала ее просто в ужасном положении. Она сидела с 50 пенсами в кармане — это были ее единственные деньги до понедельника. А что на них купишь? Два фунта картофеля или пачку самых дешевых спагетти. Но до рынка нужно еще ехать на подземке, а это как раз и выйдет 50 пенсов в одну сторону.

Как-то Джейн попросила меня посидеть с мальчиком. Сама она собралась пойти по объявлению о найме на работу: требовалась разносчица на кухню. Джейн не было целый день. 11 часов она простояла в очереди. И напрасно: женщину с малышом никто не хочет брать на работу.

Пока ждала Джейн, я попыталась развлечь Ника. Но в доме была единственная игрушка — сломанная детская машина, которую подарила Нику дама из благотворительного общества. «Это пока все, что у него есть, — пояснила Джейн. — Но на день рождения я, конечно, приготовлю ему подарки». Бедная женщина! На что она собирается покупать эти несчастные подарки...

Бонни задумалась. «Да, — произнесла она, — я знаю, что это такое — экономить каждый пенс, после того как меня уволили с работы.

А ведь вы помните, что передо мной открывалась «сравнительно успешная карьера»...

● Люди и проценты

«Моя беда в том,—стала рассказывать Бонни,—что я слишком хорошо считала и всю жизнь видела, как попадают в какие-то «проценты». Вот смотрите: вначале я работала медсестрой и была в числе тех 50 процентов работающих женщин, которые получают минимальную зарплату. При этом, заметьте, мои коллеги-мужчины за ту же самую работу получали на 15 пенсов в час больше. Но я не слишком огорчалась, зная, что бывает и хуже: на заводе, скажем, женщина за равный труд получает на 80 пенсов в час меньше, чем мужчина.

Через два года, после окончания курсов, я с трудом смогла устроиться преподавателем биологии в среднюю школу. Но и здесь, как вы знаете, та же картина: труд учителя-мужчины оплачивается значительно выше, чем женщины,—на 15—20 процентов.

Ну, а потом я встретила Ральфа, и не слишком удивилась, что мне достался один из тех мужчин, что составляют 10 процентов работающих и получающих минимальную зарплату. Как мы выкручивались — ума не приложу! Но вот школьная администрация купила новый компьютер, и место одного преподавателя биологии стало лишним. Естественно, что мой коллега-мужчина оказался более нужным. А я угодила в те самые проклятые 13 процентов безработных.

Автоматически наша семья стала одной из 5 процентов семей, в которых единственный кормилец — мужчина. Да, тот самый, покрытый вековой пылью идеал старой доброй Англии: мужчина приносит деньги, ухоженная милая женщина домовито хлопочет по хозяйству, а довольные и нарядные дети — мальчик и девочка — весело резвятся на лужайке перед домом. Но это все блеф, дорогая. Ничто так не калечит людей, как бедность. Семья наша рушилась на глазах. Я думаю, что Ральф просто решил для себя, что как бы он ни старался, ничего не сможет сделать, чтобы обеспечить нас. Он ушел, а я очутилась в положении почти миллиона матерей-одиночек в стране».

Здесь любят порассуждать о том, как должны вести себя люди, для которых все дни — выходные. Прямо слезы наворачиваются, когда читаешь в газетах душеспасительные истории о «скромной, но полной достоинства и независимости» жизни живущих на пособие. Но на самом деле — и это отчетливо видно — система не только забирает столько же, сколько дает, но требует все больше и больше, унижая людей, доводя их до крайней степени отчаяния, когда видится только один выход из положения. Неудивительно, что каждый год двести тысяч человек пытаются покончить здесь счеты с жизнью.

«Итак: теперь я как одинокая мать с двумя детьми получаю пособие,—продолжала Бонни.—Но даже на эти деньги я не могу с уверенностью рассчитывать. Ведь правила жестки и сложны. На той неделе, как-то вечером, ко мне впервые за два года заглянул Ральф! А у него, оказывается, тоже хорошего мало, ему и захотелось хоть с кем-нибудь поговорить, отвести душу.

Конечно, соседи его увидели, а в понедельник служащий, который обычно выдавал мне конверт с деньгами, сказал, ухмыляясь, что я уже не могу рассчитывать на всю сумму, поскольку «контактирую» с бывшим мужем, и тот, возможно, мне поможет! Сколько я ни просила — он твердил одно: надо все тщательно проверить. Что теперь будет, в какой еще ужасный «процент» я могу угодить?»

● Вместо резюме: «охотники за хлебом»

Вечером того же дня, когда происходил этот памятный мне разговор, телевидение сообщило об ошеломляющих сведениях, полученных международным центром исследования конъюнктуры и общественного мнения — МОРИ. Как подчеркивалось, подобного исследования в Великобритании не проводили вот уже 10 лет. Что же, рассказы моих двух случайных знакомых зазвучали совсем иначе на фоне голы, но мощной статистики МОРИ.

В 60-миллионном Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, как помпезно величает себя эта страна, 7,5 миллиона людей живут за чертой бедности, а еще 11,8 миллиона считают себя «иногда бедными», то есть довольно часто для них наступают времена, когда за неимением средств они вынуждены отказываться себе в самом необходимом. А 5 миллионов просто и без стеснения именуется «охотниками за хлебом». Их мысли и заботы сконцентрированы на одном — как и где раздобыть сегодня пропитание. У 3,25 миллиона нет денег, чтобы заплатить за отопление, а каждая седьмая семья не сможет в 1984 году погасить задолженность за коммунальные услуги.

Это уже не разговор в дешевом кафе, где можно верить или сомневаться в услышанном. Это действительность, которая оборачивается «охотой за хлебом» для миллионов британских семей в капиталистическом «обществе благоденствия».

Лондон.

Андрей ДУБРОВСКИЙ

ЗАЩИТИМ МИР!

Сотни писем от работниц, учителей, многодетных матерей, ветеранов Великой Отечественной войны приходят в Комитет советских женщин. В них — возмущение начавшимся размещением в Европе новых американских ракет средней дальности, горячая поддержка мер, предпринимаемых руководством нашей страны для обеспечения ее безопасности, решимость общими усилиями отстоять мир на Земле.

Наш школьный музей, который существует уже десять лет, рассказывает об ужасах концлагеря Бухенвальд. Все, что мы делаем в музее,—это наш протест против войны. Двадцать три тысячи человек побывали у нас, и каждый из них уходил с одним чувством: «Это не должно повториться!»

Члены совета музея «Бухенвальдский набат» школы № 14

г. Ковров
Владимирской обл.

Мы — советский народ, и в этом наша великая сила. Выдержки и мужества, умения постоять за себя нам не занимать. Мы не боимся, но пусть те, кто замышляет сегодня страшное зло против человечества, хорошенько подумают над роковыми последствиями ядерной войны.

Е. Латышева,
официантка санатория «Восход»
г. Феодосия.

Всей душой поддерживаю и одобряю внешнеполитический курс КПСС и Советского государства, направленный на укрепление мира и безопасности на планете. Учителя нашей школы вносят часть своей зарплаты в Фонд мира. Хорошо поработав на колхозном поле, школьники тоже перевели заработанные деньги в Фонд мира. Если надо, то мы отдадим все — только бы крепла Родина. Так думают все советские люди, так думаю и я.

Н. Ширяева, учительница
г. Жуковский
Московской обл.

Мы в муках родим жизнь и знаем ей цену. Советские женщины не умоляют и не просят, а требуют положить конец ядерному безумству поджигателей новой войны.

С. Павлова
г. Ленинград.

«Одна Земля — спасите ее!» — призывает лозунг участников Марша мира в Вашингтоне. Манифестанты гневно осудили милитаризм нынешней администрации, толкающей планету к ядерной катастрофе.

Фото Л. Пахомовой.
ТАСС

НАВЕРНОЕ, НЕ НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА В НАШЕЙ СТРАНЕ, КОТОРЫЙ НЕ СЛЫШАЛ БЫ ЭТОЙ ПЕСНИ. НО ВОТ НАСТУПАЕТ ВЕСНА ИЛИ ОСЕНЬ, И В ЗНАКОМОЙ ПЕСНЕ ЗВУЧАТ ДЛЯ КОГО-ТО ОСОБЫЕ НОТЫ. НОТЫ РАЗЛУКИ, БЕСПОКОЙСТВА, ОЖИДАНИЯ, НАДЕЖДЫ.

Будут наши свидания сладки,
Будет весел родительский дом.
Вы солдаты, мы ваши солдатки,
Вы служите, мы вас подождем.

Мы попросили поэта **КОНСТАНТИНА ВАНШЕНКИНА** рассказать о том, как появились, как родились слова песни.

Это давняя традиция русских поэтов — писать песни от лица женщины... Вспомните, с каким истинным знанием девичьей психологии написана в прошлом веке «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Автор слов — актер Н. Цыганов. «Помню, я еще молодушкой была» (так и слышится голос знаменитой Максаковой) — эту песню тоже больше века назад написал Е. Гребенка. Ну, а девичья, безжалостная в своем счастье и молодости «Не тревожь ты себя, не тревожь» написана М. Исаковским.

Откуда берет начало эта традиция? Видимо, есть здесь преклонение перед женщиной, а может, чувство вины перед ней, может, попытка разгадать тайну ее души.

Я вспомнил об этом не к тому, чтоб поставить себя в некий ряд. Мне хочется поделиться ощущением удивления, которое всякий раз возникало у меня потом, когда я слушал написанные мною же женские, девичьи песни: неужели это я написал? Почему? Как решился на постижение неизведанного?

Двадцать лет назад мы с композитором Эдуардом Колмановским побывали в Южной группе войск, в Венгрии. С особым волнением отправлялся я в эту поездку: в конце Отечественной, в 1945 году, в рядах 9-й Ударной армии я воевал в тех местах.

Мы выступали перед офицерами, солдатами. Садилась в первом ряду офицеры с женами и детьми, потому что малышей не с кем было оставить.

В нашей концертной бригаде был и женский вокальный дуэт — Галина Кузнецова и Карина Лисицян. Однажды молодые певицы подошли ко мне и в два голоса попросили: «Константин Яковлевич, как бы хотелось спеть песню, обращенную прямо к солдату от имени его любимой». Напишите нам, пожалуйста, девичью песню». Я обещал попробовать.

В тот день путь наш был далекий, а дорога всегда настроивает на самоуглубление. Вечером несколько четверостиший я показал Колмановскому.

Не забудем, как с вами прощались
На перроне, под теплым дождем.
Будем ждать, если мы обещались,
Вы служите, мы вас подождем.

Композитор, что называется, загорелся. Ни о чем другом он уже и думать не мог. Но завершилась работа над музыкой к песне уже в Москве. Кузнецовой и Лисицян так и не удалось, к сожалению, тогда спеть эту песню-клятву, песню-исповедь. И все-таки я считаю их соавторами, ведь именно благодаря им, по-женски чутко понявшим необходимость такой песни, она и возникла.

Уходят в армию парни. Со школьной скамьи, из аудитории техникума или училища, из заводского цеха — из привычной, спокойной, домашней, веселой, в чем-то, может, и безалаберной и не очень ответственной жизни...

И начинаются нелегкие солдатские будни. Современная армия — это надежная, сверхмощная техника. Это

учения и марш-броски. Это настоящая школа мужества, школа верности долгу. Но армейские будни — это и тоска по дому, переписка с друзьями, с девушкой, которая ожидает солдата.

Может быть, многим будет не просто интересно — полезно заглянуть в письма Кати и Кости. Разумеется, мы обещали (и делаем это) сохранить

1. АВГУСТ 1982 г.

Здравствуй, Костя!

Ты, наверное, удивишься, получив письмо от меня. Но я встретила на днях Ларису, спросила, пишет ли она тебе, а она что-то замялась... Ну, это ваши дела. Я попросила у Ларисы твой адрес. Нельзя же, чтобы человеку никто не писал!

В нашем дворе все скучают без тебя. Помнишь, как Сашка Пастушков тебе завидовал, когда мы просили тебя на гитаре играть? А теперь мы его просим, но он сам признается: нет, до Кости мне пока далеко...

Скоро первое сентября. И знаешь, что я надумала? Не иди в девятый, а пойти в твоё ПТУ. Представляешь, вернешься ты из армии, а я уже готовый специалист-строитель. Ты будешь дома строить, а я — их отделявать. Учитель рисования мне еще в детстве говорил, что у меня есть чувство цвета.

Мама моя отнеслась к идее ПТУ средне. А вот тетка сказала: «Что-то ты рано расписалась в заурядности, заранее боишься конкурса в институт». Ну, время покажет.

В общем, пиши, как ты считаешь. Только не думай ничего такого, что, мол; я тебе вот пишу и все прочее...

Катя.

2. АВГУСТ 1982 г.

Привет, Катюха!

Молодчина, что написала. Недостойно, конечно, для настоящего мужчины женскую жалость принимать, ну да что делать. Только хочу, чтобы все сразу ясно было между нами. А ты уж хочешь пиши, хочешь не пиши — твоё дело. И в кино можешь с кем угодно ходить и даже на танцы. Ларисе передай, чтобы не мучилась угрызениями совести. Может, все и к лучшему...

Мать да батя не очень-то меня письмами балуют, а Володька еще маленький.

Самое памятное за эти месяцы — как принимали мы присягу. Когда построили нас и стали выходить из нашего строя ребята один за другим и произносить торжественные слова, я почувствовал, что возвращаются в строй они уже другими. А ведь это 2—3 минуты! Пришла моя очередь, я шагнул вперед...

Катя, ты помнишь моего деда? Помнишь, как в праздники он надевал орден и медали? Хотя я забываю про твой возраст: дед умер, когда ты класс во второй ходила... Он рассказывал мне всякие забавные истории, но ничего не говорил о войне. Наверное, скромничал или считал, что я маленький еще. Так вот, произнося слова присяги, я подумал: я теперь в том возрасте, в каком мой дед воевал! И пускай мы, сегодняшние, не такие, какими были ребята того поколения (мне кажется, что мы слишком много шутим, смеемся, когда в мире столько горя), но у меня нет сомнения: мы так же, как они тогда, сможем защитить Отечество.

До свидания, малышка!

МЫ ВАС ПОДОЖДЕМ...

Фото В. МАРИНЬО.

тайну переписки: мы не называем фамилии и город, где находится училище. Последнее из выбранных писем датировано апрелем прошлого года. Как складываются сейчас отношения между Костей и Катей? Скажем вам по секрету: они складываются очень хорошо. Этим летом Костя придет из армии... Впрочем, это уже другая история, она впереди.

3. НОЯБРЬ 1982 г.

Здравствуй, Костя!

Ты просишь написать про училище. Скучаешь?

Ну, попробую рассказать про первые впечатления. По-моему, здесь становишься значительно как-то. Ну, а что школа? Домашние задания и вздохи учителей: «Вы для себя учитесь, не для нас». А здесь отношение к знаниям совсем другое. Все, что узнала на материаловедении или спецтехнологии, — тут же применяй на практике! И с людьми отношения строить по-другому надо. Там высидели вместе уроки и разбежались. А здесь и работать — вместе.

В училище, кстати, тебя помнят. Завуч по воспитательной работе Надежда Петровна обсуждала с нами подготовку к новогоднему вечеру — и вдруг называет твою фамилию: жаль, дескать, что в вашем наборе пока еще не обнаружили такие таланты... Я несколько дней ходила счастливая...

Мы хотим второй этаж перекрасить в светло-фиолетовый — это хоть и холодный цвет, но отдаляющий, а значит, холл будет казаться больше. А то сейчас он желтый, помнишь — это теплый цвет, но приближающий — тесновато кажется.

Фотографию, которую ты прислал, я показала ребятам во дворе. Не выдержала! Так что секрет нашей переписки невольно раскрылся. Ты уж прости. Ребята считают, что форма тебе к лицу. А Ирка глаза вылупила: с чего это Костя такой мелюзге фотографии шлет?

Ну, пока, пиши!

4. ЯНВАРЬ 1983 г.

Здравствуй, Катюша!

Получила поздравительную открытку? Прости, что поздравил так коротенько и формально, — накупил сразу пачку и спешил отправить всем родным и друзьям, чтоб не обиделись. И знаешь, Катюша, я как-то в первый раз почувствовал, что с полным правом могу желать людям добра, потому что могу, реально могу это добро им обеспечить. Все-таки мы вас всех охраняем. И тебя в том числе.

Ты представляешь, перед самым Новым годом я залетел на 1 (один) наряд вне очереди, что само по себе хотя и неприятно, но не смертельно. Так вот, я надеялся, что наш старшина Ларионов оставит этот наряд мне в «задолженность». Но под Новый год традиция выплачивать все долги, и поэтому Новый год я встречал незабываемо: в наряде на кухне.

А вообще-то на старшину мы не жалуемся. Хоть и строжится, но я эту строгую педагогику по бате изучил: просто боится человек показать, что добрый, как бы на голову ему не сели. И вообще, Катюша, я только на расстоянии начинаю потихоньку понимать, как родителям со мной иногда трудно было. И как они нас любят и переживают из-за нас...

Ну, что тебя еще интересует? Отношения с ребятами нормальные. Особенно дружим мы с Димкой Ванюхиным, он сам издалека, с Камчатки, и удивительные вещи рассказывает о своих местах. Приглашает в гости. А что? Вот отслужу, подзаработаю да и махну в отпуск гейзеры смотреть. Да еще папоротник в человеческий рост. Игорь Панкратов тоже парень что надо. Только труднее ему здесь в армии, чем остальным: с родителями не особенно повезло, разболтался. Понятно, старшина нарядов для него не жалеет.

До свидания. Пиши почаще. Неужели трудно выкроить полчаса? Знаешь, как обидно, когда приходит почта, а тебе ничего нет!

Костя.

5. АПРЕЛЬ 1983 г.

С весной тебя, наш защитник!

Скоро будет год, как ты далеко от дома. Год — это очень долго, правда? И еще целый год останется. Наверное, самое глупое занятие — считать дни. Они будто бы выпадают из жизни. И я стараюсь не считать, а, наоборот, вместить в каждый больше всего — интересного и нужного, веселого и грустного. У нас все больше практики: штукатурим, красим, шпаклюем, клеим обои. Кстати, теперь в тонкостях малярного дела я не хуже тебя разбираюсь. К примеру, обои не наклею кромкой от окна — иначе может появиться тень от наложения. Вот какая у нас ювелирная работа! Даже тоненькая полоска бумаги, наклеенная невпопад, может дать тень — и это будет некрасиво. Хорошо бы и в поступках своих не допускать ни зазоринки, ни тени...

Скоро у нас будет целый месяц практики — ура! А девчонки со второго курса едут на практику в Болгарию. И из Болгарии к нам ребята приедут. Представляешь, у них там маляры в основном мальчишки.

Ты мне в прошлом письме написал, что какой-то твой друг увидел мою фотографию и просил дать мой адрес. Ну и что тут странного? Может быть, человеку просто не с кем переписываться. С удовольствием расскажу ему про все, что его интересует. Может быть, я смогу как-то ему помочь?

Передавай приветы Диме и Петруше. Служите как следует. Мы вами гордимся.

До свидания. Пиши.

6. АПРЕЛЬ 1983 г.

Катюша!

Только что получил твое письмо и тут же засел за ответ (бери пример: тоже откликайся немедленно!).

Адрес я твой никому не дам. Можешь считать меня жадным и каким угодно. Я прекрасно понимаю, что ты просто добрая душа, сестра милосердия. И все-таки...

У нас тут был довольно тяжелый учебный марш-бросок. На привале все вспоминали дом, про девушек говорили, это уж как водится. И я рассказал... про тебя. По-моему, когда я вернулся из армии, мне будет очень не хватать твоих писем. Ведь у тебя там своя жизнь, и какой-нибудь хороший парень в тебя влюблен и дарит тебе цветы. А ты просто меня щадить и не сообщай мне про это, да?

Ты меня, видно, хотела подбодрить, когда написала, что вы в долгу перед нами, теми, кто сегодня служит в армии. Но если бы не было вас — тебя, мамы, бати, братишки, нашей улицы, вообще нашей страны, людей, которые ждут нас, верят нам, надеются на нас, — что бы тогда охраняли мы? В нашей жизни теперь нет ничего, кроме этого — вас охранять. Потом, когда мы вернемся на «гражданку», у каждого появится и работа и много-много всего. Но то, что мы прочувствовали здесь, останется в нас навсегда.

Костя.

Надо же! Улица, которую по приезду в Керчь пошла я разыскивать под нудным декабрьским дождем-снегом, оказалась одним из нижних ярусов знаменитой горы Митридат.

Центр города. Сердце города. Символ города. Немыслима Керчь без своей священной высоты, свидетеля труда и торговли, сражений и завоеваний — всего, что произошло за длинных двадцать пять веков.

Видел Митридат и жаркие бои последней войны. Сколько наших полегло на его склонах! Недаром же еще до окончания войны возвели сами солдаты суровый обелиск Славы. День и ночь за много километров и с суши и с моря виден Вечный огонь...

Вершинными стали те дни и в судьбе Елены Ивановны Надтоки. Жизнь за ее плечами немалая: девятый десяток разменен. И вся жизнь прошла здесь, под палящим крымским солнцем, под сырыми морскими ветрами.

НЕ ТОТ СЛУЧАЙ

Была она телефонисткой. Работу очень любила. Вот говорят про человека: **нашел себя**, так здесь был тот самый случай. Нервная, изматывающая, ответственная работа на коммутаторе подойдет не всякому, а ей подошла, потому что созвучной оказалась ее расторопности и общительности, ее умению владеть собой. Ученицы городского узла связи даже походку у нее перенимали, даже прическу копировали. Первая стахановка! Кому же и ехать в Симферополь на курсы повышения квалификации? Кого же и назначать старшей по междугородной связи?

И вдруг война... Мирные разговоры абонентов о видах на урожай, об уловах рыбы, о водоснабжении начали вытесняться приказами и донесениями о перестройке работы на военной лад, о снабжении армии и флота, об эвакуации заводов, учреждений, мирного населения. «Срочно!» «Нужна позарез связь!» «Девушка, миленькая, поймите!» И всех нужно понять и всех постараться обслужить. Не уходила домой сутками, запрашивала, напоминала, требовала, стыдила, уговаривала, отчитывала, отыскивала, держала в памяти сотни номеров и паролей. Окна были затянуты черными светомаскировочными занавесками, так что и не разобрешь, вечер уже или день...

Фашисты рвались к Керчи.

— Ленка, тревога! — Подруги, убегая в убежище, пытались оторвать ее от коммутатора, но она решила для себя: уж где суждено, там и погибнешь. Работала, втянув от страха голову.

— Ленка, ты счастливая, — говорили ей телефонистки; кое-кто стал оставаться и под бомбежкой, жалась к ней. — Туда, где ты, бомбы не могут попасть.

И сколько же раз отзывалось потом в сердце саднящей болью: «Счастливая ты, Ленка!» Это про нее-то? Про десятилетнюю пигалицу, в

кровь стиравшую руки в корыте, ворочавшую неподъемные чугуны? После смерти матери на ее плечи легли все домашние заботы об отце и старших братьях. Мужики приходили со своего металлургического чумазые и голодные, наготовь им, залатай одежду. Сестра Настя взрослая, но у нее в своем доме работа: она замужем.

Счастливая — это про нее, вышедшую замуж в дом шумный, склочный? Свекровь была ну вылитой Кабанихой. Хотя Советская власть успела уже многое переименовать в жизни, власть была свекрови не указ. Невестка записалась в вечернюю школу — ультиматум сыну: позор перед соседями — неизвестно, чем там вечерами занимаются! Курсы Осавиахи́ма — скандал. Зачем? Почему? Знай свой шесток! Мужняя баба должна дом вести, за мужем да дитем приглядывать... Муж отмалчивался, не хотел перечить матери. Даже когда отделились, когда Елена пошла работать, а сына отвела в детский сад, то и дело являлась свекровь со строгими инспекторскими проверками и об их результатах оповещала всю улицу.

Счастливая... Не кощунственно ли про нее, скоронившую девятилетнего сына? Любкой малыш для своей матери необыкновенный, но этот действительно рос самостоятельным, неунывающим, развитым не по годам. Откуда

прилипла к мальчонке инфекция? Так и тут хватило у свекрови бессердечия для упреков: недоглядела! Я предупреждала! С собой занята! Муж снова смолчал, и у Елены лопнуло терпение. Лучше уж одной, чем рядом с таким...

Но для чего, спросите вы, рассказывать о далеком? А иначе не понять сегодняшнего. Вот упомянула я про старшую сестру Елены, Настю. Сама она не будет действующим лицом нашей истории (Анастасия Ивановна умерла двадцать лет назад). Но внучка ее Тамара — одно из действующих лиц. Тома с детских лет дружила с Еленой Ивановной (можно же так сказать про отношения родственников: дружат). Любила ее чистый дом. Делилась тайнами. Когда после школы надумала ехать на Север, Елена Ивановна не отпустила ее одну, проводила до Москвы и усадила в самолет.

Рядом с Тамарой Елена Ивановна чувствовала себя молодой, уверенной, легкой. Зеленый росток жизни. Как это радостно пожилому человеку — ощущать рядом молодое и растущее, одаривать опытом и заботой.

У лица одноэтажная. Застройка старая — каждая труба дымит самостоятельно, «удобства» во дворе, вода в колонке. В узеньком дворе нахожу нужный тамбур и звоню. Замок от торопливости хозяйке не поддается. Открыла, поздоровалась и смотрит сконфуженно: «Впервые в жизни стала жалобщицей. Но, понимаете, уже полтора года волокита тянется. Для меня сейчас это самый главный жизненный вопрос...» Короткая стрижка. Очень прямая, не по возрасту, спина. Но язык слушается плоховато, и руки подрагивают.

В квартирке и среди дня полутемно. Значит,

из-за этих вот хором и разгорелась упорная баталия старой женщины с жэкком, паспортным столом, горисполкомом? Две смежные комнаты, первая — кухня, в ней плита. В данный момент плита лодырничает, не хочет разгораться.

— С утра с ней сражаюсь, — оправдывается хозяйка за промозглый холод, — Если бы антрацит! Туман, тяги совсем нет.

Чем помочь?

— Может, из соседей кого кликнуть?

— Беспokoить людей? — возражает Елена Ивановна строго. — Еще будет случай... И так Вера Васильевна, соседка, то молоко занесет, то творог.

Садимся беседовать. Хозяйка достает семейный архив (кстати, документы и письма сложены в старых номерах «Работницы», я узнаю их как давних знакомых). Но какая же сырость! Сейчас бы жарко протопить! Решительно выгружаем содержимое плиты, подсовываем бумагу, дрова, они занимаются веселым огнем, но уголь в свою компанию принимать не хотят.

— Что ж такой уголь купили?

— И такому была рада. Три дня очередь на складе занимала.

— А почему в собес не обратиться? Пенсионерам помогают в разных бытовых нуждах. Может, добились бы и угля другого качества.

Она повторяет тихо:

— Пока не тот случай...

В субботу-воскресенье заглянет кто-нибудь из родных, наносят воды во все запасные емкости, стирают большое, помойт пол. Вон как в доме чисто, правда? Внучка Тамара приезжала. Помните, та самая, которую проводили на Север? Настоящая героиня: окончила там педагогический институт и семнадцать лет проработала в интернате для детей оленеводов. Так интересно про Чукотку рассказывает! Для Елены Ивановны каждый ее визит — праздник. Но беда, что далеко Тамара живет, на Маяке, в один конец добираться часа два. А ведь учительница занята шесть дней в неделю, да и свой сынок внимания требует.

— По солнышку-то я и в библиотеку схожу, и в магазин, и за водой — ну, не с ведром, так с бидончиком.

— Тимуровцы, — говорю, — над ветеранами шефствуют.

— Шефствуют, — эхом отзывается она. — Ко мне тоже приходил один из горкома комсомола. Или из райкома? Не записала, жаль, фамилии. Вежливый такой. Нужна ли, дескать, помощь? А на улице еще тепло было, я и говорю: пока на ногах... Больше не приходили.

— Надеюсь, что строки эти прочтут со стыдом и в Керченском горкоме и в Кировском райкоме ВЛКСМ. Большая просьба: сообщите в редакцию фамилию вежливого товарища, который таким образом «охватил вниманием» почетного ветерана городского узла связи Надтоку Е.И. Вероятно, отметил это галочкой в соответствующей графе: намечено — выполнено.

Что же касается самого узла связи, где Надтока была стахановкой до войны, где и после войны работала, в общей сложности 22 года, она с гордостью показала мне знаки уважения и внимания коллег. Поздравительные открытки. Просьба написать воспоминания (это когда Керчь стала городом-героем). Вызов в фотографию с заранее оплаченной квитанцией: снимок нужен для летописи. Приглашение на заседание совета ветеранов... Трогательно все это, а для одинокого человека особенно значима связь с трудовым коллективом. Однако... Посмотрела я внимательно даты — давно не вспоминали Надтоку...

Иду на узел. Он совсем рядом, минут десять ходьбы от дома Елены Ивановны (значит, и до ее дома тоже). Увы, ни начальнику узла, руководителю здесь недавнему, ни секретарю партбюро, ни комсомольскому вожаку ничего не сказала эта фамилия — Надтока. Кто это? В каком году, говорите, ушла? Ну, видите, вздыхают с облегчением, четверть века! Будто само собою разумеется, что за давностью лет пенсионер теряет право на внимание. Уж и ученицы Надтоки на пенсии, не осталось тех, кто помнит ударную ее работу. Но я-то знаю, что ее прекрасно помнит председатель совета ветеранов Солодченко. Нельзя ли ее повидать?

Конечно, можно. Входит в кабинет, крепкая, румяная. Энергично жмет мне руку. Опять называю фамилию: Надтока. И знаете, что она спросила? Меня, постороннюю, приехавшую за тысячи километров.

— А разве она еще жива?

Стало не по себе, да и все заговорили наперебой, чтобы замаять неловкость. Но как же ее замнешь, если простодушная Наталья Никифорова одним этим вопросом высекла разом и себя как представителя совета ветеранов, и руководство узла, и его комсомольцев! Кажется, устыдились. Стали бурно обсуждать, как потактичнее, ненавязчиво наладить шефство. Ведь комсомольцам самим же интересно узнать от очевидца и участника, какой была связь полвека назад. И пионеры могут втянуться с душой... Убеждена: когда пишу эти строки, Надтоку уже проведали. А может, заодно вспомнили и про других забытых ветеранов узла? Но... Если бы сами! Другой была бы цена чуткости.

Однако до сути письма мы еще не дошли. Елена Ивановна и не думала писать в редакцию про вежливое горкомовца, про забывчивость коллектива или про очередь на угольном складе. Это она воспринимала с терпением и кротостью, полагая, видно, что ничего особенного в подобных фактах и нет. Просто все это попутно мною узналось и сложилось в некую цепочку.

А писала Надтока про Тамару. Так долго оставалась внучка на Чукотке, потому что муж ее был влюблен в Север. Когда наезжали в отпуск в Керчь, маленький Игорек хвалился Елене Ивановне: «Знаете, какая у нас тундра! А олени какие!» И вдруг горькая весть: в результате несчастного случая на охоте Тамара овдовела...

«Возвращайся в родную Керчь! — писала ей Елена Ивановна. — И мне опорой станешь, одной мне хозяйство уже не под силу, да и веселее мне с вами будет, тебе за Игорком помогу присмотреть».

И вот Тамара Демьяновна прилетает с сынишкой в Керчь. Ответственный квартиросъемщик с написанным дрожащей рукой заявлением идет в жэк, оттуда в паспортный стол. Отказ! Объясняют: мала жилплощадь. «Тридцать два с половиной метра — мало для троих?» — недоумевает она. Да, при прописке на каждого должно приходиться 13,65 квадратного метра, такова в Керчи норма. Хитрой этой арифметики старая женщина понять не в состоянии. Если у внучки нет ничего (квартира на Чукотке сдана, точно так же сдана, кстати, и квартира родной Тамариной бабушки — мы уже говорили, она двадцать лет назад умерла), что ж мечтать о хоромах? Надтоке советуют обратиться в жилищную комиссию горисполкома. Волнуясь и путаясь, она начинает издалека, но ее тут же прерывают: 13,65 метра на человека получится? Нет. Значит, не о чем и говорить. Но бывают же особые условия, ведь ей девятый

десяток пошел. Пожалуйста, предлагают, оформляйте Кондратьеву опекуном, без права на жилплощадь. Она разволновалась: как же так без права? Присутствующую на комиссии Тамару укоряли без обиняков — квартирой, мол, рассчитываете завладеть без очереди, не о бабушке печетесь, а о жилплощади! Ну, а если и о том и о другом? Елена Ивановна никогда не была ханжой и полагала: заботиться о жилье для себя и своего ребенка — вещь совершенно естественная. Чего здесь стыдиться? Что скрывать? Надтоку мягко просят не задерживать комиссию, у той слишком много дел.

Елена Ивановна проявляет упорство. Решает обратиться в область, а надо будет, и повыше.

Хотя опыта подобного рода ходатайств у нее нет, она чувствует себя вправе позаботиться и о своей спокойной старости и о близких людях, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. Они ж ничего и ни у кого не хотят отнимать!

На запрос из области отвечает горисполком, ей пересылают копию. Там уже другая причина отказа. Я видела этот официальный бланк за подписью председателя горисполкома и понимаю тогдашнюю растерянность Елены Ивановны. «Удовлетворить просьбу о прописке нет оснований: в родственных отношениях Надтока Е. И. и Кондратьева Т. Д. не состоят». Конечно, их родство не такое прямое, как у матери и дочери. Но не чужие же они друг другу!

Она не спала ночь, а утречком отправилась в юридическую консультацию — выяснять, как доказывают родство. Документов потребовалась масса: надо было подтвердить родство Елены Ивановны с ее сестрой Анастасией Ивановной, а затем родство Тамары с той же Анастасией Ивановной. Старая женщина совсем пала духом: есть ли все эти документы в загсе да архивах? Но юрист Чернявская (вот ее фамилия четко запомнилась, потому, что приняла она близко к сердцу чужую заботу) подбодрила: люди через десятилетия после войны по всему миру разыскивают родственников, а вы всю жизнь прожили на одном месте.

Многие документы нашлись. А время шло, Тамаре надо было устраиваться на работу, и Елена Ивановна мечтала — побыстрее бы подтвердить родство. В загсе опечалили: метрики сестры нет, это же документ прошлого века, немудрено. В областном архиве тоже соответствующей записи не нашли. Но ведь в других документах — к примеру, в свидетельстве о браке — указана ее девичья фамилия, та же фамилия и в документах Елены Ивановны. Сказали: решить дело может только суд.

Однако дело по установлению родственных отношений гражданки Надтоки Е. И. и Кондратьевой Т. Д. в народном суде Кировского района до сих пор не слушалось. Почему? Да потому, что исковое заявление, по словам Елены Ивановны, у нее не приняли.

В суде обстоятельства этого факта прояснить не удалось. «Такого быть не могло!» — сказали мне, а следов, вы сами понимаете, не осталось: ведь если не приняли иск, так и не зарегистрировали его... Не называю имен, потому что расследование подобного должностного проступка — в компетенции не журналиста, а вышестоящей над районным судом инстанции.

Спрашиваю Елену Ивановну:

— А вы еще раз не пытались обращаться в суд?

— Что вы! Я тогда дня три приходила в себя... Да не столько за себя переживала, сколько за Тамару: втянула ее в такую тяжбу! Ее стыдили, как тунянку какую-нибудь или халуку. Понаедут, дескать, со всех концов страны. Да она тут родилась и выросла. Другой

по распределению отработает на Севере два года, так потом королем ходит.

Выходит, в разных инстанциях Елене Ивановне прямо объясняли: ваша квартира скоро может освободиться. Да разве известно, какой кому из нас век отмерен? Хотя чем-нибудь облегчить быт старой, одинокой женщины, так тут не нашлось доброхотов, а как только затеплилась у нее надежда на реальную поддержку реальной родственницы, все поднялись монолитной стеной. Нельзя! Нарушение!

Что же думают обо всей этой истории длиною в полтора года в горисполкоме? Иду к первому заместителю председателя Виктору Васильевичу Тамаровскому. Он председатель жилищной комиссии, рассматривавшей просьбу Надтоки. Из бюро жалоб приносит дело в аккуратной папочке, зампред читает.

— Площадь не позволяла, — говорит он.

— Но ведь сейчас Тамара Демьяновна живет с сынишкой в гораздо худших условиях, у них всего по шесть метров на человека.

— Так она все-таки прописалась? Значит, может бывать у бабушки каждый день.

— Я к ней ездила. На автовокзале час ждала автобуса; потом почти час дороги.

— Далеко, — соглашается Тамаровский. — Но правило есть правило.

— Но разве правильно, что старая больная женщина одна-одинешенька? Каждый случай индивидуален, нельзя же подгонять под одни мерки.

— Вспомнил, мы предлагали Надтоке дом престарелых. У нас неплохой дом, со всей области едут.

Замечательно, что неплохой. Очень гуманно, что наше государство оставляет одинокому человеку такую возможность. Но, согласитесь, это сугубо личное дело человека — решиться поменять привычный, многолетний уклад жизни. Один, волевой и рациональный, прикинет все «за» и «против» и подает в собес заявление. А другому ну никак не расстаться со стенами, где столько прожито и пережито. Даже если и есть уверенность, что там будет светлее, теплее и во всех отношениях комфортнее, все откладывает со дня на день, все не оставляет надежда: пока еще не тот случай.

Насколько я поняла, Елена Ивановна как раз из таких. И она всей своей жизнью завоевала право рассчитывать на внимание к ней общества. Столько мы сейчас говорим и пишем об уважении к людям, внесшим свой весомый вклад в развитие страны. Генеральный секретарь ЦК партии считает нужным специально собрать ветеранов и обратиться к ним со словами благодарности и восхищения, и речь Юрия Владимировича Андропова воспринимается всюду как нравственный камертон в отношении к старшему поколению. На многих предприятиях подлинное уважение к ветеранам, забота о них стали нормой.

И как же больно и стыдно столкнуться с равнодушием.

Уезжаю. Вечер. Провожаящий спрашивает: «А вы видели огни Керчи с высоты?» «Нет». «Ну что вы!» — и просит шофера подняться к обелиску. На счету минуты, но все-таки выходим из машины. Ветер такой пронзительный, что шапку приходится удерживать двумя руками. Мерцающие огни до горизонта влево, огни вправо, свинцовые огни бухты.

Спускаясь по серпантинной дороге вниз, проезжаю мимо дома Елены Ивановны. Хорошо хоть сегодня ветер. Может, в плите появилась тяга и разгорелся уголь.

Татьяна РЯБИКИНА

г. Керчь,
Крымская обл.

Искусство старых мастеров

● ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ

Почти тридцать лет назад наша тихая, как принято считать, музейная жизнь была взорвана: в залы Музея изобразительных искусств имени Пушкина, где разместились картины Дрезденской галереи, хлынули десятки тысяч людей. (Кстати, в нынешнем году, в преддверии сорокалетия Победы, спасенные советскими воинами шедевры Дрездена снова украсят стены нашего музея.) С той поры мы довольно часто принимаем у себя уникальные коллекции из самых разных стран.

В прошедшем году, например, большим успехом у любителей живописи и гостей Москвы и Ленинграда пользовалась выставка шедевров мировой живописи из частного собрания швейцарского барона Ганса Генриха Тиссен-Борнемиса. Одновременно в Лугано, в имении барона, демонстрировались работы французских импрессионистов из собраний московского музея имени Пушкина и ленинградского Эрмитажа.

Наш интерес к выставке был не случаен. В ее экспозиции произведений лишь тех европейских мастеров XIII—XVIII веков, работ которых очень немного или нет в музеях СССР.

Ганс Тиссен-Борнемис, основатель коллекции, которого интересовали главным образом работы старых мастеров, приобрел многие произведения живописи в двадцатые годы, когда в связи с экономическим кризисом в Европе распродавались частные собрания.

Страсть к собирательству унаследовал и сын барона Ганс Генрих Тиссен-Борнемис, приумноживший коллекцию за счет произведений мастеров XIX—XX веков и превративший ее в одно из богатейших частных собраний мира.

Картины, привлекавшие внимание советских любителей живописи, отличались разнообразием художественных стилей, жанров, сюжетов, тем. Любой из посетителей имел возможность найти здесь работы, отвечающие его привязанностям и вкусу.

...Мы не знаем имени немолодого бургундца, которого около 1455 года писал великий нидерландский художник Рогир ван дер Вейден. Глухой темно-зеленый фон и столь же темная одежда, выдержанная в коричневой гамме, подчеркивают величавое благородство человека, погруженного в невеселое раздумье. Глубина, точность и сдержанность живописной манеры нидерландского мастера отчетливо проявились в этом небольшом портрете, выполненном на дереве.

Душевная открытость и пленительное обаяние непосредственности отличают портрет молодого человека, написанный учеником Рогира ван дер Вейдена Гансом Мемлингом. Портрет является частью триптиха, в центре которого находилось изображение богородицы с младенцем, а справа — портрет жены молодого человека, написанного Мемлингом. К сожалению, обе эти части, до сих пор не найденные, по-видимому, исчезли навсегда. Во время реставрации портрета молодого человека на оборотной стороне полотна был обнаружен натюрморт, еще совсем недавно покрытый толстым слоем черной краски. Таким образом мы узнали, что Мемлинг был одним из первых создателей европейского натюрморта. Небольшая ваза с цветами, стоящая в нише на столике, покрытом узорным ковром, написана им с удивительной тонкостью, изяществом и лиризмом.

Не только натюрморт, но и сам жанр портрета в XV веке, после почти тысячелетнего забвения, был возрожден заново. Особенной популярностью портрет пользовался в Италии. Неудивительно, что жемчужина швейцарской коллекции — работа одного из знаменитых мастеров эпохи Возрождения, венецианца Витторе Карпаччо. Впрочем, образ молодого воина, воссозданный им, — скорее картина, нежели портрет.

Фигура юноши, написанная на фоне идиллического пейзажа — замок, горы, озеро, парящие в голубом небе

птицы, — как бы символизирует расцвет человеческой личности. Любопытно, что и на этой работе имя автора — Карпаччо, дата — 1510 год и гордая фраза: «Лучше смерть, чем унижение» — девиз ордена Горностая, к которому принадлежит молодой воин, были обнаружены лишь после реставрации. Имя изображенного на портрете юноши — Франческо Мария делла Ровере. Известно, что он сначала был предводителем наемных войск, а затем главнокомандующим всеми военными силами Венецианской республики.

Женские портреты того времени написаны с трогательной теплотой. Их отличает тот же пристальный интерес к своеобразию человеческой личности, который характерен для живописцев эпохи Возрождения.

Предчувствие грядущей драмы не оставляет зрителя у портрета испанской принцессы, выполненного Хуаном де Фландесом — фламандцем, работавшим в Испании. Девочкой-подростком позировала художнику Катарина Арагонская, младшая дочь испанского короля Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, завершивших объединение Испании. Для упрочения союза с Англией Катарина с детства была обручена, а позже и обвенчана с английским принцем Артуром. Именно потому в ее руках бутон розы — символ обручения и геральдическая эмблема династии Тюдоров. Вторым мужем Катарина стал Генрих VIII. Он заточил ее в монастырь, разлучил с единственной оставшейся в живых дочерью, впоследствии королевой Марией Тюдор, за необыкновенную жестокость прозванной «Кровавой». О судьбе Катарина Арагонской писали Шекспир, Шиллер, Гюго...

Любопытен и другой женский портрет, принадлежащий кисти выдающегося немецкого художника XVI века Альбрехта Альтдорфера, с работами которого знакомы у нас немногие. Портретный жанр не типичен для творчества Альтдорфера, увлекавшегося пейзажем и созданием

Фото Н. МАТОРИНА.

сюжетных и архитектурных композиций. Тем удивительнее мастерство, которым отмечена работа (скорее всего это портрет жены художника), — динамичные, широкие мазки зеленого фона, словно переливающиеся тона одежды.

Звучными, сверкающими красками воспеваает женскую красоту Пальма Веккио. Неизвестная венецианка привлекает внимание зрителей своей властной, чувственной красотой. Портрет написан почти одновременно с предыдущим, но как отличается почерк итальянца от сдержанной манеры северянина Альтдорфера! И обнаженные плечи, и тяжелые, густые волосы цвета темного золота, нежность и теплота кожи — все очаровывает в этой прекрасной молодой женщине, послужившей также моделью для известной картины Тициана «Любовь небесная и земная».

В основу работы испанского живописца XVII столетия Франсиско Сурбарана легла легенда о дочери одного мавританского правителя Толедо — Касильде. По легенде, хлеб, который девушка носила заключенным вопреки воле отца, однажды при встрече с грозным родителем превратился в розы. «Святая Касильда» — один из непревзойденных шедевров Сурбарана.

Переходя от картины к картине, мы словно совершаем увлекательное путешествие по векам, странам. Кокетливое легкомыслие Буше соседствует здесь с вдумчивой созерцательностью Шардена, страстная озабоченность Эль Греко — с проникновенным психологизмом Тициана. Разные лица, разные жизненные ситуации, непохожие нравы... За два месяца более 200 тысяч человек посетили выставку в Москве. И, уверена, для каждого это была незабываемая встреча с подлинным искусством.

ВИТТОРЕ КАРПАЧЧО. Молодой рыцарь на фоне пейзажа.
АЛЬБРЕХТ АЛЬТДОРФЕР. Портрет молодой женщины.

ПАЛЬМА ВЕККИО. Красавица.

«ВЫ ПОДАРИЛИ НАМ СЧАСТЬЕ»

Сегодня я смотрю на своего Вальтера, твердо стоящего на земле обеими ногами, и замираю от счастья. И этим счастьем я обязана доктору из Кургана Гавриилу Абрамовичу Илизарову, всему медицинскому персоналу советского института. Они сделали для моего мальчика больше, чем смог бы сделать бог. Они сделали его здоровым, исправили врожденный дефект стоп обеих ног.

Пятнадцать лет Вальтер мог ходить только в ортопедической обуви. Лишен был возможности бегать, прыгать, танцевать, играть в теннис. Пять раз ему делали сложные операции в Италии, все безрезультатно. Наша семья из небогатых: муж — шофер, я работаю парикмахером, двое детей. Но ради того, чтобы вылечить сына, мы цеплялись за самую маленькую надежду. Визиты к медицинским светилам стоили больших денег, но операции не оправдывали надежд. Только в Кургане смогли совершить чудо.

Много чудесного посмотрелась я за время, что прожила в Кургане. Удлиняют и исправляют людям руки и ноги, калек делают здоровыми. И главное — все это бесплатно. Бесплатно ухаживали, словно за родным, и за моим ребенком, ставили его на ноги. Не могу не назвать лечащего врача К.Новикова, медсестер З.Байтурову, Л.Евдокимову, Л.Золину, инструктора лечебной физкультуры В.Латышеву. Так же бескорыстно помогали мне все советские люди, с кем пришлось общаться в вашей стране. Душевное тепло советских людей, особенно женщин, отзывчивость, желание помочь были самой лучшей опорой для нас, не знающих русского языка. Мы не чувствовали себя одиночками.

Уезжали мы с сыном из Кургана холодным осенним днем, но сердечное тепло друзей, обретенных у вас в стране, согревало нас. Всем им шлет спасибо моя семья.

Хочу добавить, что в Кургане Вальтер заявил о своем твердом желании стать врачом. Думаю, что не только перенесенные им страдания и увиденные людские недуги способствовали этому. Его прежде всего вдохновил пример самоотверженного служения человеческому здоровью советских врачей, и в первую очередь доктора Г. А. Илизарова.

Марчелла ВЕРДИ

На снимке: Марчелла и Вальтер Верди.

Фото А. КУНГУРОВА.

КОММЕНТАРИИ

НЕЛИШНИ

ВОРОТНИЧОК ПРО ЗАПАС

«На страницах «Работницы» печатались советы экономной хозяйке, как переделать ту или иную вещь, как продлить срок ее службы. А я предлагаю наладить выпуск мужских рубашек вместе с дополнительными воротничками. Обычно воротники изнашиваются значительно раньше, чем вся рубашка. И как было бы хорошо — отпорешь старый, а новый, запасной пришьешь. К сожалению, такие рубашки с запасными воротниками почему-то исчезли с прилавков магазинов.

В. СМЕРНОВА.

г. Горький.

С этим письмом я отправилась в Министерство легкой промышленности СССР, к главному технологу Управления развития швейной промышленности Л. Я. Рожковой.

— Предприятия швейной промышленности, — сказала Лидия Яковлевна, — выпускают различные модели мужских сорочек, в том числе с запасными и пристегивающимися воротничками. Количество их ежегодно согласовывается с заявками торгующих организаций, которые, в свою очередь, учитывают на местах спрос населения на этот вид изделий. Спрос этот, надо сказать, невелик. И по мнению специалистов, такие сорочки следует выпускать в небольших количествах.

Но тем не менее мы тоже получаем письма, авторы которых, как и ваша читательница, просят увеличить и разнообразить выпуск сорочек с запасными или пристегивающимися воротничками. Поэтому Министерство легкой промышленности СССР и Министерство торговли СССР поручили минлегпромам и минторгам союзных республик уточнить потребность населения в этом виде продукции, определить те швейные предприятия, которые будут изготавливать такие сорочки. В 1983 году их выпущено около 470 тысяч штук.

Ну, а что говорят работники торговли? Продавцы и товароведы тех магазинов, куда, пусть в небольших количествах, поступают сорочки с запасными или пристегивающимися воротничками, подтверждают, что широким спросом они не пользуются. И неумудрено: сами сорочки немодны. «Модели, которые сейчас шьют на наших фабриках, годятся разве только для пожилых», — говорит товаровед ЦУМа Людмила Николаевна Богданова.

Между тем рубашки с воротничками про запас могли бы привлечь внимание людей всех возрастов. Не так давно, рассказали мне в московском магазине готового мужского платья №54, к ним поступили импортные сорочки с пристегивающимися воротничками. Их раскупили в момент. И в основном молодежь. В чем секрет? «Так ведь расцветка красивая, модель интересная — с карманами, погончиками, модная высокая стойка... Рубашку можно носить и с воротником и без него», — объяснили мне продавцы.

Очевидно, специалистам Министерства легкой промышленности СССР и его предприятиям нужно подумать о разработке таких моделей мужских сорочек, которые охотно купят люди разных возрастов и разных вкусов.

Л. БРОХОВЕЦКАЯ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ЗАКОНА

«Я работаю в научно-исследовательском институте. До прошлого года брала отпуск частями: в зимнее время на 7—8 дней, остальное летом. Девятилетний сын часто болел, и такой отдых вместе со мной ему необходим. В зимние каникулы мы ходили на лыжах, он получал хороший заряд здоровья. Летний же отпуск посвящали лечению (у сына хроническое заболевание печени). А вот сейчас мне объявили, что делить отпуск запрещается.

С. КОВАЛЬ.

г. Владимир.

Согласиться с таким категоричным ответом нельзя. Действующее трудовое законодательство (ст. 34 Основ законодательства о труде и комментарии к ст. 74 КЗоТ РСФСР) разрешает делить очередной отпуск на части по просьбе работника и с согласия администрации предприятия. Но каждая часть при этом должна быть не менее 7 рабочих дней для взрослых и не менее 15 — для несовершеннолетних (молочке 18 лет).

«15 марта у меня заканчивается декретный отпуск, в котором я была после рождения двойни. Я слышала, что по истечении его должна получать ежемесячное пособие на двоих детей в сумме 70 рублей. Так ли это?»

Н. СПИРИДОНОВА.

г. Кутаиси.

Ежемесячное пособие в размере 35 рублей (для районов Дальнего Востока, Сибири и северных районов страны — 50) является частичной оплатой отпуска, который предоставляется работающей женщине после окончания декретного отпуска до исполнения ребенку одного года. Это пособие выплачивается в одинаковом для всех размере, независимо от количества родившихся детей.

Ваш частично оплачиваемый отпуск начнется с 16 марта, и пособие за этот месяц вы получите соответственно в половинном размере. За все последующие месяцы пособие вам будет выплачиваться в сумме 35 рублей.

Н. МЕЛИХОВА, юрист

ПО СЛЕДАМ НАШИХ

ВЫСТУПЛЕНИЙ

«ВОПРОС НЕ РЕШЕН НА МЕСТЕ. ПОЧЕМУ?»

В № 8 «Работницы» за прошлый год была опубликована история в письмах о том, как жители поселка Курчатovo Курской области долгое время не могли добиться устранения недоделок в их новых домах. Начальник управления жилищно-коммунального хозяйства Курской атомной электростанции Л. Б. Чарный много раз обещал им отремонтировать протекающие крыши, но... текло по-прежнему.

Как сообщил редакции директор Курской АЭС В. К. Горелихин, все дома, в которых протекала крыша, отремонтированы. За волокиту с ремонтом кровли Л. Б. Чарному объявлен выговор.

В

МОДЕ

-КЛАССИКА

Фото Д. ВЛАСЕНКОВА

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МОСКОВСКОГО ДОМА МОДЫ, ЧЬИ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НА ЭТОЙ СТРАНИЧКЕ, ГОВОРИТ:

- ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ — ГЛАВНАЯ И, БЫТЬ МОЖЕТ, РЕШАЮЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СЕГОДНЯШНЕЙ МОДЫ.
- НО НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ?
- РАЗУМЕЕТСЯ, НИКОГДА ТАК ВЫСОКО НЕ ЦЕНИЛАСЬ ЭЛЕГАНТНОСТЬ. В ЭЛЕГАНТНЫЙ СТИЛЬ СОВРЕМЕННОСТЬ ВНОСИТ ЭЛЕМЕНТЫ РОМАНТИКИ, НАРОДНОГО КОСТЮМА, СКОРРЕКТИРОВАННОГО СОВРЕМЕННЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ОДЕЖДЕ.
- ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ВАШЕ ПРИСТРАСТИЕ КО ВСЕВОЗМОЖНЫМ ГОЛОВНЫМ УБОРАМ?
- ДЛЯ РУССКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА ГОЛОВНОЙ УБОР ОБЯЗАТЕЛЕН — В СТАРИНУ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА НИГДЕ НЕ ПОЯВЛЯЛАСЬ ПРОСТОВОЛОСОЙ. МНЕ ХОЧЕТСЯ ВЕРНУТЬ ЭТУ ТРАДИЦИЮ, ПРАВДА, УЖЕ В НЕСКОЛЬКО ОСОВРЕМЕНЕННОМ ВАРИАНТЕ. ПЛАТОК, СТАНОВЯЩИЙСЯ КАПЮШОНОМ, ШЛЯПЫ-ЛУКОВКИ, ШЛЯПЫ С ПОЛЯМИ, БЕРЕТЫ МЫ РЕКОМЕНДУЕМ К РАЗНЫМ ТИПАМ ОДЕЖДЫ. ШЛЯПА ЗАВЕРШАЕТ КОСТЮМ, ДЕЛАЕТ ЕГО ЗАКОНЧЕННЫМ.
- ИЗМЕНИЛАСЬ ЛИ ГАММА МОДНЫХ ЦВЕТОВ?
- У НАС, В ДОМЕ МОДЫ, ЭТИ ЦВЕТА ПОСТОЯННЫ: КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЧЕРНЫЙ, СЕРЫЙ И БЕЖ...
- КУДА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДВИЖЕТСЯ МОДА?
- В СТОРОНУ ВСЕ БОЛЬШЕЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОДЕЖДЫ. И НАС, ХУДОЖНИКОВ, ЭТО ОЧЕНЬ ПРИВЛЕКАЕТ И РАДУЕТ.

Л. ВИТАЛЬЕВА

К

ажется, ясный вопрос. И, наверное, каждый легко даст на него ответ. Но вот послушаешь десятка, сотни ответов — нет, не так все просто. Я читаю письма, приходящие в редакцию от кинозрителей, и думаю: как удивились бы, наверное, их авторы, встретиться они друг с другом в открытом споре. Удивились бы тому, какие разные у разных людей запросы, потребности, критерии.

Одни, хотя остросюжетный боевик, другие расположены подумать неторопливо над перипетиями людских судеб. Третьи любят музыку, фильмы с пением и танцами... Одни развлекаются тем, что отключаются от проблем и сложных вопросов. Других бездумность угнетает и утомляет... Более того, один и тот же человек в разное время и в разных обстоятельствах хочет разных кино впечатлений. Подобно тому, как самый большой любитель Бетховена танцевать все-таки предпочтет под «легкомысленный» современный ритм.

Разные возрасты, разные характеры, разное воспитание, разная глубина натур... Кто нашел «свой» фильм — доволен. Кто попал на «чужой» — чувствует досаду. И, естественно, требует, чтобы были приняты меры к прекращению выпуска плохих, халтурных фильмов.

В этом своем пафосе автор, несомненно, прав. Вопрос только в том, что называть халтурой, плохим фильмом. А что — хорошим.

«Королева бензоколонки» и «Баллада о солдате»: сняты приблизительно в одни годы. «Королева» сразу стала рекордсменкой по кассовым сборам. В пору было подумать: вот он, фильм, которого все ждали.

«Баллада» шла скромно, без ажиотажа. Но она с нами и сегодня, и за многие годы ее посмотрели сотни миллионов людей на всех континентах. А кто вспомнит сегодня «Королеву»? Время делает свой выбор. Остается только прочное, вечное, настоящее.

Да, на экранах нам нужно разное. И чем больше этого разного, тем больше шансов каждому найти фильм по своему вкусу. Держать в уме эту истину, по моему, совершенно необходимо в любом серьезном споре о кино.

Столкнувшись в кинозале с непривычным, с не сразу понятным, не лучше ли сначала спросить себя: а может, это мы пока не готовы к такой степени сложности? Может, стоит потрудиться, чтобы понять? Кино сложное, а точнее, ставящее перед собой и перед нами сложные жизненные и эстетические задачи, помогает нам расти. Учиться, уметь. Этот процесс никогда не должен прекращаться в человеке, даже взрослом и сформировавшемся. Едва решишь, что все уже знаешь и понимаешь. — тут-то твоему развитию и конец.

Но бывают в кино и такие произведения, что к умственной лености нас как бы даже подталкивают.

В буржуазном кино такие фильмы не в диковинку. Понимая, как сладок запретный плод, они подогревают, например, в молодежи интерес к всевозможной «клубничке» — появляются фильмы, омерзительные для любого нравственно чистоплотного человека. Не тем даже они плохи, что срывают всяческие покровы,

а тем, что поселяют в людях убежденность: нет в жизни ничего святого, духовного, высокого. Нет ничего сокровенного, дорогого, хрупкого, оберегаемого. Все грубо, просто, физиологично. С тем и идут их молодые зрители в жизнь.

У нас таких картин, конечно, нет и быть не может. Но невзыскательность в выборе средств для достижения кассового успеха — это случается и у нас.

Те, кто видел картину «34-й скорый», помнят, как красиво горит там поезд, какое живописное получается зрелище. Камера словно любуется неистовством разбушевавшейся стихии, ужасом на лицах, и, кроме этой завораживающей зрелищности, фильм не предлагает нам ничего. Несчастье становится просто способом нас развлечь.

Что ж, разве не должно быть на экранах страданий, разве нельзя показать боль и катастрофу, разве герой фильма должен быть хлупиком, неспособным достойно ответить врагу?

И страдания, и боль, и жесткая борьба — все, чем полна и чем трудна жизнь, должно быть на экранах честно показано и осмыслено. Вопрос в том — как. Что пробуждает в нас такой фильм — чувства или инстинкты. Развивает наш интеллект или его на время сеанса попросту отключает.

Вот на экране подростки. Смотрят прямо на камеру, отвечают на вопросы, что звучат из-за кадра. Снято документально. Это не актеры, это те самые «пацаны», о которых пойдет речь в фильме. Настоящие.

— Человека ударить можешь?

— Могу.

— За что?

— Даже просто так могу...

Потом авторы фильма поведут нас в спортивно-трудовой лагерь, где живут летом эти «трудновос-

питуемые». Мы проведем полтора часа вместе с ними, слушая их жаргон, их песни, наблюдая их быт, развлечения, конфликты. Многое узнаем о судьбе некоторых из них. О том, например, что у хилого Киреева отец пьет беспробудно, и поэтому «единственное место, где Киреев чувствует себя человеком, — это подворотня». Мы увидим их родителей, не способных не только за детей своих отвечать, но и за себя. Одного из подростков жестоко избьют деревенские сверстники — авторы покажут эту драку подробно, не отворачивая стыдливо камеру. И так же подробно покажут бунт подростков, то, как в слепой ярости громят они свой лагерь, высыпают из мешков съестные припасы. И то, как издеваются над юной парой, приехавшей отдохнуть на природе...

Слышу суровый вопрос: чему могут научить молодого зрителя такие «герои»? И почему критика, единодушно ополчившаяся в свое время на жестокость кровавых драк в «Пиратах XX века», словно бы не замечает еще большей жестокости фильма «Пацаны»?

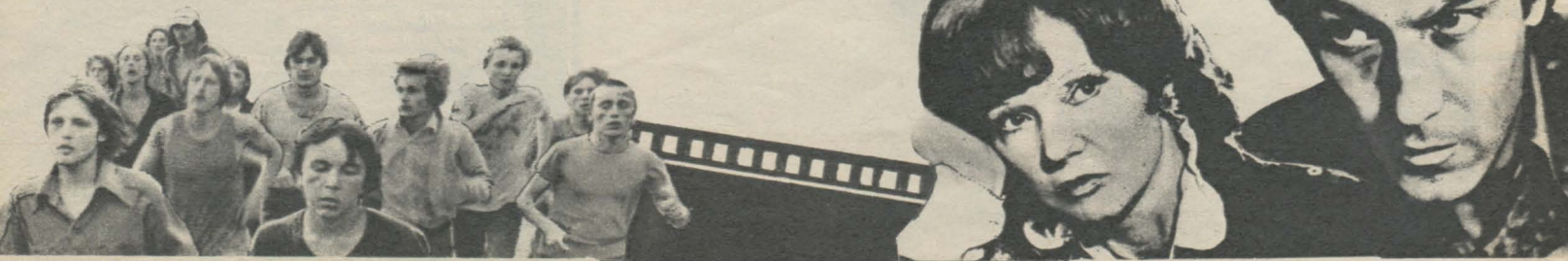
Но сравните, как сняты драки в обеих картинах. И с каким чувством мы их наблюдаем.

Те, кто видел фильм «Пираты», наверное, помнят, как красиво, с каким азартом его герой, советский моряк в исполнении эффектного Николая Еременко, выламывает руки врагам-пиратам, как трещат позвонки бандитов в его могучих руках. Тут сила, драка, мордобой — сами по себе — становятся объектом любования, а нерассуждающий удар кулаком провозглашается как бы лучшим аргументом в идейной схватке. Подростки на таком фильме возбужденно подсакивают в креслах.

На драку же в «Пацанах» они смотрят подавленно, в полной тишине, сжав кулаки. Несправедливость, жестокость происходя-

Валерий КИЧИН

ЗАЧЕМ МЫ ХОДИМ В КИНО?

щего они ощущают почти физически. Красоты и удали в этом нет никакой — удар из-за угла подл всегда. Но эта драка — суровая реальность, и мы сознаем это с горечью. За дракой — наша общая боль, проблема вот таких подростков.

Как решить эту проблему? Один из путей — их понять. Для того и сделан фильм. Он правдив и не закрывает глаза на неприглядное, он не причисляет «пацанов», не делает их благопристойнее, чем они есть. Мы должны понять их, а для этого нужна правда. Сценарист картины Юрий Клепиков и ее режиссер Динара Асанова делают фильм так, что трудно различить, где кончается подлинный документ и начинается актерская игра. Они включают такие документы в ткань фильма — как, например, интервью журналиста Коновалова, взятое для телевидения.

Всю эту реальность — снятую документально или честно воспроизведенную — авторы выстраивают на экране так, чтобы наша мысль постоянно и напряженно работала. Они пробиваются к душам подростков и заставляют нас увидеть, что души эти живы. Что есть в них свои идеалы и своя высота. И как рвутся эти души к высоте, к чистому чувству — вот тут и понадобились фильму песни, щемящие, странно волнующие, где «блатные» интонации причудливо переплетены с истинной поэзией...

Мы вдруг почувствуем, что этих жестоких, подчас тупых, подчас неуправляемых, а подчас смелых и по-своему благородных подростков мы начинаем любить. Так же, как любит их директор лагеря Антонов, этот сегодняшний Макаренко, яростно спаса-

ющий души для жизни. И подростки и мы, зрители, должны ему беспредельно поверить — поэтому нет в Антонове ничего «актерского», декоративного, никаких привычных для киногероя черт. Его играет драматург Валерий Приемыхов, играет поразительно.

Мы ощущаем в его герое настоящую боль за судьбы своих подопечных. Он живет их жизнью, и мы читаем в его жестких, уставших, горестных, счастливых глазах: это человек одной идеи, одной, но пламенной страсти — за ребят своих он жизнь, если надо, положит. И ребята это чувствуют. Его авторитет у них, как все в этом мире, начинается с любви. С любви начинается любая педагогика, если она хочет быть эффективной.

Антонов — тот самый убежденный, активно действующий герой, которого мы так давно ждем.

Чему может научить такой герой? Умению бороться за человека бескорыстно и самоотреченно — только во имя человека.

Чему могут научить сами «пацаны»? Драться? Но как-то не приходит в голову после такого фильма последовать их примеру и идти, скажем, вчетвером бить одного. А вот открытие их души действительно поучительно. Есть ведь она, эта душа, даже в самом отпете подростке. И пока мы не научимся ее уважать, не станем уважать нас и он.

...Вышел я после фильма и встал в очередь за газетой. За

мною — группа подростков. Подошел дядя в дубленке, раздвинул ораву, тынет продавцу свой пятак. «Эй, дядя, — говорят ему пацаны, — в очередь надо бы встать». И как же он, этот дядя, поразился! Словно бы бродячий пес, которого он отшвырнул, вдруг заявил бы членораздельно о своем достоинстве. Как тут он, этот дядя, возмутился: мол, вы еще выступать будете, да у меня сын такой же сопляк...

Ну скажите, могут ли пацаны этого дядю уважать, если он собственного сына уважать не умеет?

И об этом тоже заставляет думать фильм «Пацаны». Нужный, волнующий, настоящий.

Герой недавнего фильма «Полеты во сне и наяву» кажется странным: фиглярничает, строит из себя этакое плейбой, любимца публики. Но то, что обаятельно в двадцать лет, неприятно в сорок. Словно человек болезненно застрял в беззаботной юности. И дергается теперь, как паучок, по инерции. И еще потому, что иначе просто не умеет. Не сложились у него в жизни более серьезные и достойные цели.

Фильм показывает нам портрет вот такого человека. Тоже честно и узнаваемо. Его опустошенность, его спрятанную за всей этой клоунадой тревогу за жизнь, которая никак не обретет ни опор, ни ориентиров. Его крик и отчаяние — помните, как пряма и жесток финал картины, когда герой несетя в привычном ему фиглярском беге, дико выкрикивая и подпрыгивая, как это делают подростки от избытка сил, — но только это все декорация, и душевных сил уж нет, и веселье это вымученное, отчаянное, вызывающее. И как он потом, забившись в стог сена, от этой опустошенности тихо, молчаливо воет.

Драма человека. Фильм драматурга Виктора Мережко и режиссера Романа Балаяна предлагает нам подумать о ее причинах, он возвращает нас к мысли о нравственном самоконтроле, который так нужен каждому, — иначе неизбежны такая пустота, такой крик. Показывает черты социального зла, которое мы именуем поздним инфантилизмом, внутренней безответственностью, сконцентрировав эти черты в предельной, критической дозе. Нам поэтому есть о чем подумать.

Многие выходят из зала подавленные: перед нами прошло тягостное зрелище человеческой опустошенности. Но это чувство не все толкуют как сигнал: давайте подумаем! Некоторые просто недовольны: пришли отдохнуть, а нас заставляют наблюдать ужимки и прыжки перерезавшего шалопа. Некоторые свой зрительский долг только в том видят, чтобы поставить герою, как в классе, оценку по поведению. Ставят, конечно, двойку, и заслуженно. Но думать о причинах двойки считают лишним, а сурово спрашивают: это за какие же доблести такого героя показывают многомиллионному зрителю?

Нам показали героя нравственно большого, потому что инфантилизм такой — серьезное социальное зло. И нужно знать, в чем его корни и в какой тулик он ведет. И как избежать его ростков в себе. Вот этому и учит фильм — не герой, разумеется, а его горький опыт.

...Так зачем мы пришли в кино? Просто убить время? Или для того, чтобы стать духовно богаче?

Коллаж В. СКРЫЛЕВА.

Василий БОЧАРНИКОВ

В ГОСТЯХ У БЕРЕНДЕЯ

Снега... Снега...

Кругом снега, белые, как лебединое перо, и слегка подсиненные. Снегами затоплены поля и луга, белые холстины накинута на речку Покшу; снега и выше нас — на крышах изб, на ветвях деревьев.

Снегами освещается день. Светят они и в тусклой морозной ночи. Русская зима — снеговая беспредельность. Порой по-детски думается: был бы он сахаром, то-то была бы благодать людям! Ну, не сахаром — мукой, гребни в мешки, разводи печь пожарче под пироги-караваи...

Но нет! Такие чудеса только в сказках. Хотя... хотя снег близок к хлебу: глубже снег — будет хлеб. Осими укрывает, бережет. Не дает промерзнуть корням деревьев. Зверя укроет, птицу приютит.

Встал на лыжи — и в лес. Не тороплюсь. Проеду полсотни метров, упрусь грудью на палки и гляжу-приглядываюсь дружелюбно к деревьям. Вот сосна, рослая, стремительная, меднокожая; по стволу солнечные растеки и трепетные тени от соседки-березки. А наискось от сосны, только на другой стороне просеки, ель. Ель — модница, в белой снеговой шали, заместо кистей — еловые шишки.

Деревья стоят тихо, как бы дремлют... Ох ты-ы! А это что за белый шелом? В самый раз на голову Илье Муромцу. Подруливаю. Муравейник. А где же хозяева? Слегка коснулся белого шелома лыжной палкой, не выскочили хозяева. Где они? Глубоко-глубоко внизу. Спят...

Еду дальше, до поляны. Пересек свежие заячьи следы с «горохом». Интересно знать: будут зайцы назад возвращаться, наткнутся на мою лыжню, как на этот раз поступят? Позавчера, когда я проехал речной долиной, куда беляки ходят лакомиться ивняками, потоптались, потоптались у моей лыжни и запросто перемахнули через нее. А лиса в поле воспользовалась лыжней,

как торной дорожкой. Запаха железа нет, без ружья езжу... С елки всполошно взлетел рябчик и резво подался вдоль просеки, крыльями высекая снежные искры. И рябчики, и глухари, и куропатки, и тетерева любят снег. В сильные морозы где-нибудь на поляне или лесной опушке зарываются в сугроб, стихают, ночуют. Случалось, едешь на лыжах, ничего не подозревая, и вдруг: «фффыр... фффыр... фффыр...» Яро, шумно одна за одной взлетают птицы, обдавая твое лицо снежной пылью. Как взбодришься тогда, обрадуешься, ведь такая встреча выпадает не каждый день.

Следы упали с дерева. Рваные. Одолели просеку в три метины и пропали. Куда же делись? «Ушли» на дерево. Белкина работа.

Просека меж тем нырнула вниз, где поляна молодняка с осинником и березняком, тут мою нетронутую дорогу наискось проломил лось. Поглядим. Свернул на его свежий след... Ага, вот тут кормился, обглодал осинку и еще одну вон там. А в затишке, где березняк стенкой, полежал. Прямо на снегу.

Еще издали по зеленой коре я заметил осину. А глянул вверх — и замер на месте: на самой крупной осиночной ветке (она протянута к просеке) неожиданно открылась захватывающая картина. За белкой гналась куница. Вот-вот сцапает. Куница вся в азарте погони: гибкое хищное тело распластано по ветке, хвост вытянут, голова ужата — нацелена на белку; белка добежала до края ветки, сгорбилась, готовая к прыжку... Чем же разрешится этот драматический момент?..

Но ни куница не двинется вперед, ни белка не прыгнет. Они из снега. Обе фигурки бело-голубые. А может, попросить мне деда Берендея: «Будь друг, оживи их!» Вот только где он сегодня, хозяин леса? Пойду поищу.

д. Нелидово, Костромская область.

Фото Г. КОСТЕНКО.

Главный редактор
З. П. КРЫЛОВА

Редакционная коллегия:
В. М. БАШАРИНА (отв. секретарь),
А. П. БИРЮКОВА,
И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА,
Л. А. ЛЕСОВАЯ,
М. И. РОЖНЕВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам.
главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА,
Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Главный художник
В. М. СКРЫЛЕВ.

Художественный редактор
В. И. ИВАНОВ.

Технический редактор
Г. Н. СИДОРОВА.

Телефоны отделов:	
рабочей жизни	250-11-72;
публицистики и международной жизни	250-44-80;
коммунистического воспитания	212-22-23;
литературы и искусства	250-12-30;
быта	250-11-93;
массовой работы писем	212-23-73;
«Подружка»	250-57-38;
художественного оформления	212-22-03;
зав. редакцией	212-14-13;
	212-20-39

Сдано в набор 22.12.83.
Подписано к печ. 16.01.84. А 00307.
Формат 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,50. Уч.-изд. л. 9,35.
Усл. кр.-отт. 14,0. Тираж 14 700 000 экз.
(1-й завод: 1—10 400 000 экз.).
Изд. № 379. Заказ № 2049.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

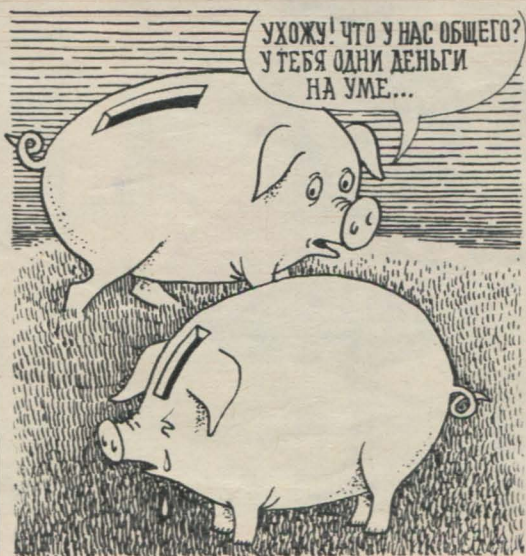
Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, А-137,
Бумажный пр., 14.

ВАЛЕНТИН РОЗАНЦЕВ

Сегодня в гостях у «Работницы» художник Валентин Розанцев. О себе он рассказал: «Учился в МАИ, женился, сын родился, снова учился уже в Строгановке, дочь родилась, работал экономистом, опять родилась дочь. Стал работать художником. Появилась возможность завести собаку, потом попугая. Все бы было хорошо, но... с попугаем нужно разговаривать, с собакой гулять, детей воспитывать, с женой обсуждать международное положение. Где уж тут взять время на создание «эпохальных» произведений? Так вот и пришлось стать карикатуристом: раз, раз — и готово! Я и подписи под рисунками никогда не ставлю — время экономлю».

Остается добавить, что из-за острой нехватки времени наш гость успел стать лауреатом всего лишь 25 международных конкурсов карикатуристов.

М. Саблина

КАЖДОЕ ПЛАТЬЕ — ПРАЗДНИК

В моделях Марии Саблиной, представленных здесь, мы видим полет воображения и щедрую декоративность, однако это не выставочные, далекие от жизни вещи. Конечно, они для праздника, не на каждый день, они современные, модны и, как говорят художники, «носимы».

Фольклорный стиль, в котором решены модели, прочитывается сразу. Красный, черный, белый — цвета русского народного костюма. Традиционные формы сарафана, душегреи проявляются в современном, с расширенными плечами силуэте.

Приемы отделки вышивкой, оборками, лентами, пышные нижние юбки — тоже из кладовой народного костюма. Заметно влияние косоворотки, свободной рубахи с опущенной линией плеч и в мужских моделях. Но нет в них прямых заимствований, так сказать, музейности.

Это одежда нашего времени. Ее можно носить, не опасаясь выглядеть театрально.

М. Саблина — молодой художник. Работает в экспериментальном цехе Московского Дома моды. Вещи, выполненные по ее эскизам, можно увидеть в коллекциях Дома моды, можно заказать и приобрести. В том числе и некоторые из тех, что представлены здесь.

Саблина работает не только в фольклорном стиле. Обычно ее модели просты, как говорят художники, чисты и точны. Сдержанны по цвету и отделке, хотя и отличаются острым чувством моды... Мне бы очень хотелось стать обладательницей костюма, сшитого по рисунку Марии Саблиной.

Л. ОРЛОВА

